

**ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ**

Памяти Б. В. Кривенко и Л. Е. Кройчика

БЫЛОЕ И МЫ

Журналистика и литература в пространстве культуры
Сборник статей

Воронеж 2024

УДК 070:821. 161. 1. 09

ББК 76.01+83.3

Б95

Печатается по решению Ученого совета факультета журналистики ВГУ

Редакционная коллегия: доцент С. Н. Гладышева – ответственный редактор, профессор В. В. Хорольский, старший преподаватель П. И. Новиков

Б95 Былое и мы. Журналистика и литература в пространстве культуры. – Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2024. – 143 с.

Сборник «Былое и мы» издается кафедрой журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета. Он продолжает практику публикации статей сотрудников и аспирантов кафедры истории журналистики и литературы, начатую профессором Л. Е. Кройчиком в 2009 г. В сборнике также публикуются материалы участников научных сессий, выступающих с докладами на конференциях факультета.

Выпуск сборника посвящен 100-летию Б. В. Кривенко и 90-летию Л. Е. Кройчика, сыгравших большую роль в становлении и развитии факультета журналистики ВГУ.

Рассчитан на аудиторию, интересующуюся актуальными вопросами теории и истории публицистики и литературы.

© Факультет журналистики
Воронежского
государственного
университета,
2024

«Мне трудно без России»: журналистика в творческой судьбе Н. А. Оцупа

В творческой биографии видного деятеля русского зарубежья Николая Авдеевича Оцупа (1894–1958) журналистская деятельность занимает особое место. Поэт, мемуарист, литературовед, критик, он часто печатался на страницах эмигрантской периодики, выступал в роли организатора изданий.

Родился Н. А. Оцуп в Царском Селе в большой купеческой семье (у него было 5 братьев и 2 сестры). Параллельно с учебой в Императорской Николаевской Царскосельской гимназии он занимался репетиторством. Рано увлекся поэзией И. Ф. Анненского, начал писать стихи. В 1913 г. после окончания с отличием гимназии Оцуп, «заложив за тридцать два рубля золотую медаль» [15, с. 43], уехал в Париж. Учился в Сорбонне, совмещая занятия на юридическом и филологическом факультетах.

Когда началась Первая мировая война, вернулся на родину и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Часто читал свои стихи друзьям, которые собирались у него дома. В мае 1916 г. Оцуп был мобилизован, служил в запасном пехотном полку 5-й армии, расквартированном в Новгороде. При этом он продолжал учиться в университете, писал стихи.

Октябрьскую революцию Н. Оцуп воспринял как продолжение и развитие первой, Февральской революции, в которой он увидел реализацию демократических устремлений русской интеллигенции. К моменту возвращения осенью 1917 г. в революционный Петроград, «с красными флагами, ошалевшими броневиками» [15, с. 43], он был уже известен в литературных кругах. Участвовал в литературных «воскресеньях» Мережковских, в работе «Дома искусств». Об этом времени он вспоминал впоследствии: «Был в Петербурге и во всей России период чтения лекций по искусству и литературе. Лекторы в шубах и валенках читали в нетопленных помещениях, наполненных промерзшими и жадными до Леконт де Лиля людьми. Я читал лекции в Пролеткульте, в Союзе молодежи, в Балтфлоте и т. д. Приблизительно там же читали Н. Гумилёв, Евг. Замятин, Андрей Белый, К. Чуковский и др.» [15, с. 43].

В конце 1918 г. М. Горький пригласил его на работу в издательство «Всемирная литература», которое было призвано приобщить русского читателя к наиболее значительным произведениям художественной литературы всех времен и народов. Николай Оцуп переводил произведения Р. Саути, Дж.-Г. Байрона, С. Малларме. Здесь он познакомился с А. Блоком и Н. Гумилёвым, бывшими в издательстве главными редакторами переводов зарубежных поэтов. Знакомство с Н. Гумилёвым стало знаковым событием для Оцупа и быстро переросло в дружбу. Гумилев предложил помочь ему восстановить «Цех поэтов» и вместе редактировать сборники «Цеха».

В 1920 г. Оцуп вместе с Н. Гумилёвым, Г. Ивановым, М. Лозинским основали новый «Цех поэтов». Позже к поэтическому объединению примкнули Г. Адамович, А. Ахматова, О. Мандельштам, В. Ходасевич, Н. Тихонов. Объединение выпустило 3 альманаха. Следует отметить, что Оцуп обеспечивал всю практическую сторону издательской деятельности объединения: добывал бумагу для всех стихотворных сборников, устанавливал связи с руководителями национализированных типографий. В издательстве «Цех поэтов» вышел и первый сборник стихотворений Оцупа «Град» (1921) тиражом в тысячу экземпляров. Критик Э. Голлербах откликнулся на сборник в петроградском журнале «Новая Россия»: «Н. Оцуп ("Град") находится еще в поре ученичества: голос у него еще ломкий, "срывающийся", но иногда берущий отчетливые и звучные ноты. <...> Если Оцупу не наскучит роль "выдумщика", он додумается когда-нибудь до совсем хороших стихов» [4, с. 87]. В этот период Оцуп окончательно определился со своим призванием: «Вероятно, поэзия – единственное священное дело на земле» [15, с. 43].

Когда в августе 1921 г. Н. Гумилёв был арестован (ему приписывалось участие в заговоре Таганцева), Оцуп прилагал большие усилия для спасения поэта: обращался в петроградскую ЧК, к Горькому, но безрезультатно. Потрясенный смертью А. Блока, расстрелами своего старшего брата Павла и Н. Гумилёва, которого считал другом и литературным учителем, Оцуп покинул Россию осенью 1922 г. Отъезду за границу предшествовало тяжелое расставание с женой Полиной, которая позже умрет в Ленинграде в 1928 г.

Оказавшись в Берлине, Оцуп окунулся в водоворот литературной жизни русских эмигрантов: встречался с коллегами, выступал с новыми стихами в «Доме искусств», активно печатался. В годы расцвета русскоязычной печати в Германии он вместе с Г. Ивановым переиздал три альманаха «Цеха поэтов» (в сдвоенном – втором и третьем – сбор-

нике была опубликована статья Оцуа «О Гумилеве и классической поэзии»), выпустил новый, четвёртый. Переиздал также свой сборник стихотворений «Град». Во Франции, куда он переезжает вскоре, выходят второй его поэтический сборник «В дыму» (1926) и отдельно изданная поэма «Встреча» (1928). Сборник «В дыму», по общему признанию, одна из лучших книг Оцуа, объединившая стихотворения 1922–1926 гг. Книгу высоко оценили З. Гиппиус и В. Ходасевич. Оцуа сотрудничал в журналах «Звено», «Современные записки», «Встречи», газетах «Последние новости», «Дни», регулярно публикуя в них литературно-критические статьи.

Оцуа как активный участник культурной жизни Парижа, ставшего общепризнанной столицей русского зарубежья, не мог не заметить проблему отцов и детей эмиграции, трудности, с которыми сталкивались молодые литераторы, стремящиеся опубликовать свои произведения. Поколение детей эмиграции мучительно искало смысл жизни и свое место в нем, встречая со стороны старших чаще всего равнодушие и непонимание. «Незамеченным поколением» назвал своих современников прозаик В. Варшавский в одноименной книге (Нью-Йорк. 1956), подчеркнув, что, в отличие от старших годами эмигрантов, они «жили без всякой ответственности, как бы сбоку мира и истории», и им «уже веял в лицо ветерок несуществования» [2, с. 9].

Особенно остро обозначилась в эмиграции проблема «литературной молодежи» (термин был введен М. Л. Слонимом в 1924 г. для обозначения новых явлений в литературе русского зарубежья, связанных с появлением второго поколения русской эмиграции). Если старшие поэты и прозаики стремились в художественной форме претворить опыт свидетелей катастрофы, сохранить образ навсегда исчезнувшего мира, то литературную молодежь интересовал духовный перелом, вызванный крушением вековых общественных устоев. Произведения молодых литераторов отражали состояние человека после катастрофы, лишившей личность ориентации в окружающем мире; в них звучал «мотив одиночества и заброшенности» [19].

Редко кто из писателей старшего поколения оценивал творчество литературной молодежи как новый этап в развитии русской словесности. Дети эмиграции испытывали чаще всего отчужденное отношение мэтров к своим произведениям. Единственный «толстый» журнал в Париже «Современные записки» публиковал в основном произведения маститых литераторов. Другие издания русского зарубежья тоже не спешили сотрудничать с литературной молодежью, и она настойчи-

во искала площадку для публикации своих произведений. Творческая судьба В. В. Набокова – счастливое исключение.

В. Ходасевич с горечью заметил в статье «Литература в изгнании»: «Казалось бы, эмиграция (и прежде всего наши старшие писатели) должны приложить самые любовные усилия к тому, чтобы сберечь это молодое поколение, – ведь это и есть как раз то самое, ради которого раздавались все пылкие речи о сохранении и преемственности культуры. В действительности этого нет. <...> Старшие литераторы в подавляющем большинстве вовсе не интересуются вопросом о том, будет ли у них смена и какова эта смена будет» [19].

Многие публицисты главным фактором, обусловившим особенности творчества молодых, считали оторванность от языковой стихии и культурного процесса на родине. Сами же дети эмиграции настаивали на мировоззренческом своеобразии. Автор первой из статей, в которой прозвучал голос молодых литераторов, А. А. Туринцев назвал свое поколение «без идеальным», «неудавшимся» [16]. Публицист считал, что жизнь заставила его ровесников снять розовые очки, сквозь которые смотрели на мир их прекраснотушные отцы. Вместо торжества гуманистических идей, на которых воспитывались молодые, они увидели «реки крови, нищету и голод» [16]. Задача молодых, по мнению Туринцева, сродни подвигу, они должны породить героев, способных без высоких слов смело взглянуть в лицо жизни и смерти, оставаясь стойкими и готовыми к действию.

Н. Оцуп хорошо понимал проблемы молодых литераторов, об этом свидетельствуют его стихотворные строчки:

Их молодости хочется на свет, Она уроков злобы не усвоит [9].

В 1930 г. Оцупу удалось создать журнал литературы, искусства и философии «Числа», который имел важное значение для творческой реализации младшего поколения эмиграции. Большую роль в этом начинании сыграли его организаторский талант и издательский опыт, полученный в «Цехе поэтов» в Петрограде. На первом этапе (№1–4) он руководил журналом совместно с И. В. де Манциарли, которая являлась соредактором и издателем. Ирма Владимировна де Манциарли входила в «избранный круг» французского теософского журнала последователей взглядов Блаватской «Cahiers de l'étoile». Именно этот орган теософов первое время выделял деньги на издание сборников. С 1931 г. «Числа» стал финансировать писатель и предприниматель А. П. Буров.

В программном заявлении редакции подчеркивалось: «в сборниках не будет места политике, чтобы вопросы сегодняшней минуты не заслоняли других вопросов, менее актуальных, но не менее значи-

тельных. <...> Литература в России всегда была проводником ко всем областям жизни. Вот почему и вот в каком смысле "Числа" задуманы как сборники по преимуществу литературные» [6, с. 6]. Журнал изначально был ориентирован на творчество молодых литераторов, от большинства печатных органов русского зарубежья его отличала целенаправленная вера в «незрелых», «несформировавшихся» поэтов, писателей, эссеистов. Издание делало ставку не на известных авторов, а на открытие и поддержку молодых талантов. Н. Оцуп стал для «незамеченного поколения» не просто редактором, а союзником, учителем, другом. Именно «Числа» позволили творчески состояться Ю. Фельзену, Г. Газданову, В. Яновскому, В. Варшавскому, В. Мамченко, Л. Червинской и др. Журнал открыл для читателей имена А. Алферова, Н. Татищева, М. Агеева.

В периодическом издании были представлены разделы: стихотворения, проза, литературно-критические статьи, рецензии, новости о событиях культурной жизни. Лейтмотивом «Чисел» стала трагедия молодого поколения русского зарубежья. Тематика публикуемых произведений – человеческая судьба, безысходность и одиночество человеческого удела, любовь и смерть, бессмысленность и призрачность мира, роль Божественного начала в жизни человека. Проза и поэзия «Чисел» отличались философской направленностью, для них характерен внутренний динамизм, ставший следствием напряженных духовных исканий авторов. На страницах журнала сформировалось то многообразное единство литературы детей эмиграции, которое получило название «русского Монпарнаса».

Из представителей старшего поколения в «Числах» печатались, кроме самого Оцупа, Г. Адамович, З. Гиппиус, Б. Зайцев, В. Злобин, Г. Иванов, Ант. Ладинский, Д. Мережковский, И. Одоевцева, Г. Равевский, А. Ремизов, Н. Тэффи, С. Франк, М. Цветаева, Л. Шестов. Н. Оцуп часто выступал в журнале со статьями и рецензиями, в которых русская литература всегда становилась предметом глубоких размышлений. В центре его внимания – творческие судьбы А. Пушкина, Ф. Тютчева, Н. Некрасова, Н. Гумилёва, А. Блока, В. Маяковского, А. Белого, О. Мандельштама, Б. Пастернака и др. Интересен взгляд критика на Некрасова, который рассматривается как «Гамлет русской поэзии, русской культуры» [11, с. 165]. Отметим, что статья Н. Оцупа «Серебряный век» (1933. №7–8) [14] ввела в обиход этот термин по отношению к русской поэзии раннего модернизма.

Оцуп часто откликался на сборники молодых поэтов и писателей. Анализируя первый роман Г. Газданова «Вечер у Клэр», Оцуп отме-

чает, что автор «показал себя наблюдательным, умелым и, что важнее всего, настоящим писателем» [10, с. 230]. Творчество берлинской и парижской литературной молодежи, по мнению критика, «всего ближе к заветам "петербургской поэзии" с ее хорошим средним уровнем, грамотностью и чувством меры. Не мешает только помнить, что все эти достоинства ничего не стоят, пока пишущий не научится в стихах оставлять след своей жизни» [13, с. 230]. Эти слова Н. Оцуа – «в стихах оставлять след своей жизни» – можно считать заветом представителя старшего поколения эмиграции, обращенным ко всем молодым поэтам русского зарубежья.

Журнал откликался на все литературные события. Он печатал отчеты о собраниях литературных объединений: «Зеленой лампы», «Союза молодых поэтов и писателей», «Перекрестка», «Кочевья». Заслуживают внимания литературные вечера журнала, на которых обсуждались вопросы литературы, философии, искусства. Первый вечер «Чисел» был посвящен памяти И. Анненского (20 лет со дня смерти).

Журнал проводил опросы среди писателей и художников на различные темы: место Пруста в новейшей литературе и его значение для русской культуры, современное состояние русской и французской живописи, место Ленина в истории, упадок современных художественных исканий и др. На вопросы анкеты ответили М. Алданов, И. Бунин, А. Куприн, В. Набоков (Сирин), М. Осоргин, И. Шмелев.

Наряду с литературой, «Числа» уделяли внимание скульптуре, музыке, балету, живописи, театру, кино. Журнал отличался непревзойденным для русской эмигрантской печати 1930-х гг. эстетическим оформлением. Печатались «Числа» на очень хорошей бумаге «Альфа», текст набирался крупным шрифтом с большими полями на страницах. В каждом номере журнала было около 20 иллюстраций, с изданием сотрудничали художники Н. Гончарова, М. Ларионов, И. Пуни, М. Шагал, А. Яковлев и др. Использовались репродукции Делакруа, Дерена, Мане, Модильяни, Пикассо, Писсарро, Ренуара, Руо. Своим обликом издание напоминало петербургский журнал «Аполлон». Публиковались статьи о творчестве художников: В. Вейдле о М. Шагале (№ 9), А. де Риддера о О. Цадкине (№ 6), Н. Оцуа о М. Ларионове (№ 5) и др.

Новый журнал оказался в центре многочисленных споров. С одной стороны, «Числа» приветствовали как начинание, открывающее дорогу молодым; Г. Федотов назвал журнал «первым за время эмиграции русским литературным событием» [18, с. 144]. Г. Адамович считал, что «Числа» «сгруппировали вокруг себя почти всю русскую элиту и широко открыли страницы журнала молодым, тогда еще только начи-

навшим писателям и поэтам» [1, с. 122]. Мережковский видел в «Числах» «явление настоящей новой русской литературы <...>. Новый сад. И не "ростки" какие-нибудь, а уже молодые, хотя еще и не высокие деревья...» [5, с. 4]. С другой стороны, журнал критиковали за упадничество, аполитичность.

Планировалось выпускать четыре номера журнала в год, но эту идею не удалось осуществить из-за финансовых трудностей. Не было возможности выплачивать гонорары авторам. В 1931–1932 гг. Н. Оцуп и его помощник М. Залкинд устраивали художественные выставки в галерее L'Époque (22, rue La Voëtie), что приносило небольшой доход в пользу издания. В 1930–1934 гг. в Париже вышло 10 номеров журнала (в 8 книгах) тиражом около тысячи экземпляров. В 1934 г. А. Буров прекратил финансировать издание. Полностью подготовленный редактором одиннадцатый номер так и не вышел.

Прекращение выпуска «Чисел» стало трагедией для Н. Оцупа, он болезненно отреагировал на закрытие журнала, который был его любимым детищем. Пережить это трудное время ему помогла жена, русская эмигрантка, киноактриса (они поженились в 1930 году) Диана Карен, ставшая его преданным другом, надежной опорой. В 1939 г. Оцуп опубликовал свой единственный роман, отчасти биографический, «Беатриче в аду» о любви русского эмигранта к актрисе. В середине 1930-х гг. он начал писать главное свое художественное произведение – поэму «Дневник в стихах». Но работу прервала Вторая мировая война.

В начале войны Оцуп записался добровольцем во французскую армию. В Италии во время отпуска он был арестован по обвинению в антифашизме и пробыл в тюрьме более полутора лет. В 1941 г. он бежал, был пойман и отправлен в концлагерь. В 1942 г. ему удалось новый побег, он смог увести с собой 28 военнопленных. С 1943 г. до освобождения Италии он сражается в рядах партизан. За ряд смелых действий Оцуп получил английские и американские военные награды.

После войны он продолжил работу над «Дневником в стихах», которую завершил в 1950 г. Путь Данте, представленный в поэме, является отражением собственного пути поэта по запутанным кругам ада российской и эмигрантской жизни. Произведение посвящено жене поэта Диане Карен, которая выступает в роли Беатриче, ведущей поэта через препятствия к Богу. По сути дела, в поэме показан путь героя от отчаяния к постижению божественной сущности любви. Истинная любовь, по мысли поэта – это любовь-жалость, сострадание и прощение.

Все годы эмиграции Н. Оцуп активно занимался изучением творчества своего литературного учителя и друга Н. Гумилёва, посвящая

ему статьи, рецензии, эссе. В 1951 г. он защитил в Сорбонне докторскую диссертацию о творчестве поэта. Оцупу принадлежит один из лучших биографических очерков «Николай Степанович Гумилёв», опубликованный в нью-йоркском журнале «Опыты» (1953. №1) [12].

В литературно-критических статьях середины 1950-х гг. Оцуп много внимания уделял персонализму, который он рассматривал как новое направление в эмигрантской поэзии. Позаимствовав термин у Н. А. Бердяева, он подчеркивал, что имеет в виду не философское, а чисто литературное явление: «Персонализм – реакция на атеизм, на стадность. Это не эгоизм писателя, это защита его личного достоинства» [7, с. 243]. Для него новое направление основывалось не только на идеях, но и на стилевой индивидуальности автора, его художественных поисках. Он пояснял: «Персонализм в моей идее пришел на смену сыгравшему свою роль акмеизму, если говорить о поэзии русской, в плане же европейском противопоставляет себя экзистенциализму во всех его оттенках» [7, с. 122].

При этом высшим художественным образцом для него было творчество Пушкина. «В годы, когда Россия в лице многих своих выдающихся людей живет и творит на Западе, одно имя достаточно для поддержания в нас связи с родиной, для полной гарантии от денационализации: имя Пушкина, самое русское и самое универсальное» [12, с. 141], – отмечал Оцуп. Он видел в Пушкине национального поэта, сумевшего отобразить в своих произведениях суть русского человека, соединить творческое и социально значимое. Оцупу импонирует пушкинский религиозный взгляд на мир, понимание роли православия в жизни русского народа. Последовательно олицетворяя в Пушкине Россию, Оцуп ратовал за сохранение пушкинских традиций в русской литературе, особенно в литературе русского зарубежья, активно увлекавшейся западными веяниями в искусстве первой трети XX века. Считая Пушкина персоналистом, Оцуп определял его как творческую личность, способную предложить альтернативную западному влиянию на русскую литературу творческую парадигму.

До конца жизни Оцуп не переставал писать и печататься в периодических изданиях (чаще всего – в журнале «Грани»), преподавал русскую литературу аспирантам в «Эколь Нормаль». Умер он от разрыва сердца 28 декабря 1958 г. и был похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем. В 1961 г. вдова Оцупа издала в Париже два тома его стихотворений под названием «Жизнь и смерть» и два сборника его критических и публицистических работ – «Современники» (воспоминания о Н. Гумилёве, И. Анненском, Ф. Сологу-

бе, А. Белом, С. Есенине и др.) и «Литературные очерки». В литературе эмиграции оставили свой след и два брата Н. Оцуа: Александр – писатель, поэт-сатирик, имевший литературный псевдоним Сергей Горный, и Георгий – поэт, печатавшийся под псевдонимом Раевский.

Н. Оцуп принадлежал к поколению родившихся на рубеже XIX–XX вв. деятелей русской культуры, на долю которых выпали тяжелые испытания – революционные дни 1917 г., две мировые войны, жизнь и творчество вдали от родины. Его отличало глубокое понимание и осмысление трагичности эпохи, поддержка молодых талантов. Созданный им журнал «Числа», несмотря на короткий период своего существования, стал «действенным преодолением размытости, распыленности целого поколения, которое самой историей было обречено на несостоятельность и исчезновение» [3, с. 69].

В своем творчестве он выразил мироощущение эмигрантов, которые берегли любовь к своей родине и не утратили веру в высокое предназначение эмиграции по сохранению духовных ценностей русской культуры:

Мне трудно без России. Мне трудно, потому что я ее поэт,

И для меня судьбы не может быть и нет

Достойнее и более желанной,

Чем ей полезным быть в работе неустанной

Над словом, над собой... [9]

Н. И. Ульянов, считавший Оцуа одним из самых интересных мыслителей русской эмиграции, отметил: «Смелость высказываний делает Н. А. Оцуа одним из борцов с призраками прошлого, заступающими нам путь. Если усилия эмиграции не окажутся напрасными, если им суждено когда-нибудь сделаться вкладом в дело национального возрождения, то Оцуп не будет забыт русской литературой. Он не должен быть забыт и по причине своей страстной любви к России» [17, с. 290].

В 1993 г. в Петербурге в издательстве «Logos» вышел сборник произведений Н. Оцуа «Океан времени» [9], составленный его французским учеником и исследователем творчества Луи Алленом с комментариями Р. Д. Тименчика. В 1995 г. диссертация Оцуа вышла в Петербурге отдельной книгой под названием «Николай Гумилев. Жизнь и творчество» [8]. Творческое наследие Оцуа возвращается на родину, и сегодня, в год 130-летия со дня его рождения, мы имеем возможность оценить его заметный вклад в русскую литературу и журналистику.

Литература

1. Адамович Г. «Числа». Книга десятая // Последние новости. 1934. 28 июня.
2. Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956.

3. Васильева М. Неудачи «Чисел» // Литературное обозрение. 1996. № 2. С. 63–69.
4. Голлербах Э. Петербургская Камена // Новая Россия. 1922. №1. С. 87–88.
5. Мережковский Д. Около важного (О «Числах») // Меч. 1934. 5 авг. С. 3–5.
6. От редакции // Числа. 1920. №1. С. 5–7.
7. Оцуп Н. А. Литературные очерки. Париж, 1961.
8. Оцуп Н. А. Николай Гумилев. Жизнь и творчество. СПб., 1995.
9. Оцуп Н. А. Океан времени: Стихотворения. Дневник в стихах. Ст. и воспоминания о писателях. СПб., 1993. URL: <https://litmir.club/br/?b=562227&p=40&ysclid=luqiuppp4ra762180541> (дата обращения: 05.03.2024).
10. Оцуп Н. Гайто Газданов. Вечер у Клэр. Париж: Изд-во Я. Е. Поволоцкой и Ко, 1930 // Числа // 1930. №1. С. 232–233.
11. Оцуп Н. Из дневника // Числа. 1930. №2–3. С. 155–166.
12. Оцуп Н. Н. С. Гумилев // Опыты. 1953. №1. С. 117–142.
13. Оцуп Н. Сборник союза молодых поэтов и писателей в Париже. V. 1931; «Новоселье». Сборник берлинских поэтов. Берлин: Петрополис, 1931; Ирина Кнорринг. Стихи о себе. Париж, 1931; Г. Лузине. Тридцать два. Париж, 1931 // Числа. 1931. №5. С. 229–231.
14. Оцуп Н. Серебряный век // Числа. 1933. №7–8. С. 174–178.
15. Писатели о себе // Новая русская книга. 1922. №11/12. С. 40–43.
16. Туринцев А. А. Неудавшееся поколение // Дни. 1924. 4 сент.
17. Ульянов Н. Николай Оцуп. «Жизнь и смерть» стихи 1, 2. «Современники», «Литературные очерки». Париж, 1961 // Новый журнал. 1961. № 66. С. 287–292.
18. Федотов Г. О смерти, культуре и «Числах» // Числа. 1930/1931. № 4. С. 143–148.
19. Ходасевич В. Литература в изгнании // Возрождение. 1933. 27 апр., 4 мая.

Освещение деятельности ветеранской организации органов внутренних дел Воронежской области ВКонтакте

Завершив в 2018 году службу в отделе информации и общественных связей регионального управления органов внутренних дел, я полагала, что больше мне навыки работы с правоохранительной тематикой не пригодятся. Однако мой профессиональный опыт оказался востребован в ветеранской организации органов внутренних дел Воронежской области.

Она насчитывает более 18 тысяч человек, вышедших в разные годы в отставку. И, как показывает практика, выход на заслуженный отдых не означает того, что люди больше не интересуются деятельностью органов внутренних дел. Многие ветераны хотят содействовать ОВД в обеспечении безопасности, общаться с другими ветеранами, участвовать в различных мероприятиях патриотической и профилактической направленности.

Объединяющую функцию выполняют ветеранские организации. Однако долгое время информирование об их деятельности было недостаточным. В большинстве случаев издания или телеканалы не имеют возможности разместить большой объем материалов, отражающих деятельность какой-либо одной общественной организации; информация о событиях в организации бывает однотипной или узкоспециализированной, не имеет яркого характера, что делает ее малопривлекательной для СМИ; не подпадает под формат СМИ. Также не могут в полной мере обеспечить информирование о работе ветеранской организации официальные сайты органов внутренних дел, имеющие строгие рамки в подаче информации. К тому же она может затеряться в общем ежедневном потоке релизов о деятельности полиции.

Определенные возможности в распространении информации дает ежемесячный журнал Общественной организации ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск России «Ветеран МВД России». Но это издание федерального уровня. И оно не может в полной мере отразить все происходящие в региональных подразделениях организации события, не говоря уже о районных. А ведь в районном звене тоже идет активная работа. На вкладке Общероссийской общественной организации ветеранов органов внутренних дел и внутренних во-

иск на сайте МВД России также отражается информация в основном федерального уровня.

И складывается следующая ситуация: информация о ветеранской деятельности, особенно регионального уровня, востребована многотысячной аудиторией, но ее очень мало в публичном пространстве.

Выходом стал интернет. Как информационные площадки все шире используются социальные сети «Одноклассники» и ВКонтакте. Особо остановлюсь на опыте информирования о деятельности ветеранских организаций в сети ВКонтакте. Здесь относительно недавно стали появляться сообщества, которые объединяют ветеранов органов внутренних дел.

Сегодня ВКонтакте можно найти страницы «Ветеран УВД г. Петрозаводска», «ВETERАНЫ ОВД ВОЛОГОДЧИНЫ», «Ветераны ОВД Великого Новгорода». С февраля 2023 года функционирует страница «Ветераны ОВД'36», отражающая деятельность ветеранов ОВД Воронежской области. Как следует из анонса, сообщество «создано с целью объединения людей, равнодушных к судьбе одной из самых старейших правоохранительных структур нашей страны и является официальной интернет-площадкой Воронежского регионального отделения общественной организации ветеранов ОВД России» [1]. При создании страницы за основу был взят опыт общественной организации ветеранов Петрозаводска.

Целевой аудиторией «Ветераны ОВД'36» стали бывшие сотрудники милиции/полиции, вышедшие в отставку. Однако существует ряд проблемных моментов. Во-первых, большой возрастной интервал аудитории (сотрудники ОВД могут выйти на пенсию в 45 лет, но также в ветеранских рядах есть те, кто уже находится на заслуженном отдыхе 20-30 лет, и даже те, кто отметил 90-летие). Во-вторых, пожилые ветераны – не всегда уверенные пользователи интернета, следствием чего становится медленный рост числа подписчиков. Однако, как свидетельствует статистика, число прочтений нередко в разы превышает число подписчиков. Интерес к информации привел к тому, что пожилые ветераны стали заводить аккаунты ВКонтакте и подписываться на новости сообщества. Некоторым помогают обеспечить доступ к информации их родственники, которые также присоединяются к сообществу. В число участников «Ветераны ОВД'36» также входят члены семей сотрудников, погибших в разные годы при исполнении служебного долга.

Изначально на странице сообщества публиковались посты, приуроченные к общегосударственным праздникам и памятным датам (День защитника Отечества, 8 Марта, 9 Мая, День вывода советских

войск из ДРА и т. п.); к датам, связанным непосредственно с органами внутренних дел (День сотрудника ОВД, День ветерана ОВД, дни образования служб и подразделений). В числе первых также были посты, связанные с событиями истории органов внутренних дел России и Воронежской области, созданием подразделений в системе МВД. Размещались документальные и художественные фильмы о милиции/полиции, ссылки на материалы электронных СМИ, рассказывающие о событиях и представителях ветеранских организаций.

На информационной площадке размещаются обращения к ветеранскому сообществу председателя Совета ветеранов ГУ МВД России по Воронежской области генерал-лейтенанта милиции в отставке В. И. Тройнина, что позволяет оперативно озвучить позицию руководства общественной организации по тому или иному вопросу.

Несмотря на то, что информационная деятельность ведется на общественных началах, в настоящее время идет активное развитие информирования в ВК.

Публикуются материалы о современной деятельности органов ветеранских организаций и областного, и районного уровней. Тематика разнообразна: обсуждение актуальных вопросов; воспитательная работа со школьниками и студентами; посещение ветеранов, в том числе нуждающихся в помощи; волонтерская помощь землякам-военнослужащим; встречи с руководством ОВД и молодыми сотрудниками ОВД; рекомендации по мерам личной безопасности, в том числе детей и др.

В ветеранской среде немало творческих людей, в том числе поэтов. На странице размещаются записи их выступлений на различных концертных площадках. Также публикуются творческие работы ветеранов, увлекающихся фотоделом.

Востребованы оказались очерки и зарисовки, в том числе приуроченные к юбилеям ветеранов, прежде всего пожилого возраста. В комментировании часто помимо сослуживцев и друзей участвуют дети и внуки героев публикаций.

Вошли в практику анонсы культурных событий, в основном патристической направленности. Так, анонсируются мероприятия, проходящие в Воронежской областной универсальной научной библиотеке имени И. С. Никитина, Воронежском областном художественном музее им. И. Н. Крамского, Воронежском областном краеведческом музее, Воронежском академическом театре драмы имени А. Кольцова, Воронежской государственной филармонии, не остаются без внимания и значимые мероприятия районного уровня. Эта информация

призвана способствовать поддержанию высокого культурного уровня ветеранов, возможности встреч сослуживцев.

С ростом интереса к странице список тем продолжает расширяться. Так появляются материалы, приуроченные не только к профессиональным датам, но и к другим памятным событиям. Например, 26 апреля отмечается День памяти погибших в радиационных авариях и катастрофах, приуроченный к годовщине аварии на Чернобыльской атомной электростанции. Участниками ликвидации были и сотрудники органов внутренних дел. Их судьбы также нашли отражение в ленте сообщества.

Создана рубрика, в которой рассказывается о наградах, которыми отмечены сотрудники ОВД, и судьбах их обладателей. Так, например, вышли посты о награде фестиваля «Милосердие белых ночей», награде ООН «IN THE SERVICE OF PEACE», знаке «Лучший следователь» и др.

Появились рубрики просветительского характера, в которых размещается информация с официальных ресурсов, касающаяся льгот, новшеств законодательства, истории какой-либо награды. Публикуются предупреждения о мошеннических действиях.

Страница «Ветераны ОВД'36» позволяет дать представление о деятельности ветеранской организации, обменяться опытом, вспомнить о заслуженных людях, способствует объединению членов сообщества, в том числе для волонтерской деятельности, стать активными участниками общественной жизни.

Появляются свои страницы на местах. Так, есть страница ветеранской организации ОМВД России по Павловскому району. Ветераны ОМВД России по Семилукскому району публикуют информацию на странице общерайонной ветеранской организации. Информация с мест постоянно поступает администраторам сообщества. В настоящее время в числе главных задач страницы «Ветераны ОВД'36» стоит активное продвижение информации и более широкий охват аудитории.

Литература

1. Ветераны ОВД'36. URL: <https://vk.com/club218820482> (дата обращения: 21.03. 2024).

«Реальное изучение самих себя». Подходы к освещению вопросов истории в журнале «Вестник Европы» (1866–1918 гг.)

В начале 1850-х гг. молодой профессор всеобщей истории, будущий издатель и редактор журнала «Вестник Европы» Михаил Матвеевич Стасюлевич считал, что наука не должна спускаться с академических высот ради «доставления занимательности» широкой аудитории. Но коренные изменения в жизни России в связи с реформами Александра II привели его к мысли, что периодике следует активно популяризовать исторические знания. «Наука, – писал он в 1863 г. своему коллеге и наставнику П. А. Плетневу, – обязана предостеречь от чрезмерного увлечения временными интересами и показать, каким образом история в различные эпохи является орудием для оправдания преходящих убеждений... журнал... ищет покорить себе ум читателя... наука стремится освободить его от всякого преходящего авторитета» [15, с. 128].

Результатом стало их совместное с Н. И. Костомаровым прошение, поданное в ноябре 1865 г. в Главное управление по делам печати, и выход в марте 1866 г. первого номера журнала «Вестник Европы», посвященного, как писал во вступительной статье его издатель и редактор, историко-политическим наукам как главной основе всякой политики. Но уже в мартовском номере за 1867 г. в обращении от редакции Стасюлевич вынужден был признать, что «при всем желании оставаться строго в пределах собственно истории и политики мы не могли иногда не преступать этих пределов» [9, с. 2]. И с 1868 г. из специализированного научного журнала «Вестник Европы» превратился в традиционный общественно-политический и литературный – «толстый» ежемесячник, который тем не менее выделялся среди изданий этого типа повышенным интересом к вопросам российской и всеобщей истории.

Этот интерес сохранялся на всем протяжении существования журнала, причем публиковавшиеся научные статьи принадлежали только российским ученым, а труды зарубежных историков широко рецензировались как под специальными рубриками («Историческая хроника», «Исторические новости»), так и посвященными текущей общественной жизни страны («Внутреннее обозрение», «Из общественной хроники»). М. М. Стасюлевич считал, что зарубежная история должна занимать место настолько, насколько она «является сама второю от-

ечественною историею», т. е. позволяет более глубоко осмыслить причины и последствия того, что происходило с Россией на разных этапах ее существования. А перед авторами рубрики «Историческая хроника» была поставлена задача обращать внимание преимущественно на те происходящие в стране и за ее пределами события, которые войдут в историю как наиболее полно выражающие дух своего времени. Но очень скоро стало понятно, что чрезвычайно трудно определить, какие именно события современности будут иметь историческую значимость, и рубрика была закрыта.

Большую роль в формировании подходов к освещению вопросов истории сыграл Н. И. Костомаров, один из инициаторов создания журнала и его постоянный автор с 1866 до 1885 г. Он предложил назвать журнал в память о «Вестнике Европы», который в начале XIX века издавал Н. М. Карамзин, напомнив таким образом о его выдающейся роли в развитии отечественной исторической науки. Костомаров считал, что при описании исторических событий ученый должен ставить во главу угла не действия власти, а понимание их народом, который является подлинным творцом истории. В этом он расходился с другим идейным вдохновителем издания «Вестника Европы» К. Д. Кавелиным, основателем государственной исторической школы, который в протестных народных движениях видел нарушение естественных отношений помещиков и крестьян, а в народном сознании – тождество понятий «царь» и «государство». «Если народ действительно склоняется к самодержавию, – писал Костомаров Кавелину, – то это не исключает разницы между народной и государственной точкой зрения» [6, с. 164]. И считал сутью их расхождений разное понимание значения для прошлого и будущего России самодержавия и народовластия. Но эти разногласия не мешали им, как и другим авторам «Вестника Европы», сходиться в том, что, как писал Костомаров, «историк в своих исторических сочинениях не должен сметь произнести того, что, по совести, считает несогласным с истиною, хотя бы так нужным казалось в угоду государю... или в честь страны, признаваемой отечеством» [7, с. 873]. И, как Кавелин, считать смыслом деятельности на благо России «реальное изучение самих себя, своих насущных нужд и потребностей» [5, с. 633].

Что подразумевалось под реальным изучением прошлого? По мысли международного обозревателя «Вестника Европы» Л. З. Слонимского, историю нельзя представлять как науку только «о развитии разума и прогресса в человечестве», тем самым исключая из нее «без малейшего к тому основания, все неразумное и регрессивное,

существующее и нередко преобладающее в действительности» [13, с. 795]. По убеждению историка Н. И. Кареева, необходимо критическое отношение к прошлому, идеализация которого (чаще всего для поддержания патриотического настроения в обществе) превращает его в «предмет полурелигиозного культа» [4, с. 537, 588], что ведет к непониманию истинных причин происходящего со страной и к искажению национального самосознания. В то время, как «с историческим знанием связана разумная постановка национального идеала» [10, с. 689].

Литературовед, историк русской общественной мысли А. Н. Пыпин, которому принадлежит последнее высказывание, был приглашен к сотрудничеству в «Вестник Европы» по настоянию Н. И. Костомарова. В его исторических очерках, регулярно публиковавшихся с 1867 до 1904 г., была наиболее полно представлена позиция журнала в трактовке смыслов исторических событий, оценке деятельности выдающихся личностей. Он считал долгом историка «в анализе исторических событий... руководиться только требованиями научной критики, устраняя не только личные, но и национальные вкусы, привычки и пристрастия», понимая при этом, что «на деле достижение этой точки зрения бывает чрезвычайно трудно... исторический писатель, как бы глубоко ни проникался он философским понятием о значении своей науки, таким множеством нитей связан с условиями данной минуты, с характером своего общества и народа, что в нем неизбежно будет отражаться совокупность всех тех особенностей его собственной личности, которые даны природой его страны, его племенем, государством, обычаями и преданиями, среди которых он вырос» [2, с. 258]. Избежать односторонности можно, если рассматривать историю как непрерывное движение жизни в ее целостности, поэтому «старину вообще нельзя рассматривать с точки зрения лучших ее сторон: они были так переплетены со всем ее характером, что... взявши одно, надо было брать и другое, вместе с лучшим придет и самое худшее» [12, с. 599]. Поэтому несостоятельны попытки некоторых современных авторов «изображать... старину идеалом национальной жизни, потерянным раем истинно народных начал... возможно ли заверщенное выражение народных начал на полпути исторического роста» [10, с. 316].

А. Н. Пыпин поддерживал взгляд Костомарова на роль народа в историческом процессе. Так, приводя в статье «Русская наука и национальный вопрос в XVIII веке» список выдающихся русских путешественников с подробными биографиями, он особо подчеркнул их далеко не знатное происхождение: Иван Иванович Лепехин, сын семейного солдата; Николай Яковлевич Озерецкий, сын сельского свя-

щенника; Петр Борисович Иноземцев, сын преображенского солдата; Никита Петрович Соколов, сын сельского пономаря; Василий Михайлович Северин, сын придворного музыканта [12, с. 254–256]. А в рецензии на книгу В. А. Бильбасова «Новая история императрицы Екатерины II» замечал, что «славный век» ее правления был «очень привлекателен для известной доли общества, но вовсе не был легок и благоприятен для народа» [3, с. 277]. Видя величие Петра I в том, что он реализовал столетиями существовавшую в России историческую потребность в сближении с Европой и положил начало широкому просвещению страны, Пыпин напоминал, что его реформы дорого обошлись русскому народу. В том же направлении шли мысли и других авторов журнала: «... вся история России есть великий подвиг всего народа» [16, с. 447]. «... необходимые государственные ценности поставляются не Ротшильдами... они только передаточные инстанции... за приличный гонорар в свою пользу; ценности эти поставляются народными массами, их трудом и лишениями...» [8, с. 361–362]. Л. Слонимский сочувственно писал о труде французского историка Ж. Бурдо, где он обвинял коллег в том, что они интересуются только великими и не принимают во внимание народы в их массе, которой принадлежит главная роль в истории. Историк А. Брикнер, размышляя о причинах пугачевского бунта, заключал: «...пугачевщина гораздо важнее Пугачева. Отношение искры – Пугачева – к горячему материалу, накопившемуся в России в продолжение десятилетий и столетий, отчаянное положение крепостных крестьян, раскольников, инородцев и проч. придает всему движению... громадное историческое значение...» [1, с. 101].

В материалах А. Н. Пыпина рубежа 1880–1890-х гг. зазвучала тревога по поводу поворота к национализму в исторических трудах русских ученых, происходившего на фоне усиления национализма в официальной идеологии, в общественном сознании, на бытовом уровне. Он сопровождался антизападнической риторикой в официозной, проправительственной печати, поддерживавшей политику контрреформ Александра III как возвращение России на «истинно русский» путь. В славянофильской печати поднялась новая волна критики реформ Петра I как свернувших страну с этого пути. Национальное чувство как форма любви к родине – писал Пыпин – не должно извращаться «ни в... задорную самонадеянность, ни в тупую и лживую исключительность, которая создает застой и в нем – одну из величайших опасностей национальной жизни», тем более, что «в истории народа указывается множество явлений, из которых очевидно, что сам народ, – которому, обыкновенно, приписывают упорный консерватизм,

– на деле сам тяготился своей исторической действительностью, возмущался против нее, искал из нее выхода в чем-то новом и лучшем, искал той справедливости, к определению которой стремятся современные общественные науки» [11, с. 207, 212].

Универсальное средство от застоя в национальной жизни нашел философ В. С. Соловьев. В большом цикле статей «Очерки из истории русского сознания» он посмотрел на историю России с позиций религиозного мыслителя и именно в нравственно-религиозной сфере обнаружил глубинный источник всех совершавшихся прорывов к новой реальности: «Для народа самосознание есть необходимо самоосуждение, а жизнь есть изменение. Поэтому истинная религия начинается с проповеди покаяния и внутренней перемены... реформа Петра Великого (Соловьев считал ее «историческим подвигом». – Н. К.) имела в сущности глубоко христианский характер, ибо была основана на нравственно-религиозном акте национального самоосуждения. Чтобы быть плодотворным, этот акт должен был непрерывно возобновляться» [14, с. 301]. И это произошло в эпоху реформ Александра II, когда отмена крепостного права была обусловлена «не национальной гордостью, не сознанием своего превосходства, а... сознанием своих грехов и немощей, самоосуждением и покаянием» [14, с. 745]. Благо народа в его историческом развитии Соловьев определил как «все более глубокое проникновение началами общечеловеческой культуры, сопровождаемое критическим отношением к своей общественной действительности». Это – писал он – «единственный путь, чтобы развить все положительные силы русской нации, проявить истинную самобытность, принять самостоятельное и деятельное участие во всемирном ходе истории» [14, с. 303].

О необходимости критического исследования прошлого неоднократно говорил и Пыпин, считавший, что только так историк может избежать искажений реального исторического процесса. Кроме того, для избежания субъективности в оценке событий российской истории следует обращаться к истории политической мысли Европы, поскольку под влиянием европейского просвещения, европейской научной, технической мысли Россия развивалась в течение двух веков и добилась больших успехов. Соответственно все более значимыми, а подчас решающими становились ее роль в общеевропейских делах, ее влияние на судьбы Европы.

Западническая позиция «Вестника Европы» была неизменной весь долгий период существования журнала. Редкий номер обходился без публикаций, посвященных истории того или иного государства Евро-

пы. И так же, как в отношении российской истории, авторы этих материалов обращались и к светлым, и к темным ее сторонам. В том же ключе освещалась история Соединенных Штатов Америки, частота обращений к которой возросла к началу XX века. Редакция «Вестника Европы» считала принципиальным размышлять о прошлом, настоящем и будущем своей страны в контексте мирового исторического процесса, полагая, что в открытости России миру – главное условие ее процветания. В. Соловьев, оценивая значение реформ Петра I, писал: «Все дело было в том, чтобы сломать стену, отделявшую Россию от человечества. Это дело Петр Великий сделал прочно, бесповоротно. Какой бы вред ни приносили нам позднейшие реакции, вернуть Россию назад с пути, открытого для нее Петром, они не в состоянии» [14, с. 300–301].

Литература

1. Брикнер А. Пугачев. Критический очерк (по книге Н. Дубровина «Пугачев и его сподвижники») // Вестник Европы. 1886. №4. С. 95–113.
2. В-н А. Исторические новости. «Русская старина», 1888-1889, «Русский архив», «Исторический вестник» // Вестник Европы. 1890. №5. С. 257–301.
3. В-н А. Новая история императрицы Екатерины II // Вестник Европы. 1890. №7. С. 274–315.
4. Кареев Н. И. Новейшая польская историография и переворот в ней // Вестник Европы. 1886. №12. С. 535–588.
5. Корсаков Д. А. К. Д. Кавелин. Материалы для биографии из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1887. №2. С. 608–645.
6. Корсаков Д. А. Н. И. Костомаров в его отношениях к К. Д. Кавелину // Исторический вестник. 1917. Т.149. С. 157–165.
7. Костомаров Н. И. По поводу книги: История русского типа сознания по историческим памятникам и научным сочинениям, М. О. Кояловича // Вестник Европы. 1885. №4. С. 867–878.
8. О. Государственная роспись 1884 г. и ее исполнение // Вестник Европы. 1886. №1. С. 358–377.
9. От редакции // Вестник Европы. 1867. №3. С. 1–4.
10. Пыпин А. Н. Московская старина // Вестник Европы. 1885. №1. С. 267–316; №2. С. 689–733.
11. Пыпин А. Н. Об историческом складе русской народности // Вестник Европы. 1884. №9. С. 207–248.
12. Пыпин А. Н. Русская наука и национальный вопрос в XVIII веке // Вестник Европы. 1884. №5. С.212–215, №6. С. 548–600.
13. Слонимский Л. З. Новый тип научной истории // Вестник Европы. 1888. №12. С. 781–796.
14. Соловьев В. С. Очерки из истории русского сознания // Вестник Европы. 1889. №5. С. 290–303, №6. С. 734–745.
15. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т.1. СПб., 1911.
16. Ш. Дворянство в России // Вестник Европы. 1886. №6. С. 422–452.

Ранняя публицистика Н. С. Лескова: реальность и текст

Ранняя публицистика Николая Лескова – заметное явление в русской общественной жизни начала 1860-х гг. Она обратила на себя внимание многих современников, стала своего рода визитной карточкой будущего знаменитого писателя. Даже в некрологах, в этих первых попытках подытожить значение жизни и творчества Н. С. Лескова, отмечалось, что он «уже первыми своими работами завоевал себе известность. О его очерках много говорили в тогдашних передовых и либеральных кружках, в которых его радушно принимали» [4]; «На литературное поприще он выступил в 1860 году и быстро приобрел известность» [5].

Начало творческого пути Лескова во многом сродни динамичному вхождению в большую литературу в начале 1860-х гг. Добролюбова, Писарева, Помяловского, Решетникова. Два главных вопроса поставила перед ним жизнь в эти переломные годы. Первый – о будущем России – останется для него неразрешимым до конца дней. На второй – о творческом методе, о собственном стиле – он нашел ответ, затратив массу сил, испытывая себя в самых разных ипостасях журнальной и газетной работы.

Первая заметка Лескова была опубликована в еженедельном журнале «Указатель экономический, политический и промышленный» (1860. № 181 (июнь)) без подписи: о том, что в Киеве у книгопродавца С. И. Литова продавалось Евангелие на русском, а не на славянском языке, как издавалось оно до тех пор, и вместо проставленной на обложке цены в 20 копеек продавец требовал 40 копеек. Через три дня обширная корреспонденция на эту же тему была опубликована в «Санкт-Петербургских ведомостях» (уже с подписью – Николай Лесков), а также в журнале «Книжный вестник».

Не случайно биограф писателя Р. Сементковский обращал внимание на то, что «первая статья Лескова была посвящена вопросу о распространении Евангелия. Таким образом, тут сказалось во всей силе его мирозерцание, сложившееся в детстве и юности, получившее такое блестящее выражение во всей его литературной деятельности, – мирозерцание, основанное на глубоком альтруистическом чувстве» [7, с. 25].

Уже самые первые публикации свидетельствуют о том, что Лесков был переполнен разнообразными впечатлениями, стремился рассказать о них читателям. Если его первая заметка посвящена вопросам

духовным, то первый очерк (Очерки винокуренной промышленности (Пензенская губерния) // Отечественные записки. 1861. № 4) (написанный даже несколько ранее указанной выше заметки) основывался на вопросах сугубо земных и сложился как своеобразный отклик на волну «питейных бунтов», прокатившуюся по России.

Очевидно, что весомую роль в стремлении Лескова печататься сыграл его дядя – киевский профессор терапии С. П. Алферьев. Он познакомил племянника с профессором Киевского университета А. П. Вальтером. Александр Петрович – ученик Н. И. Пирогова, учился в Вене и Берлине, был профессором и заведующим анатомическим театром в Киевском университете. Именно в 1860 г. Вальтер, автор многих научных трудов, начал издавать еженедельную газету (в некоторых источниках, например в Большой советской энциклопедии, ее именуют журналом) «Современная медицина», состоявшую по большей части из его собственных статей. Одним из активных авторов первенца киевской медицинской периодики стал Лесков, с сентября 1860 г. служивший в канцелярии киевского генерал-губернатора И. И. Васильчикова.

Солидная статья Лескова под заголовком «О рабочем классе» была опубликована в «Современной медицине» 18 августа 1860 г. (рубрика «Фельетон»). По сути, это «отражение отраженного» – отклик на напечатанное в «Библиотеке для чтения» начало исследования Ф. Тернера «О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния», в основе которого были статистические сведения из работы К. Веселовского «О недвижимых имуществах в Петербурге». Однако Лесков выходит далеко за рамки косвенного цитирования, ставит вопрос о том, «каким образом следует изменить законы и правила общественной гигиены», выступает с обобщениями: «мы не можем похвалиться совершенным знакомством с положением рабочего класса», «мы решительно не знаем, как живет бедный рабочий класс» [3, с. 19]. Это неопределенное «мы» – не просто отождествление с каким-либо сословием, а свидетельство наивной уверенности автора в том, что собравшись по среднему классу разделят его взгляды и устремления. Не случайно Лесков пишет: «пора бы нам освободиться от того табунного свойства, по которому люди без всякого желания делают всё то, что делают все, и, в силу некоторых авторитетов, считают безмолвие добродетелью... Пора нам отвыкнуть от мысли, что предметом литературы должно быть что-нибудь особенное, а не то, что всегда перед глазами и отчего мы все страдаем, прямо или косвенно» [3, с. 20].

Еще более жесткой постановкой вопросов отмечена следующая публикация в «Современной медицине» – «Несколько слов о полицей-

ских врачах в России» (1860. 6 окт.): «Пора бы и очень пора открыто поговорить, каким образом завести, вместо врачей-взяточников, просвещенных и добросовестных медиков, на недостаток которых уже нельзя опираться. Одна беда – их годовой труд нельзя приобрести за такое ничтожное возмездие, которым обходятся теперешние горе-врачи, а этой-то беде нужно помочь во что бы то ни стало» [3, с. 25].

В числе характерных особенностей данной публикации уже встречавшееся использование авторского «мы» («мы не можем знать и верить»), латыни (статья на медицинские темы!), упоминание о рекрутских наборах (фельетонист насыщает текст собственными наблюдениями), использование в качестве примера и для создания сатирического и комического эффекта курьезных выдержек из медицинских заключений о состоянии жертв преступлений (необходимо отметить, что иронический стиль вообще характерен для Лескова-публициста).

И в этой публикации автор демонстрирует довольно идеалистический взгляд на решение непростых социальных проблем. Можно предположить, что ряд выводов и идей были просто продиктованы Лескову старшими товарищами-профессорами во время обсуждения первоначальных набросков статьи. Именно так можно объяснить появление в тексте статьи фразы: «Мы видим, что городовые и уездные врачи, неизвестные в науке никакими трудами и не заботящиеся нимало следить за современным её развитием, получают несравненно более средств к жизни, нежели многие университетские профессора, служащие двигателями науки» [3, с. 24].

Менее чем через месяц после появления статьи в Киев пришел запрос министра внутренних дел С. С. Ланского с требованием к генерал-губернатору немедленно прекратить описанные в газете злоупотребления, а «если же вся статья заключает в себе лишь одну клевету, то как подписавший оную Фрейшиц, так и редактор газеты должны подвергнуться законному за то взысканию» [6, с. 308]. Редакция газеты не хотела сообщать, кому принадлежит псевдоним, не имелось у автора и редактора и юридических доказательств обнародованных фактов. В итоге завязалась изнурительная переписка с властными структурами. Даже беглый пересказ этих писем занял бы значительное место. Оставляя эту тему для отдельного исследования, отметим характер аргументации, используемой Николаем Лесковым: «основания, которыми я руководился при составлении статьи <...> не принадлежат к числу явлений, составляющих факты юридические. Они – и вид наблюдательности, народного голоса» [6, с. 310], данные «не могут быть для чиновника, производящего следствие, теми же данными,

какими может принимать их литературный деятель, свободный от всяких форм и, вследствие своей неофициальности, доступный открытому слову народа» [6, с. 311]. Это не просто аргументация в некоей объяснительной записке, это плод размышления над сутью деятельности чиновника и литератора, размышления человека, выбирающего свой дальнейший жизненный путь. Слово «народ» здесь ключевое – чтобы быть ближе к народу, Лесков принимает решение стать литератором.

Конфликт вокруг вышеназванной статьи обострил отношения недавно принятого на службу чиновника Лескова с начальством и с коллегами, к тому же не всё складывалось в характере сотрудничества с редакцией. Здесь предпринимали постоянные попытки смягчить тексты молодого Лескова примечаниями, послесловиями, сокращениями. На одну из опубликованных позднее реплик (за подписью «Ф. Б.») Лесков резко ответил в декабре 1860 г. И на этом сотрудничество с «Современной медициной» закончилось навсегда.

Можно высказать предположение, что причиной разрыва были не только административный диктат и желание редакции «пригладить» статьи строптивого автора. Лескову было просто тесно в рамках сугубо медицинского издания. При всем богатстве жизненных впечатлений вряд ли начинающий публицист мог бы предложить специализированной газете еще новые и новые статьи. Тем более что параллельно петербургский журнал «Указатель экономический...» опубликовал во второй половине 1860 г. целую россыпь лесковских заметок: о проблемах благоустройства Киева, о лекциях Вальтера в анатомическом театре, об открытии в Киеве книжного абонемента и т. д. Осень 1860 г. – начало постоянного сотрудничества Лескова с «Указателем экономическим...».

Идея необычного названия журнала «Указатель экономический, политический и промышленный» принадлежала его издателям и редакторам – чете русских экономистов Вернадских. Еженедельник выходил с 1857 по 1861 г. и, по словам современников, «одно время пользовался значительным успехом». В качестве приложения к нему в 1858–1861 гг. издавался журнал «Экономист».

В книге «Жизнь Николая Лескова» А. Н. Лесков пишет об отце: «... в конце декабря 1860 или начале января 1861 года приезжает в Петербург. Здесь исключительное радушие со стороны И. В. Вернадского и его жены, "приючающих" у себя "киевлянина". Нет одиночества и растерянности в чужом городе. Напротив, создается бытовой уют, жизнь в высококультурной семье не слишком много старшего, но много более просвещенного ученого, неизбежно становящегося поначалу руководителем первых шагов новичка» [2, с. 130].

Здесь мы вынуждены обратить внимание на явную неточность в книге А. Н. Лескова. Во-первых, Николай Лесков, судя по архивным документам, уехал из Киева только в конце января [6, с. 299]. Во-вторых, Мария Николаевна Вернадская (урожденная Шигаева) умерла 12 (24) октября 1860 г., когда ей не исполнилось и 29 лет. А значит, никак не могла «приючать» у себя Николая Лескова, да и бытовой уют у Вернадского, по понятным причинам, в эти месяцы был далеким от общепринятых представлений. Скорее наоборот, приезд молодого автора оказался находкой для оставшегося в одиночестве редактора Вернадского. Ведь немалая доля забот о журнале лежала на плечах Марии Николаевны – хотя ей принадлежала честь быть первой русской женщиной-политэкономом, в журнале она публиковала свои многочисленные статьи без подписи.

Иван Васильевич Вернадский (1821–1884) был давним сослуживцем Вальтера и Алферьева. Выпускник Киевского университета, с 1846 по 1849 г. заведовал здесь кафедрой политической экономии (небезынтересно упомянуть, что И. В. Вернадский – отец Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945), академика, основателя геохимии). В 1856–1867 гг. И. В. Вернадский служил чиновником особых поручений при министре внутренних дел, преподавал в Александровском лицее (1861–1868). Он стал вторым (после Вальтера) гидом Лескова на его пути в публицистику. Вернадский не только предоставил страницы журнала молодому киевлянину, но и ввел его в Политико-экономический комитет Географического общества, в Комитет грамотности при третьем отделении Русского вольного экономического общества. Лесков как знаток русской жизни быстро становится желанным участником пирушек, писательской артели.

Россия переживала великий перелом. В начале полосы реформ перед обществом стоял мучительный вопрос: станут ли люди лучше благодаря начатым грандиозным преобразованиям? Весь опыт подсказывал Лескову: нет! Но он вступал на стезю публициста не ради того, чтобы получить однозначный ответ. На первом плане было стремление показать читателям жизнь народа во всех ее противоречиях.

Поначалу Лесков-журналист скромн и осмoтpителен, его цель – только указать на недостатки, которые, быть может, не замечали до него. Робкие заголовки («Вопрос о...», «Несколько слов...» – трижды), гимназическое демонстрирование знания латыни, почти обязательное использование эпитафий и т. д., – на наш взгляд, всё это можно объяснить определенной степенью неуверенности молодого автора, только входящего в журнальный мир.

Одно из первых выступлений Лескова против пьянства было опубликовано под заголовком, похожим на вывеску, – «Несколько слов о местах распивочной продажи хлебного вина, водок, пива и мёда» (Указатель экономический... 1860. № 203 (нояб.)). Это не только протест против повального опьянения русского народа, но и слово в защиту интересов маленького человека:

«Человек с малым достатком, но с некоторым развитием эстетического чувства у нас лишен возможности удовлетворить своей потребности... Нельзя войти в эти места перелива откупных специй в желудки потребителей по тому омерзению, которое они внушают всякому человеку, мало-мальски очистившему свой вкус» [3, с. 27].

Сильны в статье социально-экономические мотивы, автор указывает на основную причину деградации питейного дела – отсутствие конкуренции, пишет о «переизбытке в городских обществах непроеводительных членов».

В качестве приемлемого варианта решения проблемы Лесков называет распространение в России заведений, «которые бы удовлетворяли требованиям разнородных потребителей, не посягая на чрезмерное опустошение их карманов», и приводит в пример пивные погреба Германии.

Завершает публикацию некая фантастическая концовка, блестящий осколок неповторимого стиля будущего Лескова: «За успех таких заведений можно смело ручаться. Их не убьют толки прелазящих инуде везде, где найдутся люди, уверенные, что все невходящие дверьми суть тати и разбойники, которых не достоин слушать» [3, с. 31].

Аналогичным проблемам была посвящена еще одна статья в «Указателе экономическом...» – «Вопрос об искоренении пьянства в рабочем классе» (1861. № 220 (январь)). Но на этот раз Лесков выходит на более широкие социальные обобщения: «Ни мор, ни глад, ни огонь двенадцати язык не ознаменовали так своих губительных нашествий на нашу отчизну, как укоренившийся у нас страшный порок пьянства – буйного, дикого, отвратительного и иногда обесмысливающего наше чернорабочее сословие... Запрещения и препятствия ни к чему не ведут, кроме злоупотреблений запретительными правилами... Нужно пролить в массы свет разума, нужно очистить их вкусы, нужно указать им другие наслаждения, вне кабачной атмосферы... Воскресные школы, народные театры, клубы, лектории и примеры воздержанности – вот источники отрезвления рабочего класса» [3, с. 31, 33].

Ранняя публицистика Лескова является средоточием различных языковых приемов: многообразны лексические средства (использование устаревших слов, церковной, разговорной и диалектной лексики,

фразеологизмов), стилистические фигуры (антонимия, повторы и т. д.). В статье «Несколько слов об ищущих коммерческих мест в России» (Указатель экономический... 1860. № 206 (дек.)) у Лескова впервые появляется вполне твердое и определенное «Я». Он пишет: «я говорю», «я думаю», «я не могу не вспомнить» (но рядом еще присутствует прежнее «мы уже сказали»). Очевидно, что статья написана в защиту формирующихся интересов среднего класса: «Воспитанные при условиях, неблагоприятствующих телесному развитию, люди эти не могли обратиться ни к какому физическому труду... Русское же купечество не протянуло руки соотчикам, искавшим работы, и как бы в один голос отвечало дворянчикам: “нет-с, нам не требуется; у нас своих много-с”» [3, с. 35].

Подчеркивая мысль о том, что «Европа движется к нам – мы движемся к Европе», далекий от идеализации России Лесков рисует перспективы будущего развития, в то же время опасаясь, что косность и консерватизм не позволят выйти на столбовую дорожку мирового развития: «... с тех пор, как разночинная молодежь русская стала мало-помалу отрешаться от чиновности и стремиться к труду производительному, обнаружилось, что предлагаемого этими людьми труда никому на святой Руси не нужно; иными словами, что предложение труда русских людей превышает запрос его в России, стране непочатых работ и невозделанных богатств» [3, с. 36–37].

Взор журналиста не случайно был обращен на вопрос о востребованности умных и образованных людей в экономической жизни. Статью «Торговая кабала» (Указатель экономический... 1861. № 221 (февр.)) автор посвятил проблеме наемного труда. Обращает на себя внимание вкрапленное в текст сочное описание положения подростков в учениках – зачаток будущего очерка, рассказа.

В этой статье Лесков вновь использует аргументы «ни в одной стране», подчеркивает, что в России сложилась традиция не служения, не наемного труда, а рабства, прислужничества, торжества деспотизма. Лесков, бывший в то время читателем герценовского «Колокола», обращается к публике с прямым призывом: «Этому нужно положить бы конец, особенно теперь, при эманципации крестьян следовало бы русскому обществу подумать об улучшении положения торгового малолетнего люда... Пора уважать в людях неотъемлемые права человеческой свободы» [3, с. 46].

Конечно же, такие смелые мысли выходили далеко за рамки начинавшейся реформы. Освободить всех и вся от любых форм угнетения – такой лозунг появился много позже, на знаменах большевиков. Однако симптоматичен порыв молодого публициста, поверившего в очистительную силу преобразований, которые дают стране шанс выйти

из многолетнего застоя. Лесков-публицист – сторонник освобождения крестьян, сторонник глобального реформирования России.

На примере «Указателя экономического...» мы видим, какой мучительный творческий поиск вел молодой Лесков, входящий в мир публицистики. Он вспоминал позднее: «Мне не приходилось пробиваться сквозь книги и готовые понятия к народу и его быту. Я изучил его на месте. Книги были добрыми мне помощниками, но коренником был я. По этой причине я не пристал ни к одной школе» [8, с. 20–21]. Выбор тем и заголовков, манера письма, постановка вопросов в статьях, – всё это был сложный путь проб и сомнений. Необходимо учитывать и то, что своеобразный отпечаток на его статьи могла наложить и редакторская правка И. В. Вернадского. Характерно, что в публицистику Лесков первоначально шел лишь в качестве автора статей экономического и правового характера, то есть назвать его журналистом, репортером в классическом понимании этих слов можно с большой натяжкой. Однако известный литературовед, составитель сборника лесковской публицистики «Честное слово» (М., 1988) и собрания сочинений в 6 томах (М., 1993), Л. А. Аннинский почему-то настойчиво именовал «Указатель экономический...» газетой. Возможно, ошибка эта не случайна, а является свидетельством стремления Л. А. Аннинского изложить начало творческого пути Лескова в традиционном русле: репортер газеты – автор журнальных очерков – беллетрист...

Блестящий образец формирования художественного метода будущего писателя – две ранние статьи о переселенческом вопросе. Первая – «О переселенных крестьянах» – была опубликована в журнале «Век» 1 апреля 1861 г. Статью Лескова напечатали под красноречивым псевдонимом «Николай Понукалов» (т. е. Лесков как бы подчеркивал свою роль поводыря, наставника в процессе начавшихся реформ – стремление «понукать», подгонять).

Для рассмотрения в статье взято не глобальное явление, а частный случай, который произошел с переселившимися крестьянами вследствие смерти их нового помещика. Читатель встречает скучные вступительные фразы наподобие «один из таких вопросов составит предмет настоящей статьи». По сути, эта публикация принадлежит к разряду заурядных, будничных текстов, которыми всегда переполнена периодика.

Зато вторая статья – «О русском расселении и о политико-экономическом комитете» – представляется далеко не рядовой пробой пера будущего мэтра. Она была напечатана в журнале «Время» в декабре 1861 г. Журнал издавали братья Достоевские, и это, возможно, определило усиление в тексте беллетристического компонента.

В статье снова появляется «Я» (и здесь намного чаще, чем в предыдущих текстах), Лесков выступает уже не в роли резонера (экономиста или юриста), а в роли оратора, смело используя методы полемики. Например, повторяя утверждение одного из ораторов, выступавших на заседании политико-экономического комитета, Лесков полемизирует с ним: «У нас нет нужды в расселении, потому что стоит усвоить народу высшие приемы агрикультуры, так нигде еще не будет тесно! А пока народ усвоит эти высшие приемы?» [3, с. 67].

Лесков подчеркивает свой отход от идеалистических взглядов на решение непростых социально-экономических проблем. Он видит, что главный критерий верности любых теорий – жизнь народная. Удивительно уместно здесь то, что Лесков привел живую картину – одну из множества, виденных им во время поездок по Руси. Фраза: «Я был свидетелем большого переселения крестьян из Орловской губернии к жигулёвским горам и в саратовские степи» [3, с. 61], – открывает нам первое художественное описание Лесковым русской дороги, русского странничества.

Но пока это только иллюстрация. Основная цель статьи – поддерживать работу комитета, где складывается практика открытого обсуждения насущных проблем русской жизни. Восклицая «неужели все это не должно обратить на себя внимание общества и литературы?», Лесков явно сочувствовал комитету, где обсуждение шло «без всяких бюрократических стеснений». В качестве первоочередной меры он предлагал значительно расширить круг приглашаемых на заседания лиц: «Нам еще не совсем знакомы самые простые законы публичных прений, а это очень печально, особенно теперь, когда мы ожидаем права говорить за себя в суде» [3, с. 73].

Статья «О русском расселении и о политико-экономическом комитете» – серьезная веха в становлении Лесков-писателя. Важно и то, что на заседаниях комитета он неоднократно выступал по актуальным вопросам. Уже тогда начинающий публицист указывал на необходимость для общественного и экономического развития гласности и «свободного печатания».

Молодой Лесков сотрудничал и с еженедельной газетой «Русская речь», издательница и редактор которой Евгения Тур в мае 1861 г. передала редакторские полномочия сотруднику газеты Е. М. Феоктистову. Приехавшему в Москву летом 1861 г. Лескову предложили вести в газете «внутреннее обозрение» с окладом 1200 рублей в год. Однако вскоре в редакции разгорелся пожар непреодолимого конфликта, нашедшего позднее свои отзвуки в романе «Некуда». Лесков уже на первых шагах в журналистике вполне окунулся в далеко не идеаль-

ную атмосферу редакционной жизни и даже «завел перспективные знакомства». Характерно, что в «Русской речи» была опубликована статья «Русские люди, состоящие “не у дел”» (1861. № 52 (29 июня)). В ней автор выступает более раскрепощенно, чем в «Указателе экономического...». Чего стоит, например, фраза: «Негодование на чиновников до такой степени овладело нашими сердцами...» Серьезный упрек звучит в адрес демократически настроенных публицистов: «Литература делала свое дело, убеждая нас трудиться вне канцелярской атмосферы; но она остановилась на половине пути... она упустила из виду напомнить обществу его обязанность подумать и о том, чтобы дать людям, сошедшим с чиновной дороги, доступ к другим делам» [3, с. 48]. Лесков, оставаясь верным своей авторской манере, вновь приводит положительный пример из зарубежной, на этот раз английской действительности – кооперативные ассоциации, которые помогают удержаться на плаву представителям среднего класса.

Особенно симптоматична сентенция Лескова, свидетельствующая об его отходе от избранного вначале «экономико-юридического» метода публициста. Слова Лескова о том, что «есть профессии, упразднения которых может желать современное человечество, но нет людей, которые бы не стоили человеческого внимания и содействия» [3, с. 51], являются ключом к пониманию того, как в начинающем политэкономе уже созрел писатель с его интересом к каждой человеческой жизни.

Конец 1861 года – трудный для Лескова период: конфликт в «Русской речи», расхождение путей с Вернадским, разочарование в деятельности политико-экономического комитета, где красноречие обитало только ради красноречия. И всё же Лесков остался с «постепеновцами», не поддержал революционеров-«нетерпеливцев». Драма демократически настроенного публициста усиливалась жаждой найти свою интонацию, которая была бы искренней, реалистичной, не обманывала читателя.

Вернувшись в Петербург в конце 1861 года, Лесков много пишет для журналов «Время», «Книжный вестник», «Век», становится постоянным сотрудником газеты «Северная пчела». Всё больше и больше проявляется его интерес не только к экономическим вопросам, а к самой сути народной жизни. Как результат, весной 1862 года были опубликованы небольшие рассказы Лескова «Погасшее дело» (Век. 1862, 25 марта), «Разбойник» (Северная пчела. 1862. 23 апр.), «В тарантасе» (Северная пчела. 1862. 4 мая).

Активно участвуя в работе Географического общества, в начале 1862 года Лесков подает заявку о желании совершить поездку по юго-востоку России – низовья Волги, Каспий, Азов. Конечно же, он считал

естественным для себя во время путешествия выступить и в роли специального корреспондента газеты, писал своему знакомцу: «Я буду вести мой походный журнал живыми сценами, как пишу свои рассказы... Опыт убедил меня, что у нас это самый удобный метод описаний. Он не исключает возможности научного метода в исследованиях и даст произведению тот характер, к какому привыкли наши читатели, убегающие от книг, писанных в виде чистого исследования» [2, с. 137].

Лесков становится постоянным автором верхних столбцов «Северной пчелы». Нижние столбцы в то время вел П. И. Мельников. При всей схожести тематики и, возможно, стилевом родстве двух писателей критики не могли не обратить внимания на безымянного автора именно верхних столбцов. К тому же своим намерением дать отпор левому экстремизму, выпадами против «деспотизма либералов» он явно приглашал к полемике демократический «Современник» и «не-терпеливца» Чернышевского. Действительно, «Современник» вскоре откликнулся на вызов Лескова, мечтавшего не о революции, а о «благоустроенном государстве». Но, что удивительно, журнал отозвался довольно вяло и мягко, оставляя строптивому оппоненту возможность умерить пыл: «Нам жаль верхних столбцов "Пчелы". Там тратится напрасно сила не только не высказавшаяся и не исчерпавшая себя, а может быть, еще и не нашедшая своего настоящего пути. Мы думаем, по крайней мере, что при большей сосредоточенности и устойчивости своей деятельности, при большем внимании к своим трудам она найдет свой настоящий путь и сделается когда-нибудь силою замечательною, быть может, совсем в другом роде, а не в том, в котором она теперь подвизается» (Современник. 1862. № 4. С. 305).

Казалось бы, компромисс Лескова и «Современника» был еще возможен. Но в мае 1862 г. «Северная пчела» резко изменила тон в отношении радикалов. Ударом грома в накаленной политической атмосфере стали знаменитые петербургские пожары. Лескову, далеко не самому опытному сотруднику, поручили написать передовую статью по горячим (в буквальном смысле слова) следам. Знаменитая статья о гостинодворских пожарах была напечатана в «Северной пчеле» 30 мая 1862 г. Лесков однозначно выступил в роли охранителя режима, резкого критика «политических демагогов», обратившихся к народу с «мерзким и возмутительным воззванием». В статье звучали призывы покончить с бездействием полиции, обнародовать действительные факты, создать добровольческие дружины...

Лесков оказался между двух огней, между баррикад. Фраза «чтобы присылаемые команды являлись на пожары для действительной по-

мощи, а не для стояния» вызвала гнев Александра II. Он написал: «Не следовало пропускать, тем более что это ложь» [2, с. 143]. Началась травля Лескова представителями радикального лагеря...

Спасением стала большая поездка – командировка в качестве сотрудника газеты (Литва, Белоруссия, Украина, Польша, Чехия, Франция). Лесков отправился в путь в сентябре 1862 г. – так завершился двухлетний период его вхождения в публицистику. За считанные месяцы он прошел трудный путь от новичка до уже известного публициста, которого не только читают, но и дружно ругают. Удалось поднять множество тем, выступить в десятке изданий, опубликовать не только статьи, но и первые рассказы. Журнальное дело стало делом жизни (и самовыражения, и общественного признания, и заработка). Не случайно Лесков главную задачу журналистской и писательской работы видел в том, чтобы «группировкою разносторонних мнений выработать возможно лучшее понятие о том, чему и как литература может служить народу, оставив ему полную свободу разумно действовать развязанными руками и петь какие угодно песни» [1, с. 130].

Литература

1. Громов В. А. Лесков – сотрудник артельного журнала «Век» // Литературное наследство. Т. 101: Неизданный Лесков. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2000. С. 125–151.
2. Лесков А. Жизнь Николая Лескова. Тула, 1981.
3. Лесков Н. Честное слово. М., 1988.
4. Н. С. Лесков. Некролог // Новости и Биржевая газета. 1895. 26 февр.
5. Н. С. Лесков. Некролог // Живописное обозрение. 1895. № 9. С. 174.
6. О жизни Лескова в Киеве в 1860–1861 годах. По документам Центрального государственного исторического архива Украины. Вступ. статья, публикации и комментарии Л. И. Левандовского // Литературное наследство. Т. 101: Неизданный Лесков. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2000. С. 295–321.
7. Сементковский Р. Н. С. Лесков (вступительная статья) // Лесков Н. С. Полн. собр. соч. Изд. 3-е. СПб., 1902. Т. I. С. 5–66.
8. Фаресов А. И. Против течений. Н. С. Лесков, его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб., 1904.

Независимый «Оренбургский край» (1892–1895 гг.) – газета местной интеллигенции

В конце 1892 г. на оренбургский рынок прессы уверенно вышла и до 18 ноября 1894 г. удерживала внимание жителей губернии газета «Оренбургский край» – издание беллетристическое, просветительское, информационное, знакомившее читателей с хроникой текущих событий, новинками русской и мировой литературы, сведениями телеграфных агентств. «Край» выходил с подзаголовком «Газета литературно-политическая и экономическая», на четырех страницах, а при недостатке или избытке материала – на двух (№№149, 206, 230, 249, 257, 266) или шести (№2, 1892 г., № 152, 1894 г.) полосах. В 1892 г. было издано четыре номера, поэтому многие исследователи считали, что «Край» начал выходить с 1893 г., однако нумерация шла с 1892 г. Первый номер датирован 11 октября 1892 г., следующие три – 6, 13, 20 декабря 1892 г.

В 1893–1894 гг. издание выходило регулярно, три раза в неделю (вначале – по воскресеньям, вторникам, четвергам, затем – по воскресеньям, средам, пятницам), вплоть до 18 ноября 1894 г.: в 1893 г. – 145 номеров, в 1894 г. – 130. Последний за 1894 г. – № 279. В 1895 г. вышел единственный № 280 за 17 ноября – для того, чтобы газета не была закрыта по цензурному уставу: «Всякое повременное издание, уже выходившее в свет, но по каким-либо причинам не появлявшееся в течение года, считается прекратившимся, и на возобновление оно требует новое разрешение» [7]. Сквозная нумерация шла с 11 октября 1892 г. (№1) до 17 ноября 1895 г. (№ 280). Газета приостановлена 18 ноября 1895 г.

Подписная цена «Края» для городских подписчиков (с доставкой) – 5 руб., для иногородних (с пересылкой) – 6 руб. Интересно, что редакция допускала рассрочку платежа: «при подписке иногородние платят 2 руб., а затем по 1 руб. в месяц, городские – по 1 руб. в месяц» [8], позднее – по 50 коп. [6].

Это было второе частное издание в Оренбурге, как считалось, газета местной интеллигенции. Скорее всего это пошло от историка, публициста, писателя П. Н. Столпянского. В своей книге «Город Оренбург» он сообщил, что в 1893 г. местной интеллигенцией была сделана попытка издавать прогрессивную газету вместо захиревшего «Оренбургского листка» [12, с. 121].

Редактировал «Оренбургский край» присяжный поверенный Н. А. Баратынский. Печаталась газета в частной типо-литографии Б. А. Бреслина по улице Николаевской в доме Шошиной. Редакция находилась по адресам: Бухарский переулок, в доме Беспалова, а с июля 1894 г. – Хлебный переулок, дом Снегиревой близ хлебного базара [2, с. 1]. Подписка на издание и объявления принимались в Оренбурге, в конторе газеты при типо-литографии Б. А. Бреслина и в отделениях конторы: в Самаре при типо-литографии Н. А. Жданова и книжном магазине Н. М. Федорова [6, с. 1], в Уфе в книжном магазине Н. К. Блохина и при типо-литографии И. С. Перова [6]. Розничная продажа номеров «Оренбургского края» производилась в главной конторе издания при типографии Б. Бреслина, книжном магазине Михайло-Архангельского братства, нотном и музыкальном магазине Д. Е. Страз, табачном магазине Юфа, магазине Грабовского [9].

Программа «Края», опубликованная в №1 издания, была традиционной для провинциальных газет: 1) Правительственные распоряжения. 2) Телеграммы «Северного телеграфного агентства», политические и внутренние известия. 3) Общая и местная хроника. 4) Статьи по всем отраслям местного сельского хозяйства, торговле и промышленности. 5) Обзорение литературы по сельскому хозяйству и промышленности. 6) Корреспонденции из городов и поселений края и торговые известия из важнейших по торговле хлебом городов и портов. 7) Промышленно-экономическая история Оренбургского края. 8) Заметки по местному городскому хозяйству и благоустройству. 9) Фельетон: вопросы местной жизни, статьи по истории и этнографии, повести, бытовые очерки, рассказы, стихотворения, рецензии книг и журналов, театр, музыка и проч. 10) Смесь. 11) Справочный отдел. 12) Извещения и частные объявления [5].

В №2, под заголовком «От редакции. Оренбург, 5 декабря», было помещено небольшое программное заявление: «Между окраинами русского государства Оренбургский край, лежащий на рубеже Европы и Азии, по своей природе и особенно по разноплеменному населению представляет весьма любопытную местность. Разнообразие Оренбургского края, как в географическом, так и в этнографическом отношении настолько велико, что еще долго новые исследователи будут находить в нем неизведанные уголки и малознаемые племена, особенности экономического строя, народных нравов, обычаев. Изучение края, включая сюда не только Оренбургскую губернию, но губернии Самарскую, Уфимскую, области Уральскую и Тургайскую, будет главной темой газеты... К посильному выполнению этой зада-

чи мы приглашаем всех... просим провинциальную интеллигенцию, светскую и духовную, и от нее надеемся получить ценный материал, добытый... из народной жизни» [4]. С учетом географического положения Оренбурга, как связующего Европу с Азией, была заявлена задача «Оренбургского края» – «изобразить живым словом типы разнообразных народностей, его населяющих, описать их промышленность, торговлю... экономическое положение; познакомить читателей с ...верованиями, былинами, песнями... другими проявлениями их жизни... состоянием местного раскола» [15, с. 104].

С первых номеров был заявлен широкий круг интересов издания. Кроме вышеперечисленных губерний и областей, позднее были добавлены Тобольская губерния и Пермский край. Таким образом, редакция «Края» отказалась от местной содержательной модели, предложенной для оренбургских частных газет И. И. Евфимовским-Мировицким. По сути это был ловкий редакционный ход: появилась возможность перепечатки из других российских изданий оформлять как материалы собственных корреспондентов.

Газета выполняла намеченную программу, освещая с разных сторон общественную жизнь юго-восточного района России, выбирая события и неординарные случаи общественной жизни с помощью корреспонденций из Актюбинска, Белебея, Бугульмы, Бузулука, Верхнеуральска, Екатеринбурга, Илецкой защиты, Мензелинска, Нижнеуральска, Орска, Покровского, Самары, Троицка, Уральска, Уфы, Челябинска, Шарлыка, из сел, станиц, поселков губерний и краев, публикуя этнографические очерки, историко-краеведческие обозрения, исследования, статьи-размышления просветительского характера, касающиеся вопросов образования, воспитания, психологии, медицины.

В «Крае» печатались материалы на общегосударственные, социальные, экономические, исторические темы. Издание освещало все стороны местной жизни, откликалось на новости, события в России и за рубежом, повседневные проблемы, возвращалось к интересным страницам прошлого в описаниях быта, нравов прежних времен, публиковало статьи по образованию, географии, истории, рассказывало о быте и нравах народов, населяющих юго-восточный район России, особое внимание уделяло поэзии и прозе местных авторов, общелитературным вопросам. Как подчеркивали исследователи: «...выдающиеся случаи местной и областной жизни отмечались газетой аккуратно и достаточно подробно» [15, с. 101–102]. Редакция заботилась об информационной открытости своего издания. Даже в дни невыхода газеты для подписчиков составлялось «особое приложение», в котором

размещались материалы Северного телеграфного агентства, справочный отдел и судебные отчеты.

В №10 от 17 января 1893 г. под рубрикой «Среди газет» редакция «Оренбургского края» опубликовала хвалебный отзыв о своем издании: «Органы периодической прессы начинают поговаривать и об «Оренбургском крае», своем вновь народившемся товарище. Так, корреспондент «Волжских вестей» (в №5), сообщив о появлении... нашего издания и указав на серьезный характер задачи, намеченной нами... говорил следующее: «Появление нового органа с указанной программой и задачей вызывает полное сочувствие в оренбуржцах, так как вполне отвечает действительной, давно назревшей потребности нашего края, обширного, богатого природою, своеобразного по составу и условиям жизни населения и при всем этом – весьма мало исследованного. Из существовавших доселе в Оренбурге органов прессы – губернские, областные и епархиальные «Ведомости» носят обычный характер и общественного интереса, и значения не имеют... В числе сотрудников редакция называет ... В. Л. Дедлова, И. М. Красноперова, В. О. Португалова, А. П. Чехова и др. Нельзя не пожелать успеха нарождающемуся изданию, столь необходимому для местного края»... По поводу сказанного, нам остается только выразить свою искреннюю благодарность за ...пожелание успеха нашей газете, а также – уверенность, что те надежды и то «полное сочувствие», которые вызваны в оренбургском обществе появлением на свет «Оренбургского края», мы постараемся осуществить и оправдать по мере сил и возможностей» [11]. В №6 за 1893 г. «Оренбургского края» этот список дополняли А. И. Тарнавский, А. А. Чарушин, Л. А. и П. А. Баратынские; в №152 за 1894 г. еще 14 фамилий.

Н. А. Баратынский умно разрекламировал «Оренбургский край» как газету многих авторов, в том числе известных. К примеру, за месяц и 16 дней до неожиданной приостановки издания на страницах «Края» рекламировались переговоры с американской писательницей русского происхождения: «Редакция «Оренбургского края» вошла в соглашение с известной писательницей В. Н. Мак-Гахан, живущей в Нью-Йорке, о доставлении нашему изданию синдикатных писем из США, которые будут печататься на страницах нашей газеты 2 раза в месяц, вероятно, начиная с зимы настоящего года. Великой, но некультурной земледельческой стране нашей знакомство с Американскими штатами, этой великой земледельческой культурной страной, мы считаем особенно полезным» [3]. Задуманное не осуществилось, так как через 20 номеров выпуск «Оренбургского края» был приостановлен.

К талантам Баратынского-редактора можно отнести и то, что он сумел объединить вокруг издания людей просвещенных, патриотов и подвижников, педагогов, врачей, краеведов, поэтов, интеллигенцию, для которой просветительская деятельность являлась продолжением служения общественному и профессиональному долгу, членов Оренбургской ученой архивной комиссии и Оренбургского отдела императорского русского географического общества.

Активно сотрудничал с «Оренбургским краем» замечательный русский писатель, критик, публицист, успешно работавший до приезда в Оренбург в столичной «Неделе», В. Л. Кигн-Дедлов – большой друг Н. А. Баратынского еще со времени учебы на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. В 1891–1893 гг. Владимир Людвигович являлся чиновником особых поручений при земском отделе Министерства внутренних дел по переселенческим делам Оренбургской губернии и Тургайской области и серьезно помогал Николаю Алексеевичу создавать новый печатный орган. Публиковал письма от имени издателя, читателей, сам «подкидывал» идеи газете, что и как освещать, сам легко, виртуозно, умно, талантливо воплощал в жизнь свои же задумки. На страницах «Оренбургского края» печатались его очерки, дорожные заметки, зарисовки о переселенцах, рассказы, повести и др.

Именно В. Л. Кигн привлек к сотрудничеству в «Крае» А. П. Чехова. Через 9 дней после выхода в свет первого номера газеты Кигн-Дедлов написал А. П. Чехову, с которым был знаком: «Позволяю себе обратиться к Вам с большой просьбой. В Оренбурге, где я нахожусь на службе, мой приятель, опытный адвокат Баратынский, не смотря на мои уговоры не делать этого, предпринял издание газеты "Оренбургский край". Желая помочь ему в качестве почитателя Вашего таланта, неизвестного в диком Оренбурге до такой степени, что Ваш "Иванов" прошел, к моему негодованию, при почти пустой театральной зале, я очень прошу Вас позволить перепечатать в "Оренбургском крае"... Вашу чудесную "Попрыгунью". Вреда Вам, как издателю Ваших сочинений, перепечатка причинить не может ... ибо "Оренбургский край" рассчитывает иметь не более пяти-шести сотен подписчиков» [10, с. 290]. Очевидно, В. Л. Кигн-Дедлов предупреждал Н. А. Баратынского, что издание частной газеты – неразумное вложение денег, тем более, что средства у Николая Алексеевича были весьма скудные, не было опыта редактирования и издания органа печати. Отметим, что в самой газете «Оренбургский край» количество подписчиков не указывалось, поэтому сколько было в реальности – неизвестно.

В газете публикация «Попрыгуны» прошла в феврале 1893 г. Во вступительном слове, предвывая встречу читателей с творчеством писателя, В. Л. Кигн-Дедлов отметил, что «Чехов – восходящая звезда русской беллетристики и самый выдающийся из современных молодых писателей. Едва ли не один он возвышается до настоящего творчества, до понимания своего времени и до сознания типов нашей эпохи» [1]. Так оренбуржцы познакомились с творчеством А. П. Чехова.

Умеренно-либеральная газета пользовалась симпатиями публики, о чем свидетельствовало постепенно возрастающее число подписчиков. В новогоднем поздравлении своих читателей с 1894 г. редакция с гордостью заметила: «Продолжение издания "Оренбургского края" показывает, что оно нужно для Оренбурга, связующего Европу с Сибирью и составляющего окраину Европы и Азии. Не нам судить, насколько наша газета удовлетворяет... подписчиков; одно верно, что их число время от времени увеличивалось, давая нам уверенность в сочувствии к нашему изданию и побуждая нас относиться с большей энергией к предпринятому нами делу» [15, с. 103–104].

«Оренбургский край» реагировал на разворачивающийся в стране бурный процесс капитализации прессы: с первого номера значительное место в газете отводилось рекламе (частично 1 и 4 полосы, при необходимости – 5 и 6). Редакции приходилось бережно работать с рекламодателями, выполнять их требования, предлагать льготы для постоянных клиентов.

Проанализировав архивные документы, приходим к выводам: «Оренбургский край» предложил читателям очерки, поэтические произведения, прозу мастеров пера, выгодно оживив язык и литературный стиль второй частной газеты против местных государственных изданий. По множеству актуальных перепечаток из других газет, телеграммам российских агентств, – можно было составить картину жизни страны, мира, а по публикуемым материалам под рубриками «Областной отдел», «Внутренняя хроника», «Местная хроника», «Справочный отдел», письмам читателей, различным отчетам, сводкам, таблицам, – судить о том, что происходит в Оренбургской губернии. Выполняя намеченную программу, «Край» с разных сторон освещал жизнь юго-восточного района России. Большинство материалов, опубликованных в газете за 1892–1894 гг., касалось этнографии, социальных вопросов, сельского хозяйства, культуры. Таким образом, «Край» давал более широкий срез общества, расширил круг тем, привлек к сотрудничеству новых авторов, имел свое направление и право жить долго.

Однако нельзя не заметить, что издание газеты редактор Н. А. Баратынский начал, не до конца обдумав, какую информацию может предложить своим читателям. Так, публикуя произведения русских и зарубежных писателей, распыляясь на огромные территории, заявленные в редакционной статье, «Край» не слишком глубоко и подробно информировал читателей о местных событиях, отдавая предпочтение просветительской функции издания. А зачем тогда название «Оренбургский край»? У местной газеты с долгой историей должны быть: социальный «нерв», местный контент, работа с читателями, обратная связь (актуальные, живые письма). В «Крае» все это было достаточно поверхностно. Поэтому кажется закономерным, что газета закрылась довольно скоро.

Считается, что издание прекратилось из-за типографских недоразумений: формальным поводом стало невыполнение договора частной типографией Б. А. Бреслина, где печатался «Край». Однако историки отмечают аккуратность предприятия в работе с газетой. Изучение архивных документов позволило понять, что издание, не приносящее прибыли, юридически грамотно, ювелирно закрыл сам редактор Н. А. Баратынский – действующий адвокат, ни на день не прекращавший практику. Так завершилась история второй независимой газеты – «Оренбургский край» – литературной, познавательной, рассчитанной на образованного думающего читателя, привлекательной для подписчиков и авторов. Более ста лет назад И. С. Шукшинцев утверждал на торжественном заседании губернской ученой архивной комиссии, посвященном 200-летию периодической печати в России: «Конечно, в торжественном шествии русской прессы «Оренбургский край» займет одно из последних мест, но и он сделал свое маленькое дело, сказал свое слово» [15, с. 105].

15 апреля 1896 г. в «Хронике» «Оренбургского листка» было перепечатано сообщение из №74 «Правительственного вестника»: «Газета «Оренбургский край», на основании 121 ст. Цензурного Устава, объявлена прекратившеюся» [14].

Вот как на закрытие «Края» откликнулся редактор первого частного издания «Оренбургский листок» И. И. Евфимовский-Мировицкий: «...литературно-политическая и экономическая газета, поставившая себе задачей исследование юго-восточного района России... в экономическом и бытовом отношениях, – газета, предупредительно здесь муссированная и даже фаворитируемая, – широковещательную программу свою почти с первого же года свела на обыкновеннейшую перепечатку готового газетного хлама из других областей России и из

безграничной области международной политической болтовни» [13]. И. И. Евфимовский-Мировицкий справедливо считал, что главные проблемы развития газетного дела в Оренбуржье: скудость пишущих сил, отсутствие читателя среди населения, безграмотного и разноплеменного. В этих условиях можно вести газету лишь в виде местной летописи, которая может держаться единением сил, а не разделением их путем конкуренции. «Общественная жизнь нашего захолустья не выработала еще достаточного спроса на газетную работу. Издавать здесь местную газету – есть своего рода увлечение. С этой точки зрения мы искренно сожалеем о неудаче, постигшей газету господина Баратынского» [13].

Литература

1. Кигн-Дедлов В. Л. Оренбургский край. 1893. №27. С. 2.
2. Оренбургский край. 1894. №232. С.1.
3. От редакции // Оренбургский край. 1894. №259. С.1.
4. От редакции. Оренбург, 5 декабря // Оренбургский край. 1892. № 2. С. 2.
5. Открыта подписка на 1893 год // Оренбургский край. 1893. № 6. С. 1.
6. Открыта подписка на 1894 год // Оренбургский край. 1894. № 152. С. 6.
7. Полное собрание Законов Российской империи, 1865, часть I, закон № 41990. Т. 40. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения 1.03.2024).
8. Принимается подписка // Оренбургский край. 1893. № 39. С. 1.
9. Розничная продажа номеров // Оренбургский край. 1894. №232. С. 1.
10. Скибина О. М. Газета «Оренбургский край»: корреспонденты и издатели // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: Сборник статей международной научно-практической конференции, Оренбург, 01–02 марта 2018 года / Научный редактор С. В. Любичанковский. Оренбург, 2018. С. 288–292.
11. Среди газет // Оренбургский край. 1893. № 10. С. 3.
12. Столпянский П. Н. Город Оренбург: материалы к истории и топографии города. Оренбург. 1906.
13. Судоргина Т. В. Издавать газету есть своего рода увлечение // Вечерний Оренбург. 2011. №2. С. 2.
14. Хроника // Оренбургский листок. 1896. №14. С. 3.
15. Шукшинцев И. С. Газета «Оренбургский край» // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург. 1903. Т. 12. С. 99–105.

Способы репрезентации современной культурной жизни США в журнале «Нью-Йоркер»

В первом выпуске еженедельного журнала «Нью-Йоркер», увидевшем свет 21 февраля 1925 года, в главной редакционной статье говорилось о том, что это будет серьезное издание. Однако сразу же обозначалась и такая особенность, как ироничный тон подачи информации: ««Нью-Йоркер» начинает с заявления о серьезной цели, но и одновременно с заявления о том, что он не будет слишком серьезен в ее достижении. Он надеется отражать столичную жизнь, быть в курсе событий и дел дня сегодняшнего, быть веселым, с чувством юмора, сатирическим, но больше, чем шутком» [6]. С другой стороны, декларируется строгая приверженность фактам «для получения которых ему [журналу. – Н. С.] придется проникнуть за кулисы, но он не будет заниматься скандалом ради скандала или сенсаций ради сенсации» [6].

В этой статье в сжатом виде обрисована не только идейно-стилистическая направленность «Нью-Йоркера» – серьезная журналистика факта в соединении с ироническим тоном в размышлениях о развивающейся современности. В ней угадывается будущая тематическая и жанровая структура впервые вышедшего в свет издания. Так, с самого начала и по настоящее время журнал разделяется на два основных блока – общественно-политический и культурно-художественный. Каждому из них отводится примерно половина печатного выпуска, а в современной онлайн-версии – виртуального пространства «Нью-Йоркера». И уже на уровне названий разделов заметно продекларированное стремление редакционного коллектива «учить шутя» и «не докучать моралью строгой»: «Юмор и карикатуры», «Головоломки и игры» соседствуют с «Новостями», «Книгами и культурой», «Художественной прозой и поэзией». Однако это не подразумевает стремления творческого коллектива упростить сложные вопросы, поставив перед собой задачу лишь развлечь и отвлечь читателя от серьезного размышления – в этом и заключается задача «быть больше, чем шутком». Напротив, редакция изначально придерживалась традиций высоkokлассной сатирической публицистики. А новостная сатира, скажем, одного из самых популярных сегодня авторов «Нью-Йоркера» публициста и писателя Энди Боровица является достойным продолжением классических образцов подобного творчества.

Такой же подход отражен и в жанровой палитре «Нью-Йоркера» – очерки, политические комментарии, репортажи, аналитика и международные обозрения сочетаются в каждом выпуске с фельетонами, рассказами, эссе, глубокими разборами новинок кино, литературы, театра, а также юмористическими иллюстрациями.

Стоит отметить, что журнал изначально – эта концепция продолжает реализовываться и в наши дни – задумывался как собеседник и гид по нью-йоркской жизни для молодого, образованного, состоятельного и, как охарактеризовала его энциклопедия «Британника», утонченного [4] обитателя крупнейшего мегаполиса США. Именно такой персонаж был изображен на первой обложке еженедельника. Впоследствии этот ироничный портрет американского дэнди стал фирменным знаком «Нью-Йоркера». И по сей день он публикуется на первой полосе каждого выпуска, сопровождает каждую вкладку сайта, присутствует на всей сувенирной продукции. А это значит, что за почти вековое существование издание не изменило представлений о собственной целевой аудитории. В кругу интересов ее представителей находятся не только политика и актуальный художественный процесс, но и рестораны (рубрика «The Food Scene», рассказывающая «о том, что, где и как поесть»), спорт (рубрика «The Sportnig Scene»), образование (рубрика «Annals of Education» – «Летопись образования»), наука и технологии (рубрики «Annals of Artificial Intelligence», «Tech Sceptics» и др.). Читатель «Нью-Йоркера» предпочитает интеллектуальный досуг – для этого издание и сайт предлагают ему увлекательные игры, кроссворды и ребусы различного уровня сложности, публикуемые в рубрике «Puzzles and Games». Проявить свои творческие способности и, например, продемонстрировать остроумие предлагается в различных конкурсах. Так, большой популярностью среди читателей журнала и посетителей его сайта пользуется еженедельный турнир по сочинению подписей к сатирическим рисункам. А сами карикатуры и сатирические рисунки – известная на весь мир визитная карточка издания.

Большой тематический блок «Культура и книги» разделяется на отделы «Книги», «Кино», «Телевидение», «Еда», «Театр», «Музыка». В каждом из них – своя разветвленная система рубрик, охватывающих практически все явления текущего художественного процесса США. Подробная афиша культурных мероприятий, достойных посещения, – в отделе «Goings on» («Совсем скоро»). В поле зрения его обозревателей попадает всё: от театральных спектаклей и танцевальных фестивалей до оригинальных клубных вечеринок и кинопоказов, плюс – интересные

события, организуемые разнообразными интернет-ресурсами в онлайн-пространстве.

Журнал «Нью-Йоркер» и его сайт держат руку на пульсе актуальных событий текущей эстетической реальности, не только отражая их в новостном ключе, но и глубоко осмысливая эстетически. Для этого активно используются возможности и печатного выпуска, и технологические преимущества виртуального пространства. Так, в еженедельном режиме здесь выходит подкаст «Critics at Large» («Вся критика»), представляющий собой запись круглого стола штатных критиков «Нью-Йоркера». В фокус их внимания попадают произведения актуальной литературы, драматургии, кинематографа, поп-культуры, а также теоретическое осмысление самого искусства критики. В подтверждение перечислим темы нескольких выпусков подкаста: «Является ли научная фантастика новым реализмом?» [1]; «Новый роман взросления» [3] – о современных трансформациях классического литературного жанра; «Политика гонки за «Оскаром»» [5] – о медийном аспекте подготовки знаменитой американской кинопремии, а также о том, почему все стремятся получить именно ее; «Доводы в пользу критики» [2] – размышление о предназначении и целях профессии критика.

Не менее интересен и «Художественный подкаст» («Fiction Podcast»). Он представляет собой ежемесячные чтения рассказов, ранее опубликованных в «Нью-Йоркере», а также последующие обсуждения услышанного с редактором отдела художественной прозы Деборой Трейсман и одним из современных писателей. Примечательно, что он должен выбрать и прочесть перед микрофоном не собственную прозу, а текст «коллеги по цеху», ранее опубликованный в журнале.

Для чтения же своих рассказов есть подкаст «The Writter's Voice» («Голос писателя»). Еженедельно авторы современной художественной прозы предлагают аудитории «Нью-Йоркера» аудиоверсию собственных текстов, напечатанных в последнем номере.

Для поэтов – «Poetry Podcast» («Поэтический подкаст»). Авторское чтение опубликованных в свежем выпуске «Нью-Йоркера» стихов с последующим обсуждением их с редактором отдела поэзии Кевином Янгом.

При этом в печатном выпуске журнала, помимо художественной прозы, поэзии и критики, обязательно будут присутствовать интервью с писателями, эссе, обзоры книжных новинок. Плюс к тому – ежегодно критики «Нью-Йоркера» выбирают «Книгу года», а также составляют подборку из 25 лучших рассказов, опубликованных в журнале.

Впрочем, помимо литературы во всех ее проявлениях, бумажный вариант «Нью-Йоркера» и его сайт каждые семь дней предлагают своей аудитории подборки современной фотографии в рубрике «Фотокабина» («Photo Booth»). Эстетическая и жанровая палитра представляемых работ очень велика – от репортажных и документальных работ до художественных и авангардных.

В разделе «Video» посетителю сайта предлагаются документальные и сюжетные короткометражные фильмы со всего мира. Контент разделяется на две рубрики: «Документалистика Нью-Йоркера» («The New Yorker Documentary») и «Кинозал» («The Screening room»). Видеоработы, не подходящие под эти две номинации, собраны в рубрике «Больше видео» («More Videos»). Это могут быть любительские сюжеты, жизненные истории, юмористические ролики, соответствующие, однако, высокому профессиональному и эстетическому уровню, предъявляемому «Нью-Йоркером» ко всем выходящим на его ресурсах материалам. Все фильмы и ролики сопровождаются справкой о снявших их режиссерах, кратким пересказом сюжета и аннотацией. Нередко опубликованные на сайте www.newyorker.com видеоработы успешно участвуют в престижных кинофестивалях.

Подводя итог сказанному выше, можно отметить, что на протяжении почти столетия своего существования журнал «Нью-Йоркер» выполняет функции зеркала, отражающего современный художественный процесс, протекающий в Соединенных Штатах Америки. Авторы журнала, а сегодня и сайта, пытаются не только отразить, но и глубоко осмыслить текущую эстетическую реальность во всей ее полноте и разнообразии. При этом изданию удастся не быть слишком академичным, скучным или слишком сложным для восприятия. Подтверждением этому являются тиражные показатели, в последние пять лет сохраняющиеся на уровне примерно 1 200 000 экземпляров при довольно высокой цене печатного номера в 8,99 доллара. Сохраняя легкий «светский» тон разговора о современной культуре, «Нью-Йоркер» дает глубокие представления о сути происходящего в ней, делая ее понятной и интересной. Для достижения такого результата в журнал всегда привлекались лучшие критики, публицисты, поэты и писатели США и зарубежья.

Литература

1. Is Science Fiction The New Realism? // The New Yorker. Critics at Large. URL: <https://www.newyorker.com/podcast/critics-at-large/is-science-fiction-the-new-realism> (дата обращения: 21.03.2024).

2. The Case for Criticism // The New Yorker. Critics at Large. URL: <https://www.newyorker.com/podcast/critics-at-large/the-case-for-criticism>

newyorker.com/podcast/critics-at-large/the-case-for-criticism (дата обращения: 6.03.2024).

3. The New Coming-of-Age Story // The New Yorker. Critics at Large. URL: <https://podcasts.apple.com/us/podcast/the-new-coming-of-age-story/id1704902371?i=1000649176123> (дата обращения 06.03.2024)

4. The New Yorker. American magazine. // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/The-New-Yorker> (дата обращения: 05.03.2024).

5. The Politics of Oscar Race // The New Yorker. Critics at Large. URL: <https://podcasts.apple.com/us/podcast/the-politics-of-the-oscar-race/id1704902371?i=1000647511106> (дата обращения: 6.03.2024).

6. Of All Things // The New Yorker. 1925. 21 February.

Публицистичность драмы: постмодернистский стиль Т. Стоппарда

Художественный нарратив (далее – ХН) одновременно и удалён от полюса публицистичности, который нередко мешает творцам (в нашем случае – драматургам) воссоздавать живую жизнь, и в то же время сливается с каноном публицистического текста (далее – ПТ), т. е. он органично соединяется с текстами, фундаментом которых выступают законы документальности, исторической конкретности и точности, убеждающей интенции и порой агитационной эмоциональности, страсти. Драма как жанр не чужда законам пропаганды и медийности. Публицистичность как модус художественности и как способ функционирования убеждающего слова в эпоху тотальной медийности у Т. Стоппарда и других современных писателей является, думается, важной оборотной стороной полемической философичности и утверждения права на личную интерпретацию истины в жизни и искусстве.

Вместе с тем история литературы знает немало примеров неорганичного союза социологизаторской публицистики и художественности. Пьесы М. Горького, на наш взгляд, грешили натуралистическим педалированием «золяизмов», обилием обличительных регистров стиля, показом самых темных аспектов бытия, прямолинейной плакатной экспликацией социальной проблематики. Не удивительно, что его пьесы переполнялись дидактикой общественного гнева, бунта против «свинцовых мерзостей» жизни, против конкретных негативных фактов нашей действительности. Западная драматургия прошлого века, напротив, часто уходила от исторической конкретики в условно-символические нарративы, о чем могут свидетельствовать, например, поэтические драмы У. Б. Йейтса. Ирландский классик, воссоздавая реальность в духе эзотерического мистицизма «кельтских сумерек», показал в своих «Пьесах для танцоров» многомерность реальности и воображаемых миров, опираясь на мифопоэтические традиции У. Блейка, С. Т. Кольриджа, французских символистов. В полемике о соотношении Красоты и Пользы, в газетных статьях и в теоретических спорах о социализме речь у У. Б. Йейтса и О. Уайльда чаще шла не о конкретике исторических событий, а о более широком сопоставлении истины, добра и красоты. В своих декларациях порой реалисты, эстеты и символисты занимали схожую позицию. Однако художественная

практика обнажала противоречия мировоззренческих установок [5, с. 28–38; 6].

Эстетско-декадентский панэстетизм и антипозитивизм оказался ближе художникам слова, которых еще называли не декадентами, а именно «символистами», сторонниками эзотерического письма, чуждого низкой действительности. В творчестве европейских символистов печать искусственности, которая лежала на литературных фантазиях, на образах, подчеркивала нежелание тратить время на политические распри.

Мифопоэтическая практика символистов имеет собственный значительный культурный потенциал. Мифотворчество У. Б. Йейтса, А. Блока, С. Малларме и других авторов можно рассматривать как художественно-познавательную игру культурократов в эпоху Вагнера и Ницше, поднявших восстание против ясности поэтического языка. В эпоху, когда рационализм, прагматизм европейского Просвещения, под напором глобальных потрясений, уступил позиции интуиции и мистике, иносказание и параболы вышли на передний край полемики условности и правдоподобия. Сказка ложь, но иногда её эмоциональное воздействие очевиднее ПТ [5; 1].

Метаморфозы вечных героев мировой литературы (Дон Жуан, Фауст, Дон Кихот, Гамлет и т. п.) отражают не только смену культурных парадигм и движение художественных образов во времени, но и особенности саморазвития искусства слова как воплощения идей коллективного Разума. Такие герои становятся частью национальной мифологии и всемирного фольклора, концентрируют в своих многомерных «Я» опыт поколений и демонстрируют специфику восприятия эстетических констант в историческом контексте, в шумящем потоке времени. Изменения в рецепции образа Гамлета, на наш взгляд, показывают как богатство смыслов, заложенных в шекспировском образе-символе, так и возможности постоянной актуализации и ре-актуализации вечных тем и мотивов, в нашем случае – мотива добра и зла в душе человека, охваченного сомнением и раздумьями об относительности этих понятий.

В книге Т. Стоппарда, изданной в России 2007 г., перевод пьесы «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» выполнен И. Бродским, что порой делает текст несколько более лирическим, нежели на самом деле, но смысл не пострадал. Герои спорят о сути свободы, о своем месте в универсуме: они были призваны, кто-то передал им поручение короля («За нами послали. И больше ничего не случилось»), они «прибыли... и попали в историю. Влипpli» [3, с. 94].

Далее это обстоятельство проявляется автором-иронистом как удел каждого из нас, будь то обреченный Сизиф, колеблющийся Гамлет или два обывателя, пытающихся переиграть судьбу. Рулетка оказывается счастливой для немногих. Мытарства неудачливых героев, как и интонации самого нарратора, лишены явной патетики, но не лишены патетики подтекстовой.

То, что поэтика постмодерна со всей очевидностью воплотилась в тексте Т. Стоппарда, отметили первые критики (В. Б. Шамина, Б. Н. Гайдин), о театре абсурда как источнике поэтики тоже давно писали [1; 2; 4; 6]. Однако мало кто всерьез утверждал, что метод (не стиль!) автора тяготеет к полюсу публицистичности. А это важный аспект его иронического и в то же время трагикомического способа отображения закономерностей человеческого бытия в рассматриваемой драме. Драма с трагифарсовым налетом ненавязчиво, но весьма пафосно проповедует идеал ответственного отношения к жизненным выборам, к нравственным ценностям.

Размышления о «бегстве от свободы» (Э. Фромм) автор пьесы «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» маскирует под глупые домыслы героев-обывателей. Для Т. Стоппарда эти идеи современности не были чужды, но он больше агитировал за стоическую мудрость перед лицом смерти, что и делает его сугубо художественные тексты полемическими, лишь изредка, иногда открыто публицистическими. В пьесе С. Беккета «В ожидании Годо», как известно, сардоническая ирония сочеталась с вселенской (космической) скорбью автора, оплакивающего европейскую цивилизацию и удел маленького человека. О пьесе Т. Стоппарда лучше сказать, что у него превалирует «смех сквозь слезы», но часто это слезы крокодиловы, автор подсмеивается над нашими гуманистическими идеалами, подчеркивая, что его маленький человек достоин грустной участи пешки и инструмента в чужих руках. Достоин участи козла отпущения. Как достоин, по замыслу автора-постмодерниста, этой участи и читатель. Да и автор, думается, хотя в меньшей мере: он ведь задумал такой сюжет и подтекст, а это уже плод творческих усилий, ответственный выбор профессионала и самооценка биографического автора, что и ставит художника выше критиков.

У Т. Стоппарда не только текстовая, но и контекстуально-затекстовая и подтекстовая публицистичность специфична. Он далек от агитационно-злободневной риторики, но очень близок к проповеди идеалов стоицизма и скептицизма, идущего из античной культуры и древней философии отрицания смерти как последней грани бытия и

бытования личности. Сам Т. Стоппард в рассматриваемой пьесе, как и в мелодраматической комедии «Аркадия», которую автор этих строк смотрел в Лондоне, чурается любой дидактики, но в его игре словами и загадками содержатся философские обобщения и публицистические интенции, не эксплицируемые прямо. Рассмотрим пример. Герои рассуждают о свободе.

Розенкранц. Свобода передвижения, слова, импровизации – и все же... И все же тюрьма.

Гильденстерн. Мы не в тюрьме. Никаких ограничений не установлено, никаких запретов. Мы – пока что – обеспечили – или обрекли себя – на известную независимость – пока что. Случайности, каприз – в порядке вещей. Другие колеса, конечно, крутятся, но нас это не касается. Мы можем дышать. Можем отдыхать. Можем делать и говорить что хотим и кому хотим, без ограничений.

Розенкранц. Конечно, в известных пределах.

Гильденстерн. Именно в известных ...

Розенкранц. Мы будем свободны... Кажется, меня уже мутит [4, с. 108].

Речь снова заходит о свободе выбора и праве любого человека на свою долю жизненного счастья. Основные герои лишены такого права и догадываются об этом, завидуя Гамлету. Их мечта о свободе неосуществима в системе координат шекспировской пьесы, но современный драматург дает им шанс. Главные герои постмодернистского нарратива, вскрыв письмо, долго размышляют о замысле короля: можно ведь было уклониться от вызова, уйти от необходимости совершать подлость. Но нет, как и во времена Шекспира, в наши дни человек остается слабым и «маленьким», помещая себя в рамки принятых норм и конвенций. Финал таких безответных призывов автора к самореализации обычного человека предсказуем: смерть неизбежна, герои были мертвы уже при жизни, они не захотели жить своим умом [7, p.10].

«Переписанный» текст звучит иначе в контексте произведения Т. Стоппарда. Главные герои пьесы рассматриваются автором как два «маленьких человека», но не в привычном понимании и толковании в произведениях русской классики, которой постоянно интересовался Т. Стоппард, как и Д. Рейфилд, П. Акройд, Дж. Барнс, как и многие другие современные авторы. Персонажи не так просты. Они малы по калибру интеллекта, хотя и изрекают философемы, достойные специального разговора. Они во многом убоги. Но этим героям знаком эк-

зистенциальный ужас смертного часа, они испытывают вечный страх перед убегающим временем и каждодневной реальностью смерти.

Гильденстерн. Нет, нет... это не для нас, это не так. Умирание не романтично, и смерть – это не игра, которая скоро кончится... Смерть – это не то что... Смерть – это не... Это отсутствие присутствия... ничего больше... бесконечное время, в течение которого... нельзя вернуться... это дверь в пустоту... которой не видишь... и когда там поднимается ветер, он не производит шума... <...> Наши имена, выкрикнутые на каком-то рассвете... распоряжения... приказы... должно быть, был момент, тогда, в самом начале, когда мы могли сказать – нет. Но мы как-то его упустили. (Оглядывается и видит, что он один.) Розен... Гильден... (Овладевает собой.) Ладно, в следующий раз будем умнее. Вот вы меня видите, а вот вы – (И исчезает.) [3, с. 117].

Стоппард делает ремарку: «немедленно вслед за этим вся сцена озаряется светом; в глубине сцены видны тела актеров – примерно в тех же позах, в каких они были оставлены; все это последняя сцена “Гамлета”» [3, с. 117–118]. Наличие косвенно-пропагандистских прецедентных ситуаций, как и высказывания героев и позиция автора, содержащая скрытую, но вполне ощутимую агитацию, связаны с Гамлетом, тенью «того», шекспировского борца со злом, хотя сам герой мелькает («Я вас догоню») таинственной тенью, куда-то спешащей и неуловимой. Но тень Гамлета, как и тень его отца, тут, его присутствие в художественном мире произведения играет роль несущей строительной конструкции! Ведь это он стоял когда-то перед мучительным выбором, его знаменитый монолог «Быть или не быть» породил горы комментариев и подражаний, его сомнения стали поводом для знаменитой критики И. С. Тургенева.

Гамлетизм в пьесе Т. Стоппарда концентрирует (в тексте и еще больше в контекстуальном «облаке») не только постмодернистскую реминисцентность и игру, но также привычную модернистско-абсурдистскую иронию, самокритику играющего автора и аллюзии, отрицающие – лелеемую автором же – постмодернистскую, пародирующее-ироническую концепцию бытия. Релятивизация смыслов и ценностей, ставшая знаменем новейшей истории литературы, способствует «долгожительству» данного парадокса. Гамлет в пьесе «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» уступает сцену двум малозаметным персонажам, которые под пером современного драматурга становятся основными нарраторами, иногда – «рупорами» автора. Став «тенью», призраком в Эльсиноре, шекспировский герой приобретает новые черты, снижающие пафос его деклараций и поступков до уровня ма-

киавеллистических схем. Подобные парадоксы характерны для эпохи постмодерна: смех и издевательство над глупцами, возмущение абсурдом окружающего мира легко уживается с циничным комикованием и самоиронией, с горькой насмешкой над читателем.

Гамлет Т. Стоппарда не великодушен, намеренно принижен в своей философии. Его бывшие «милейшие друзья», которых он все же искренне называет друзьями, но при этом хладнокровно посылает на смерть, оказываются объектами насмешки, но одновременно и насмехающимися свидетелями драмы основного героя шекспировского мифа, истории о борьбе добра и зла в условиях неопределенности целей и стратегий акторов (и актеров!). Это и делает смех героев и автора одновременно и саркастически-памфлетным, и отстраненно-философским, проникнутым вневременной усталостью. Стоппард не отвергает патетику, он умело нагнетает катарсическое волнение в монологах о сути умирания и его изначальном ужасе. Но стоппардовская ирония не претендует на романтический обличительный сарказм, ее публицистический накал ощутим скорее в длинных монологах героев и не менее длинных авторских ремарках, посвященных свободе, смерти, случайности.

Не случайно, думается, Гильденстерн призывает взглянуть на вещи с социальной точки зрения: он видит закономерность того, что «век вывихнут». В этих недооцененных критикой монологах и содержится квинтэссенция полемики автора с социальной апатией и трусливым уходом от своего «Я». Бросается в глаза неприятие автором, видным представителем новейшего искусства драмы, элитарной эстетики, да и практики «высоколобых» драматургов экспериментаторов типа Т. С. Элиота и У. Б. Йейтса. В монологах убегающего Гамлета, в репликах трусоватых джентльменов, его товарищей юных лет очевиден и отказ Т. Стоппарда от присущей французскому модернизму начала XX в., в частности М. Прусту, идеи «тоталитарной» философии культуры, уходящей в своих поисках утраченного времени прочь от немытой посуды и не признающей плюрализма интересов миллионов «маленьких людей», живущих «около» искусства. Косвенная пропаганда стоицизма и великодушия оттеняется презрительной иронией диегетического автора.

Итак, рассмотрение некоторых стилевых особенностей Т. Стоппарда-драматурга доказывает наличие убеждающего пафоса в драмах этого автора, иронического по очевидному тяготению к сатирическому показу жизни. Его драматургия близка по духу постмодернистской иронии, близка принципам «медийности» как модулю современной

культуры. Показывая трудноуловимые эмоции, в которых герои часто и не хотят разбираться, автор подводит читателя и зрителя к критическому переосмыслению собственных позиций. Болезненные переживания загоняются в подполье сознания, но в колебаниях голоса слышны страхи и сомнения персонажей в собственной аутентичности и идентичности. Ощутимо «отсутствие присутствия», нет самостоянья и собственного мнения о жизни и смерти, о свободе и несвободе, а это и есть ненавязчивая пропаганда нормальности, миролюбия и эмпатии.

Литература

1. Гайдин Б. Н. «Анти-Гамлет» у И. С. Тургенева и Т. Стоппарда // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 231–235.
2. Соловьева Д. Ю. Новый историзм в творчестве Тома Стоппарда (на примере пьес «Травести», «Берег утопии», «Рок-н-ролл») // Медиаскоп. 2016. Вып. 1. URL: <http://mediascope.ru/?q=node/2088> (дата обращения: 08.02.2024).
3. Стоппард Т. Розенкранц и Гильденстерн мертвы. Пьесы / Пер. с англ. А. Качерова, С. Сухарева. СПб., 2007.
4. Фридштейн Ю. Г. Розенкранц, Гильденстерн и другие [Послесловие] // Стоппард Т. «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» и другие пьесы. СПб., 2000. С. 301–312.
5. Хорольский В. В. Стиль современной западной публицистики как предмет научного изучения (на материале статей и эссе Дж. Барнса и Д. Рейфилда) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. Белгород, 2021. №1. С. 28–38.
6. Шамина В. Б. Пьесы Тома Стоппарда как отражение характерных черт постмодернизма в драматургии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2009. Т. 151. Кн. 3. С. 133–143.
7. Stoppard T. Rosencrantz and Guildenstern Are Dead. L., 2004.

Кривенко Борис Владимирович

(1924 – 2003)

Доктор филологических наук (1988), профессор Воронежского государственного университета (1994), действительный член (академик) Международной академии наук высшей школы (1994), член Союза журналистов (1964).

Участник Великой Отечественной войны. Воевал на Юго-Западном, 3-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. Командир отделения, помощник командира стрелкового взвода, гвардии старшина. Награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945

гг.», медалью Польской Народной Республики «За Одер, Нису, Балтику».

Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского государственного университета (1953), затем обучался в аспирантуре ВГУ (1953–1956). Работал в Липецком государственном педагогическом институте (1956–1959), Воронежском государственном университете (1959–1999), где стоял у истоков журналистского образования: заведующий кафедрой журналистики (1967–1974), истории журналистики и журналистского мастерства (1978–1983), практической стилистики и литературного редактирования (1989).

Основные научные интересы: история и современное состояние русского языка, теория и практика кино и ТВ, методика преподавания журналистских дисциплин. Автор около 200 научных и методических работ, в том числе монографии «Язык массовой коммуникации: лексико-семиотический аспект» (Воронеж, 1993), а также «Частотного словаря языка массовой коммуникации» (Воронеж, 1992).

Один из создателей городского киноклуба «Друзья десятой музы» (1965), организатор и ректор университета рабселькоров (1969), ведущий тележурнала «Кино и мы» воронежского телевидения (1973).

Один из первых

Борис Владимирович – один из самых первых моих преподавателей в ВГУ. Лекции по современному русскому языку начались в сентябре 1981 года, на первом курсе. Хотя к вступительным экзаменам я подготовился весьма основательно, поначалу было довольно трудно с азов постигать сугубо профессиональные глубины родного языка. Но был ли иной путь – как иначе обрести заветное звание журналиста?

Борис Владимирович казался мне похожим на певца Ивана Козловского. Интеллигентность, сдержанность, академизм, какая-то нарочитая старомодность... Его лекции не блистали занимательностью или остроумием. Скорее это было похоже на то, как будущим медикам монотонно читают анатомию и прочие сопутствующие предметы: всё «по косточкам», сплошные термины, варианты болезней, симптомы, методы лечения... Подкупало в лекциях Бориса Владимировича то, что теория была прочно сопряжена с практикой, основывалась на тысячекратных ошибках газетчиков. Я лично воспринимал этот курс как освоение одной из важнейших основ будущей профессии, выстраивание гарантии того, что знание языка обеспечит лично мне прочное положение в будущей редакции.

Запомнилось, как на одном из первых занятий он спросил, какие словари есть у каждого из нас в личном распоряжении. Я что-то пролепетал тогда, но навсегда сделал вывод о ценности словарной полки в домашней библиотеке...

Самое, пожалуй, памятное то, как писал свою первую курсовую работу под руководством Кривенко. Признаюсь, при всём ворохе собранных материалов (тема – «Фразеологизмы в заголовках газеты “Советская Россия”») никак не складывался текст. Благо, помог В. Д. Козырев, который вёл у нас семинарские занятия, – дал на время курсовую работу уже окончившего ВГУ Виктора Ткачука. Я не только написал сей опус, но и настолько осмелел, что жёстко раскритиковал центральную газету, в частности, за увлечение просторечиями. На удивление, Борис Владимирович охладил мой пыл: «А разве это плохо, когда журналисты хотят уйти от сплошь официального стиля?».

Памятны и занятия по спецкурсу, когда мы говорили о кино, музыке. Была, конечно, огромная возрастная дистанция, между нами, двадцатилетними, и нашим маститым наставником. И эти беседы оставили свой след. Я понял тогда, что журналисту не помешает ещё и разбираться в искусстве. Пригодится... Поэтому ныне занимаясь

своими историческими исследованиями, не упускаю из виду того, что связано с кино и музыкой. Правда, сам я потом добавил в это «меню» ещё и архитектуру.

Теперь понимаю, что можно было бы о многом тогда поговорить со своим учителем, что называется, во внеурочное время. Но, увы, времени оставалось очень мало – студенты спешили, впрягались, мечтали, преодолевали...

Крепнет союз пера, микрофона и камеры

<...>

Взаимодействие газеты и радио, газеты и телевидения в его элементарном виде существует давно. Обзор газет, читаемый по радио, – это первичная, простейшая форма взаимодействия, основанная на принципе повторения, тиражирования одной и той же социальной информации.

Как свидетельствует история советской журналистики, принцип повторения социальной информации в ряде случаев был основой для значительных совместных акций в 30-е годы – проведения «Декады гигантов» (25 июля – 5 августа 1931 г.), в которой участвовали: газета «За индустриализацию», радиогазета «Пролетарий», местные и многотиражные газеты Березников, Кузнецкстроя, Магнитостроя и других новостроек, а также «Предоктябрьской переключки заводов», организованной «Правдой» и Всесоюзным радио в 1933 году.

В ходе этих совместных действий был выявлен неперенный элемент подобной формы кооперирования средств массовой информации – взаимоотношение аудитории читателей-слушателей.

К началу 60-х годов, когда телевидение стало равноправным партнером «более старших» своих собратьев, относятся первые поучительные опыты целенаправленного взаимодействия трех форм массовой информации и пропаганды – газеты, радио и телевидения. Эти опыты опирались на повседневное взаимодействие газеты, радио и телевидения, сложившееся в процессе непосредственной житейской практики и естественной саморегуляции их функций.

В самом деле, возьмем, к примеру, обычный день обычного читателя-слушателя-зрителя. Утро. Телевидение еще не вступило в свои права и не завладело вниманием зрителя. Газета еще не куплена (или не получена). Собирающийся на работу человек слушает последние известия по радио. Это и есть начало (условное, как убедимся в дальнейшем) своеобразного круговорота восприятия прессы в широком смысле слова.

Получив первые информационные ориентиры, слушатель тем не менее стремится стать и читателем. Газету читают в троллейбусе, автобусе, трамвае, электричке. Читают в обеденный перерыв. Большие, основательные материалы дочитываются вечером, дома, в спокойной обстановке.

Но радио, пользуясь своими коммуникативными преимуществами – оперативностью и вездесущностью – идет по пятам за читателем,

заполняя информационную паузу обеденного перерыва, а в экстренных случаях и врываясь в ритм рабочего дня (позвонят из соседнего отдела, скажут, чтобы включили репродуктор: передают важное сообщение).

Вечерние часы могут быть распределены между этими тремя каналами информации в соответствии с личными вкусами читателя-слушателя-зрителя.

Телевизор – теперь это уже не секрет – полновластный хозяин вечернего времени. Это он делает читателя-слушателя еще и зрителем. Эмоциональная сила воздействия телевидения требует, чтобы к нему обращались не урывками, а в спокойной обстановке.

При этом надо иметь в виду, что круговорот восприятия прессы, его своеобразная «цепная реакция» (ее относительное начало мы определили утренними минутами) практически никогда не кончается. Более того, каждый раз как бы начинается снова.

Самые свежие сообщения из последнего выпуска новостей центрального телевидения, в свою очередь, ориентируют зрителя-слушателя на завтрашнее чтение газет. И слушатель, стремившийся стать читателем, а потом – зрителем, снова становится читателем, ибо знает, что газетного комментария, газетных подробностей, газетных публикаций речей, выступлений, путевых репортажей, политических и экономических статей, международных обзоров ему ничто не заменит. Так интуитивно, инстинктивно читатель-слушатель-зритель отдает предпочтение той коммуникативной особенности газеты, которую принято называть аналитичностью и документальностью и которая определяет ведущую роль газеты в системе средств массовой информации.

Избирательность человека по отношению к каналам информации как раз и служат базой для элементарной координации сообщений с точки зрения получателя информации (аудитории, реципиента). Но такая же координация не только возможна, но и необходима с точки зрения отправителя информации (коммуникатора).

Первые пробы использования объективных особенностей средств массовой информации и пропаганды для их целенаправленной координации и взаимодействия связаны с творческим поиском журналистов в разных направлениях и с разными социальными заданиями.

Так, в начале 60-х годов газета «Социалистический Донбасс», местное радио и телевидение в течение пяти месяцев (август – декабрь 1960 г.) освещали вопросы внедрения в производство новой техники. Впервые после длительного перерыва были осуществлены

совместные действия газеты, радио и телевидения. В ходе кампании отрабатывались организационные принципы взаимодействия, проверялись на практике общие принципы взаимодействия: повторение, дополнение, развитие темы [3, с. 80].

Дальнейшее развитие это творческое начало получило в эксперименте, проведенном в феврале – апреле 1968 года редакциями Крымского радио, телевидения, газеты «Крымская правда» при участии секции журналистики Академии общественных наук при ЦК КПСС. Целью этого эксперимента была организация комплексного исследования конкретной социальной проблемы (общественное питание в условиях пятидневной рабочей недели) газетой, радио, телевидением с учетом их специфичности (аналитичности, обстоятельности и последовательности в ведении темы, ведущей организаторской роли газеты; оперативности, информационно-агитационного характера, персонифицированности и диалогичности радио; наглядности, большей эмоциональности, способности воздавать «эффект присутствия» телевидения [3, с. 232].

Широко известен и один из наиболее удачных опытов этого рода – совместный цикл журналистских выступлений газеты «Правда» и Центрального телевидения о человеке труда под рубрикой «Коммунист и время». Газета и телевидение не дублировали друг друга. Журналисты использовали весь арсенал выразительных средств, доступный каждому из видов средств массовой информации, для наиболее глубокого проникновения в жизненный материал.

Некоторые примеры взаимодействия, о котором идет речь, стали уже хрестоматийными, но позволим себе напомнить один из них. В «Правде» был напечатан очерк Е. Кононенко «Цветут фиалки» о знатной ткачихе Зое Пуховой, прошедшей путь от фабричной девчонки до депутата Верховного Совета. Газетный очерк со своей строгой аналитичностью раскрыл перед читателем процесс социального возмужания героини, убедительно показал истоки ее характера.

И в тот же день, когда вышел номер «Правды», миллионы зрителей увидели Зою Пухову на экране. Ей был посвящен телевизионный очерк «Ткачиха». Задача телевидения состояла в том, чтобы раскрыть внутренний мир героини. Телевизионная передача, дополнившая выразительный литературный портрет передовой работницы, своими специфическими средствами помогла самораскрытию героини. Попутно заметим, что это обращение к типичной биографии передовой работницы имело и побочный результат, который можно назвать «открытием личности». Не случайно спустя два года

Центральное телевидение вновь посвятило Зое Пуховой передачу – «Пресс-конференцию телестудии "Орленок"», в ходе которой личност Пуховой проявилась еще рельефнее и многограннее.

В данном случае газета и телевидение, таким образом, были привлечены к одному и тому же объекту отображения.

Определенный положительный опыт подобного взаимодействия накопили и воронежские журналисты.

В этом отношении заслуживает внимания общая рубрика молодежной газеты «Молодой коммунар» и Воронежского телевидения под названием «Семь раз отмерь...». 15 апреля 1971 года была опубликована первая заметка о предстоящем сотрудничестве телевидения и газеты: «Внимание: премьера. У нас в газете и на экране телевизора». А 8 июля 1973 года вышла в эфир 20-я передача «Семь раз отмерь...», в ходе которой соревновались представители пяти строительных трестов Воронежа. Двадцать передач – это своеобразный юбилей. За два года перед телезрителями и на газетных страницах прошли представители разных профессий: железнодорожники и актеры, милиционеры и парикмахеры, продавцы и машиностроители. Участвовали в конкурсах учащиеся профессионально-технических училищ и десятиклассники.

Журналисты телевидения учли психологические особенности восприятия телевизионного зрелища: приверженность телезрителей к разного рода конкурсам и состязаниям (популярность таких передач, как «КВН», «Алло, мы ищем таланты», «А ну-ка, девушки!», «А ну-ка, парни!», «Мо-лод-цы» и т.п. общеизвестна).

На телевизионном экране проходит состязание мастеров по профессиям. Вместе с тем это не просто конкурс. От обычных конкурсов такого рода он отличается тем, что телевидение стремится помимо профессионального мастерства показать человека, с его мироощущением, с его юмором в рамках профессии, вскрыть эмоциональные, общечеловеческие, поэтические ресурсы профессии, чтобы было интересно всем: и профессионалам, и тем, кто думает «делать жизнь с кого».

Одна из лучших телепередач была посвящена соревнованию представителей пяти профессионально-технических училищ. В соответствии со сложившейся традицией сначала с участниками предстоящих состязаний знакомит газета. Уже в этом, на первый взгляд, незначительном «разделении труда» есть рациональное зерно. Во время телевизионной передачи нет необходимости подробно знакомить зрителей с состязаемыми командами: о них накануне рассказала газета.

Представление команд на газетной полосе каждый раз проводится по-особому: это могут быть полушутливые анкеты, или результаты литературного творчества, или их дружеские шаржи и т.д.

Телевизионный же экран в силу своей специфики позволяет полностью раскрыться личности молодого человека. И в этом он существенно дополняет газету – опять-таки благодаря самораскрытию участников передачи. Но телевидение, сильное своей зримостью, наглядностью, в то же время и эфемерно: погас экран – и не вернуть любившийся диалог и любившуюся импровизацию.

А что если телевизионное мгновение остановить газетной строкой?.. Так или примерно так рассуждали воронежские журналисты... Но вот закончился телевизионный поединок, и зритель снова встречается с командой-победительницей, но уже на газетной полосе. Не сразу, не на второй день, а иногда через неделю газета публикует очерк о победителе, репортаж о том, что, как говорится, осталось за кадром. К таким удачным «послетелевизионным» материалам можно отнести, например, очерк Э. Худяковой о начальнике уголовного розыска Ленинского райотдела милиции капитане Николае Глазкове (капитане команды, состязавшейся на телеэкране).

Передачи «Семь раз отмерь...» вышли за пределы Воронежа и получили положительную оценку журналистской общественности. «Талантливым воронежским циклом» [2], «удачным опытом органического взаимодействия телевидения и газеты» [1] были названы эти передачи в центральной прессе.

В чём основная идея такого взаимодействия? В том, чтобы путём создания совместной газетно-телевизионной рубрики (а это выражается также в единстве оформления – идентичности клишированной рубрики в газете и заставки телепередачи, что в свое время было использовано в Крымском эксперименте, но воронежские журналисты пришли к этому решению самостоятельно) вести целенаправленную пропаганду профессий, прежде всего рабочих, путем знакомства с теми, кто добился известных высот профессионального мастерства.

Взаимодействие средств массовой информации не самоцель. Магистральная его задача – повышение эффективности газетной и радиотелевизионной пропаганды. Можно ли определить эффективность, скажем, той же совместной рубрики «Семь раз отмерь...»? Косвенным показателем являются редакционная почта и некоторые данные социологических исследований. Через несколько дней после очередной передачи «Семь раз отмерь...» пришло письмо из Кантемировка от десятиклассника Вячеслава Семенова: «Посмотрел встречу команд

профессионально-технических училищ. Даже не ожидал: так захватывающе. В прошлом году, когда соседский парень, мой приятель, «провалил» в вуз и сдал документы в училище, честно говоря, я пожалел его. После вашей передачи я тоже решил стать рабочим. Создавать своими руками красивые вещи – это здорово!».

К такому же выводу можно прийти в результате анализа ответов на вопросы анкеты, которую периодически предлагает своим читателям молодежная газета. Абсолютное большинство подписчиков – 87 процентов – назвали в качестве одного из лучших образцов пропаганды трудового мастерства цикл совместных передач газеты и телевидения «Семь раз отмерь...».

Сцементировало же этот цикл, создало возможность его «долгожительства» единство темы, социально важной и необходимой, – темы профессиональной ориентации, пропаганды профессионального мастерства.

Одна и та же тема, как мы видим, может разрабатываться разными средствами, дополняющими друг друга, многими журналистами и разными авторами.

<...>

Литература

1. Журналист. 1972. №3. С. 7
2. Правда. 1973. 23 марта
3. Хелемендик В. С. Проблема координации и взаимодействия массовых средств пропаганды (газета, радио, телевидение): дис. ... канд. ист. наук. М., 1969.

Печатается по: Кривенко Б., Кулиничев В., Смирнов А. Крепнет союз пера, микрофона и камеры // Журналистика и жизнь. Воронеж, 1973. С. 93-110.

Так говорят на телевидении

Телевизионная речь, с помощью которой ежедневно осуществляется общение ведущих, обозревателей, корреспондентов, комментаторов, дикторов с миллионами телезрителей — это специфическое проявление, реализация языковой действительности в сфере массовой коммуникации. Слово на телевизионном экране на наших глазах все более возвышает свой статус, особенно в информационных программах, где говорящий человек в кадре доносит до нас основную информацию, которая жизненно важна очень большому числу людей, хотя их по-прежнему называют телезрителями, а не телеслушателями.

Конечно, с точки зрения чисто телевизионной поэтики такая жизнь слова на экране является скорее исключением, чем правилом, поскольку для телевидения по-прежнему главным остается изображение, видеоряд, «картинка». Разумеется, соотношение слова и изображения в разных телевизионных жанрах неодинаково, но коль скоро в информационных жанрах нагрузка на слово чрезвычайно велика, отношение к этой форме бытования языка должно быть особенно внимательным.

И с этой точки зрения роль слова, звучащего по телевидению, оказывается чрезвычайно важной в плане культуры речи в самом широком смысле этого понятия. Дело в том, что человек на экране не только сообщает определенную информацию, но и выполняет, если можно так выразиться, «внешнепедагогическую» функцию, т. е. является образцом владения литературной речью, демонстрирует нормы литературного языка, в том числе и произношения.

Эта роль средств массовой информации еще в полной мере не осмыслена, так же, как и роль искусства вообще. А между тем их влияние на культуру речи вряд ли можно переоценить. Известно, что в свое время, написав стихотворение, которое начинается строчкой «Песню дружбы запекает молодежь...», Лев Ошанин во многом способствовал устранению из произношения неправильной формы «мóлодежь», поскольку произношение этого слова было поддержано рифмой «...не убьешь». В фильме «Весна» средством саморазоблачения хамоватого псевдоученого Бубенцова являются постоянные неправильности типа «компроментировать», «я вам гарантирую» и т. д. То же и в фильме «Доживем до понедельника»: учительница говорит: «Они ложат и ложат». Любопытен эпизод в фильме «Дневник директора школы». Пришедшую устраиваться на работу словесницу директор школы (артист О. Борисов) спрашивает:

– А вы как к нам доехали?»

– На транвае», – отвечает учительница. Комментарии, как говорится, излишни.

У телевидения в этом плане несоизмеримо больше возможностей, и оно время от времени пробует их реализовать. Этому служит «Кривой эфир» «Останкина»; однажды в «Вестях» по Российскому телеканалу прошел специальный сюжет о произношении слов опто́вый, валово́й, обеспéчение и т. п.; то, как мы говорим, было предметом дискуссии в одной из передач «Тема» Вл. Листьева.

В последние годы на телевидении практически ликвидирован институт дикторов, которые обычно читали официальные и неофициальные материалы. Остались только дикторы программ и рекламных объявлений. Типология личности на телевизионном экране претерпела значительную трансформацию, а это, в свою очередь, вызвало существенные сдвиги в типологии речи. Если раньше диктор телевидения демонстрировал своим искусством образец чтения текста, автором которого он не является, то в нынешней ситуации трудно разграничить субъектную и объектную речь, ибо комментатор (ведущий) может быть а может и не быть автором текста. И наоборот, если прежде ведущий (комментатор) был по преимуществу автором и интерпретатором собственного текста, то теперь он выполняет несвойственную ему функцию диктора, читая по бумажке, а чаще по бегущей строке телесуфлера «чужой» информационный текст. Между тем, как известно, роль диктора сродни роли чтеца – мастера художественного слова на эстраде, с той только разницей, что диктор читает не художественный текст.

Вот это смешение социальных ролей и типологические сдвиги привели к тому, что уровень культуры устной речи на телевидении ощутимо снизился. Практически стерлась грань между произношением журналиста-профессионала и приглашенного в студию «человека со стороны». И тот, и другой могут произнести «ва́ловый», «газопро́вод» вместо правильных валово́й, газопрово́д. Конечно, сказанное можно трактовать как конкретное проявление всеобъясняющей тенденции демократизации русского языка, которая действует на протяжении почти всего XX века и реализует себя во влиянии разговорной речи на книжную, устную – на письменную и наоборот.

Возвращаясь к роли диктора на телевидении, отметим, что процесс вытеснения социальной определенности места диктора прошел три этапа. Первоначально информационные программы, и прежде всего «Время», вели два диктора – мужчина и женщина. В этом был свой резон. По

законам социологии и семиотики, смена голосов на радио и телевидении представляет собой компенсаторный механизм, благодаря которому ввиду отсутствия очевидной обратной связи создается иллюзия диалога. У всех, очевидно, на памяти выпуски «Времени», в которых сообщения читали (именно читали, а не делали вид, что импровизируют) Н. Бодрова и И. Кириллов, А. Шатилова и Е. Суслов, В. Шебеко и Е. Кочергин и др.

Второй этап был связан с тем, что в кадре стали работать тоже два человека, но разные по своему социальному назначению, – диктор и либо комментатор, либо политический обозреватель. И в данном случае типологические характеристики личности ведущего и его речи совпадали, ибо первый был носителем объектной речи, а второй – субъектной (попутно заметим, что субъектная речь в то время культивировалась и в таких передачах, как «Сегодня в мире» и «Международная панорама»).

И, наконец, после непродолжительного и неумелого состязания двух типов программ в конце 80-х годов установилась современная практика информационных передач, когда в кадре выступает один человек в неопределенной функции диктора—комментатора—ведущего. Показательно, что эту роль чаще всего выполняют не дикторы, имеющие, как правило, театральную подготовку, а корреспонденты, комментаторы, преимущественно с журналистским образованием, которое, к сожалению, не дает в достаточной степени орфоэпических навыков. Именно поэтому культура телевизионной речи стала так заметно деградировать.

Наблюдения над речью дикторов—комментаторов—ведущих в течение 1993 года дают любопытную картину орфоэпической неразберихи и нормативной неустойчивости, предоставляя богатый материал для осмысления, анализа и выработки практических рекомендаций.

Мы остановимся лишь на одной стороне орфоэпии – акцентологии, конкретно – на отклонениях от норм в ударении. Эти ошибки наиболее многочисленны, часто повторяются, лежат, что называется, на поверхности, а потому и «режут слух», потому и заслуживают первостепенного внимания. Прежде всего перечислим слова, в которых отклонения от норм ударения встречаются чаще всего. Это ави́зо, афе́ра, бензопро́вод, брониро́ванный, валово́й, газопро́вод, заня́вший, наме́рение, нача́ть, обеспе́чение, обле́гчить, ове́н, опто́вый, прибыв́ший, приня́вший, трубопро́вод, ходата́йство, экспе́рт (произносятся ави́зо, афе́ра, бензопро́вод, брониро́ванный, ва́ловый, газопро́вод, за́нявший, намере́ние, нача́ть, обеспе́чение, обле́гчить, о́вен, о́птовый, прибыв́ший, приня́вший, трубопро́вод, ходата́йство, э́ксперт).

Легко заметить: в этом перечне есть явления как системные, которые можно объяснить нарушением общей парадигмы склонения, спряжения или словообразования, так и внесистемные, узуальные, т. е. такие орфоэпические индивидуализмы, которые связаны с традицией употребления. Начнем анализ с них.

Вот два слова, которые вроде бы не подчиняются никаким правилам акцентологии и орфоэпии, – авизо и афера. Неправильное произношение «авизо́» и «афе́ра» вызываются разными причинами.

Первое слово до недавнего времени было в пассивном словаре, т. к. представляет собой бухгалтерский термин, но при участившемся употреблении его стало восприниматься как французское заимствование и начало произноситься с ударением на последнем слоге, в то время как в действительности это заимствование из итальянского языка (как и слово *сальдо*) и, следовательно, должно произноситься с ударением на предпоследнем слоге. Не исключено, что на неправильное произношение оказала влияние профессионально-просторечная форма *авизовка*.

Что касается слова *афера*, то здесь все сложнее. Дело в том, что по законам русской фонетики звук [э] после мягкого согласного под ударением перед следующим твердым согласным переходит в [о] (орфографическое *ё*). Ср.: *свёкла*, *принёс* и т. п. Но слово *афера* продолжает восприниматься как заимствование из французского, а во французском (*affaire* – дело) никакого перехода э в о нет.

Из внесистемных явлений отметим также произношение *овён*, *овна́* (при неправильном *овен*, *овна*): это слово исконно русское, пришедшее в древнерусский язык из церковно-славянского. Слово эксперт вошло в русский язык из латинского через французское посредство, поэтому ударение – на последнем слоге.

Большинство же погрешностей поддается анализу с точки зрения системности. Известно, что система литературного произношения не всегда совпадает с системой разговорного или просторечного, а тем более диалектного произношения. Носитель языка, недостаточно освоивший систему литературных норм, в своем речетворчестве демонстрирует иную систему, что и вызывает нарушение орфоэпии.

В этом отношении можно выделить три круга фактов.

Во-первых, есть группа глаголов, которые по нормам орфоэпии произносятся с ударением на корневой гласный: *заня́ть*, *нача́ть*, *прибы́ть*, *приня́ть* и нек. др. Место ударения не меняется у некоторых производных форм: *заня́вший*, *нача́вший*, *прибы́вший*, *приня́вший*. Произношение неверное: *за́нявший*, *на́чавший*, *при́бывший*, *при́нявший* – к со-

жалению, весьма распространено. Объяснить появление этой ошибки несложно: говорящего подводит подвижность русского ударения. В формах мужского рода прошедшего времени ударение переносится на приставку, а по закону аналогии это ударение ошибочно переносится и на другие формы. То же можно сказать о формах прошедшего времени женского рода. Ударение должно быть на окончании, т. е. заняла́, начала́, прибыла́, приняла́ и т. д. Между тем произношение нача́ла, со́зда́ла, призва́ла, прерва́ла настолько широко распространено, что вызывает невольный протест.

Во-вторых, подлинным бедствием стало произношение сложных слов со второй частью -провод с ударением на первом о, между тем только слово про́вод произносят так, в остальных же случаях ударение должно быть на конечном звуке о: бензопро́вод, газопро́вод, нефтепро́вод, путе́провод, трубопро́вод, не говоря уже о водопро́воде.

В-третьих, достаточно сложно взаимодействие традиционного и системного в словах на -ированный. Такие слова, как иллюстриро́ванный, кастриро́ванный, шаржиро́ванный произносятся с ударением на и, в то же время большинство слов должно произноситься с ударением на о: брони́ро́ванный, запломби́ро́ванный, костюми́ро́ванный, экзальти́ро́ванный.

В языке, как уже говорилось, очень активно действует закон аналогии. Именно благодаря действию этого закона часто выравниваются некоторые формы слов. Из истории языка известно, скажем, что первоначально окончание -а в форме именительного падежа множественного числа существительных мужского рода было только у так называемых парных существительных типа бере́г—берега́, рукав—рукава́, поскольку свое происхождение это окончание ведет от формы именительного падежа двойственного числа, которым как раз и обозначались парные предметы. С утратой двойственного числа окончание -а все больше и больше расширяло область своего употребления; этот процесс продолжается и сейчас, поэтому при нормативном профессора́, доктора́ мы встречаемся с вариантным произношением слесаря́—слесари, токаря́—токари; грубо неправильными формами считаются офице́ра, средстве́а. К сожалению, последняя форма также встречается в телевизионной речи, правда, чаще в рекламе и в выступлениях депутатов.

Но действие аналогии гораздо шире. Именно стремлением «подогнать» фонетическую форму слова под одну модель объясняется появление таких ударений, как «обеспе́чение» и «намере́ние». Действительно, в языке много слов с ударением на гласный суффикса

(течѣние, влеченіѣ, учѣние, лечѣние, стремлѣние, горѣние, парѣние и т. д.). По аналогии и у анализируемых слов появляется такое ударение. Попутно заметим, что пометы в орфоэпическом словаре у данных слов неодинаковые. Если слово намерѣние сопровождается пометой *неправ.* (неправильное), то *обеспечѣние* – не рек. (не рекомендуется). Это свидетельствует о том, что, возможно, в ближайшем будущем, ввиду большой частотности формы *обеспечение*, она, видимо, будет сопровождаться пометой *доп.* (допустимо). Но это уже проблема кодификации, которая требует специального обсуждения.

Кстати, в эту кодификаторскую деятельность, оказывается, могут вносить свою лепту и журналисты, в том числе и телевизионные. В 60-х годах, выступая в «Эстафете новостей» (была такая передача, предшественница «Времени» и «Панорамы»), журналист Виктор Шрагин, только что вернувшийся из командировки в Южную Америку, сообщил, что местные жители называют свою страну Перу́ (а не Пѣру, как это было принято у нас и даже рекомендовано «Словарем ударений для работников радио и телевидения», М., 1970). Отрадно, что в новых изданиях справочника поправка журналиста учтена.

Иноязычные географические названия до сих пор вызывают затруднения в постановке ударения. И хотя отклонения единичны, обратить внимание на них все же следует: это Гуантанáмо (правильно: Гуантáнамо), Ту́ва (правильно: Тувá); Дáвос (правильно: Давóс). Есть ошибки и в отечественных названиях: Прóтвино (правильно: Протвино́).

Что касается личных имен, то больше всего «не повезло» Патриарху Московскому и всея Руси Алексію Второму. Его часто называют Алѣксием. Фамилия известной кинозвезды Греты Гарбо произносится с ударением на первом слоге, а не на последнем; шведский король Гúстав, а не Густáв.

Желая помочь ведущим, комментаторам и журналистам избавиться от погрешностей в области ударения, отметим, кроме рассмотренных, еще и другие отклонения от норм орфоэпии, встречающиеся в их речи.

Неправильно:

бírжевый
бръцать
визовóй
гѣрба
жáлюзи
йсковый
катáлог
клапанóв

кнессёт
книгопродавцы
ко́клюш
коммивояжеры
кухóнный
ла́зоре́вый
марки́рованный
новоро́жденный
о по́хоронах
при́была
принуди́ть
прове́денный
прóдалась
прорва́ла
просты́ню
раскварти́рованные

Правильно:

биржево́й
бряца́ть
ви́зовый
герба́
жалюзи́
исково́й
катало́г
кла́панов
кне́ссет
книгопро́давцы
коклю́ш
коммивояже́ры
ку́хонный
лазо́ре́вый
маркиро́ванный
новорожде́нный
о похоро́нах
прибы́ла
принуди́ть
проведе́нный
продала́сь
прорвала́
просты́ней

расквартиро́ванные
сироты́
скла́ды
сма́зные (сапоги)
созыв
то́рги
у́мерший
сироты́
скла́ды
смазные
созыв
торги́
умёрший

Кроме акцентологических погрешностей, можно назвать еще целый ряд нарушений лексико-грамматических норм.

Так, по-прежнему представляет определенные трудности для говорящих склонение числительных. Мы то и дело слышим: от двухста до четырехста, правильно – от двухсот до четырехсот, более восьмиста, правильно – более восьмисот; сорок одного, правильно – сорока одного; не превышает пять тысяч, правильно – пяти тысяч; из восьмьсот семидесяти, правильно – из восьмисот семидесяти; около пятиста тысяч, правильно – около пятисот тысяч; порядка девятиста миллионов, правильно – порядка девятисот миллионов.

Нельзя не назвать другие погрешности, касающиеся, главным образом, словоупотребления. Неистребимой остается застарелая паронимическая ошибка, когда вместо глагола надеть употребляется глагол одеть: одеть пальто, одеть колпачок, в то время как следует говорить надеть пальто, надеть колпачок.

Не соблюдается и правило сочетания собирательных числительных. Напомним: нельзя говорить «трое женщин», «двое дочерей», так как собирательные числительные не сочетаются с существительными женского рода.

Продолжают звучать в эфире и избыточные, плеонастические словосочетания типа «памятные сувениры», «пятидесятилетняя годовщина», «постоянная константа» (надо: либо сувенир, либо памятный подарок; либо пятидесятилетие, либо пятидесятая годовщина; константа в переводе на русский язык уже означает – постоянная).

Есть ошибки и в образовании сравнительной и превосходной степеней прилагательных и наречий: «более лучшее» (надо или более хорошее, или лучшее), «самый сложнейший» (надо или самый сложный,

или сложнейший). Встречается и банальное незнание того, что после предлога согласно существительное ставится в дательном падеже, т. е. согласно решению, согласно указу (а не решения, указа).

Не следует думать, что перечислением нарушений орфоэпических, смысловых и грамматических норм ставится под сомнение профессионализм журналистов. Нам хотелось обратить внимание на тревожную тенденцию снижения уровня культуры публичной речи и предостеречь от повторения ошибок.

Можно дать и практический совет. Если повесить в редакционной комнате небольшой плакатик, на левой половине которого собрать все неправильности и отметить это соответствующим образом (либо перечеркнуть как недопустимое, либо написать сверху: «Так не говорят!»), а на правой – указать нормативную форму, тоже подчеркнув это соответствующим образом, то результаты, без сомнения, скоро дадут о себе знать.

Печатается по: Русская речь. 1995. №1. С. 65–72.

Человек пришел с войны

С Борисом Владимировичем я познакомился году в пятьдесят пятом. Студентом пришел в университетскую многотиражку «За научные кадры», в которой властвовал Николай Зиновьев, ответственный секретарь газеты, а редактором был преподаватель Борис Владимирович Кривенко, немногословный человек, корпевший над рукописями, поступившими в редакцию.

Познакомились, подружились.

Редактор Кривенко был деликатен – ошибки исправлял, но с точкой зрения автора не спорил. Правда, иногда говорил задумчиво.

– Знаешь, Лев, я бы на твоём месте...

И дальше следовала аккуратная коррекция какого-то моего высказывания.

Иногда я вяло соглашался и вносил исправления в текст, иногда – спорил, не сдаваясь.

Потом уже, начав работать в районной редакции, понял – редактор Кривенко учил меня беречь слово.

А еще больше я зауважал Бориса Владимировича, когда однажды оказался в его небольшой квартирке старого дома на улице Энгельса. Зашел, чтобы вместе отправиться на какой-то праздничный вечер.

Кривенко, сбросив домашнюю одежду, переоделся. И я увидел на предплечии своего редактора два глубоких шрама.

Увидев мой взгляд, Борис Владимирович сказал коротко:

– Война...

Я знал, разумеется, и раньше, что Борис Владимирович воевал, но не подозревал, что война оставила о себе такую вот буквальную память.

– Я в пехоте служил, – пояснил Кривенко, а там присказка была: «Солдату на передовой отводится три дня жизни, а потом – либо в Наркомзем, либо в Наркомздрав». Так что мне еще повезло.

Действительно, повезло. Вернулся с фронта. Отучился в университете. Аспирантура. Липецк. Защита диссертации. Возвращение в Воронеж. Работа на филфаке. Фактически – один из создателей журфака: в конце шестидесятых и до конца жизни своей передвигался с одной кафедры на другую, последовательно их возглавляя.

Не роптал – вот что удивительно!

Был чуток к поиску. К переменам. Не случайно придумал новую дисциплину – ФСМК: «Функциональный стиль массовой коммуникации».

Я тогда в деканате сидел. Пришел Борис Владимирович, стал объяснять, почему следует объединить курсы русского языка, литературного редактирования и практической стилистики в единое целое.

Здравая была мысль. Опережавшая время. Но у нас в стране не очень жалуют тех, кто порывается вперед забежать.

Это как в велогонках: пелетон всегда поглощает убегающих вперед. Потому что мчаться вперед в одиночестве физически трудно.

А ты – не забегай!

Вот и накрыла волна пелетона маячившую впереди фигуру профессора Кривенко.

Нет больше в расписании учебных занятий такого курса – «Функциональный стиль массовой коммуникации». Не вписался в регламент учебных планов журфаков страны. А жаль.

Борис Владимирович об этом, к счастью, уже не узнает.

Может, оно и к лучшему.

Печатается по: Дом, который зовут журфак: история, сочиненная жизнью. Том второй / автор-сост. Л. Е. Кройчик. Воронеж: Факультет журналистики, 2011. С. 155–156.

Педагог. Ученый. Человек

Из воспоминаний О. Баранниковой

Спускаюсь на лифте с седьмого этажа общежития № 7, у меня экзамен по предмету «Функциональный стиль массовой коммуникации». Немного нервничаю, тереблю конспект лекций Бориса Владимировича Кривенко.

В лифт заходит Сергей Каменев, студент курсами постарше. Увидев тетрадку, возмущенно:

– «Шпоры»?! Как Вам не стыдно идти со шпаргалками на экзамен к такому тонкому, интеллигентному человеку? Это такая пошлость!

Кривенко был эстетом. Такие детали одежды, как *dolcevita* (так после выхода фильма Федерико Феллини «Сладкая жизнь» итальянцы стали называть водолазку), поддетая им под пиджак серого делового костюма, или светлый свитер крупной вязки возвращали нас к стилю свободных художников 1950-60-х, что сочеталось с содержанием спецкурса «Кино и мировая культура», где он рассказывал о неореализме в итальянском кинематографе и о фильмах французской новой волны.

И еще Борис Владимирович всегда держал спину прямо и жил с высоко поднятой головой. Он был из поколения победителей.

Из воспоминаний А. Белуновой

Когда мы были студентами, доктор филологических наук Борис Владимирович Кривенко нацеливал нас: «Обращайте внимание на речь дикторов всесоюзного радио и центрального телевидения – у них самое правильное произношение». На экзамене вместе с билетом нам предлагался так называемый орфоэпический минимум из 300 слов. Если хотя бы одно из них произносилось неверно, приходилось сдавать еще раз.

А что можно сказать о речи сегодняшних телеведущих и корреспондентов? Увы, ориентироваться на нее не стоит. Иной раз их произношение просто режет слух любого грамотного человека.

Печатается по: Белунова А. Литературу ничем заменить нельзя // Районные будни. 2022. 30 янв. URL: <https://raybudni.ru/news/literaturu-nichem-zamenit-nelzja/> (дата обращения: 12.02.2024).

Из воспоминаний С. Гладышевой

Недавно прочитала в авторитетном научном издании: «"Частотный словарь языка массовой коммуникации" Б. В. Кривенко является первым опытом частотного словаря, построенного на материале не только

письменных текстов (газета «Комсомольская правда», районные газеты), но и звучащей речи (радио, телевидение, кинохроника). Словарь даёт синхронный срез лексического уровня языка газеты, информационных передач радио и телевидения за 1965—1985 гг. Общая длина текстовой выборки 71 164 словоупотребления. В словаре представлены списки слов по убыванию частотности, списки слов по алфавиту. Первые места в списке наиболее частотных слов (за исключением служебных слов и местоимений) занимают слова: год, работа, страна, день, колхоз, дело, время, партия, новый, совет, рабочий, советский, народ, район, сегодня, город, организация, человек, председатель, секретарь, большой, область, имя, мир, республика, план. Частотность слов в языке средств массовой информации прекрасно отражает особенности советского политического дискурса, набор идеологем советского времени» [Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб., 2015. С. 365].

Приятна столь высокая оценка частотного словаря Бориса Владимировича, над составлением которого он трудился более 20 лет. Он организовал и прекрасно координировал работу 7 проблемных групп студентов отделения журналистики ВГУ, которые занимались картографированием газетных текстов, а также расшифровкой фонограмм радио-, телепередач и дикторских текстов киножурналов с последующим картографированием. Предпоследнюю, шестую, группу составили мои однокурсники. Мы изучали язык кинохроники.

До сих пор помню, как мы на Пушкинской, 16, окружив старенький катушечный магнитофон (их тогда называли бобинниками), расшифровывали фонограммы. Борис Владимирович объяснял нам принципы заполнения карточек, особенности их систематизации. Для нас, первокурсников, это был первый опыт научного исследования. Работали увлеченно, в моей комнате стопки карточек высились не только на письменном столе, но и на подоконнике, книжной полке... Весной 1981 г. мы сдавали Борису Владимировичу результаты своих исследований, и они засчитывались нам в качестве курсовых работ. Сейчас такая форма работы в вузе называется проектной деятельностью.

Во вступительной статье к «Частотному словарю языка массовой коммуникации», который вышел в издательстве Воронежского университета в 1992 г., Борис Владимирович отметил: «большая, кропотливая и точная работа членов проблемных групп заслуживает высокой оценки». И перечислил фамилии всех студентов (а их было 107), участвовавших в работе проблемных групп с 1965 по 1985 гг.

Из воспоминаний Ф. Грозданова

Борис Владимирович Кривенко был одним первых преподавателей, с которыми мы встретились в университете. Моя «дебютная» курсовая была тоже у него. До сих пор помню строчку из его отзыва на работу: «Достойная нива для продолжения исследования». Борис Владимирович был на 57 лет старше – на целую жизнь! И, конечно, имел статус божества. Я помню, как на каждую его лекцию приходила его дочь и записывала все, что он говорил. Надеюсь, это было издано потом. Ведь именно благодаря этому преподавателю родной русский язык заиграл для нас новыми красками. Его манера изложения, культура речи и высочайшая интеллигентность делали каждую лекцию – событием.

Из воспоминаний П. Кичевой

Мне кажется, что каждый день слышу голос Бориса Владимировича, который... продолжает свою лекцию про неологизмы. Ведь сегодня встречаешь их очень часто.

Из воспоминаний С. Красноок (Луханиной)

Навсегда осталось в памяти высказывание Бориса Владимировича: «Ничто так не выдаёт безграмотность человека, как неправильная постановка ударений в словах». Кривенко-преподаватель много внимания уделял вариативности ударений, и студенты, бывало, удивлялись, что слова, которые они с детства привыкли произносить определённым образом, на самом деле «ударяются» совсем по-другому. Так случилось с кулинарией, гастрономией, газопроводом, кухонным оборудованием, всё не перечислишь.

Борис Владимирович запомнился мне трепетным отношением к русскому языку. Война, участие в боях, в жёстких событиях ничуть не колебали его глубокую интеллигентность. Помню его всегда говорящим о Родине с любовью, а о своих студентах – с уважением и пониманием.

Из воспоминаний Л. Сандлер

В 1989 году закончился мой контракт на кафедре общего языкознания и стилистики на филологическом факультете Воронежского государственного университета. Это были 3 года моего становления как преподавателя, 3 счастливых года сотрудничества с большими учёными: профессорами Зинаидой Даниловной Поповой, моим научным руководителем Инной Яковлевной Чернухиной, Татьяной Андреевной Колосовой, женой нашего первого декана факультета журналистики и многими другими.

Мне было непросто уходить из такого коллектива, но я понимала, что надо развиваться дальше и факультет журналистики, куда я получила рекомендацию, – это место творчества и роста. Отчетливо помню день, когда я пришла на запланированную «встречу-собеседование», которую проводил Борис Владимирович Кривенко, исполнявший обязанности заведующего кафедрой. Маленькая кафедра стилистики и литературного редактирования, находившаяся тогда в 106 аудитории, несколько простых столов, стены, облепленные полками с книгами, пособиями и папками. За столом у окна сидел красивый седоволосый мужчина в строгом костюме и в галстуке (в одежде другого стиля я его ни разу не видела). Мы поздоровались, и он попросил рассказать о себе. К этому времени я занималась подготовкой диссертации, сдавала экзамены кандидатского минимума, поэтому была «перспективным» претендентом. Борис Владимирович очень удивился, когда я рассказала ему, что по своей первой специальности я преподаватель фортепиано и активно использовала свои навыки в работе с иностранными студентами: устраивала вечера, проводила экскурсии в театры и филармонию.

Меня приняли на работу. Удивительно, но Б. В. Кривенко сразу поставил передо мной конкретные задачи: исследовать язык публицистики, и я с интересом занимаюсь этим уже 35 лет!

Начались преподавательские будни. Кафедра переживала свое становление, разрабатывались новые программы, курсы, семинары. И в этой области Борис Владимирович был нашим флагом. Он предложил целую систему лекционных дисциплин, охватывающих изучение всех разделов русского языка, нормативной и функциональной стилистики, литературного редактирования. К каждому из разделов полагался практикум: по орфографии, орфоэпии, пунктуации, стилистике и литредактированию. Весь этот лекционно-практический комплекс дисциплин назывался ФСМК – «Функциональный стиль массовой коммуникации». Большое внимание в лекциях он уделял семиотике языка, так как это была тема его докторской диссертации. Хочу обратить особое внимание, что система ФСМК до сих пор используется нами в учебном процессе, она несколько не устарела, а, напротив, развивалась, обросла новыми методиками, учебными пособиями. Ученые нашей кафедры разработали язык телевидения, язык рекламы, язык PR-текстов, язык деловой коммуникации и язык интернета. Но остался главный принцип – функциональное использование современного русского языка в различных СМИ.

И теперь совсем личные наблюдения. Борис Владимирович был для меня воплощением настоящего профессора высшей школы. Его

общение с коллегами было безупречно вежливым и сдержанным, он был педантичен в оформлении деловых документов и бумаг, своим примером показывал, как надо работать со студентами. В последние 2 года работы на факультете Борис Владимирович испытывал трудности со слухом, поэтому стал меньше общаться с коллегами, но ушел на заслуженный отдых, сохранив свой профессорский имидж.

Из воспоминаний Н. Тарасенко

Борис Владимирович Кривенко, на мой взгляд, всю свою жизнь был предан главной идее – хранить настоящую красоту русского языка. Уважительного и бережного отношения к великому и могучему он, без единой скидки, требовал и от всех своих студентов.

Я поступил на отделение журналистики филфака после окончания средней школы в «ридном» Донбассе. Там-то прилепилось ко мне украинское «гэжание». Избавиться от препротивного «Г» фрикативного помог Борис Владимирович. Однажды он просто заявил: будешь дальше «гэжать» – зачет не получишь. Пришлось научиться правильно смыкать язык с нёбом.

До сих пор меня корёжит, когда в речах грамотных, на первый взгляд, чиновников, а то и из уст коллег-журналистов звучат слова: звОнит, катАлог, дОсуг, принЯл, центнЕр. Помните знаменитое перестроечное выражение лидера страны: главное, товарищи, нАчать и углУбить!

Еще на первом курсе Борис Владимирович заставил всю нашу группу, зная, как Отче наш, выданный им орфоэпический минимум.

Из воспоминаний В. Тулупова

Так получилось, что Борис Владимирович Кривенко был организатором и заведующим трёх последовательно открывавшихся в 1960–1980 годах кафедр: журналистики; истории журналистики и журналистского мастерства; практической стилистики и литературного редактирования. Что же касается его научных интересов, то они были широки: Кривенко интересовала не только история и современное состояние русского языка, языка публицистики, но, например, теория и практика кино и телевидения. Студенты до сих пор обращаются к его монографиям «Язык массовой коммуникации: лексико-семиотический аспект», «Частотного словаря языка массовой коммуникации», а некоторые с удивлением узнают, что он ещё был создателем Воронежского киноклуба, приобретшего в своё время всесоюзную известность. Когда я стал редактором «Эфира-365» Борис Владимирович вызвался вести рубрику, под которой публиковал речевые ошибки местных теле- и радиожурналистов. При этом, щадя самолюбие кол-

лег, многие из которых были его учениками, он не называл фамилий, приводя лишь название программ, дату и время их выхода.

Печатается по: Тулупов В. В. Это было недавно, это было давно...: автобиографические записки. Воронеж, 2021. С. 67–68.

Из воспоминаний М. Федоровой

Кроме того, что Борис Владимирович был моим наставником, ментором в нелёгком деле моего становления как преподавателя и исследователя в новой для меня сфере – журналистике... Он был для меня еще и – воином Второй мировой, как мои родители; преподавателем моей любимой альма-матер – филфака ВГУ, где уже во время моей учебы создавался будущий журфак; руководителем городского Клуба друзей кино (а кино было моей большой любовью – и однажды я даже удостоилась его похвалы за правильные ответы в викторине о польском кино).

Его замечания, советы и подсказки о том, как стать театром одного актера для своих студентов, завоевать их внимание и доверие, и на этой основе – учить – были бесценны для меня и в Воронежском университете, и позднее – в университете Тель-Авивском.

«В настоящем человеке все должно быть прекрасно». И всё было прекрасно в Борисе Владимировиче. Интеллигент, тактичный и понимающий человек, прирожденный, но не агрессивный лидер – он вёл за собой единомышленников, а не попутчиков.

Военная история Бориса Владимировича Кривенко

Борис Владимирович Кривенко родился 20 апреля 1924 г. в Воронеже, в хорошей, интеллигентной семье. В его доме всегда стояли пианино и граммофон с большой трубой, поэтому дом часто был наполнен звуками вальсов и арий в исполнении Шаляпина. Отец и мать немного музицировали, дядя играл в народном театре села Никольского и состоял в переписке с К. С. Станиславским.

Видимо, все это повлияло на молодого Бориса, и по-

этому он тоже мечтал стать артистом. Но дружен он был и с русским языком – как оказалось впоследствии, делом всей жизни. Особенную роль сыграл случай в пятом классе: однажды он написал на «отлично» сложный диктант, и любимая учительница Бориса, А. В. Самецкая, сказала, что он – самый грамотный ученик в классе. Тогда у него появилось желание и дальше держаться на этом уровне.

Война застала Бориса в пути. На каникулах в 1941 г. он, как всегда, уехал в село Губино Добринского района, к родственникам. Почти весь путь преодолел, но тут остановился в селе Хомутовка, в котором обычно в воскресные дни нельзя было увидеть ни души. А там у изб толпились

взволнованные люди, о чём-то шептались, всплескивали руками. В своих очерках Кривенко пишет: «Наш возница (а ехали на попутной крестьянской подводе) не выдержал, заподозрив что-то неладное, остановил лошаадь, подошел к группе мужиков. Вернулся: "Война!"» [1, с. 163].

Школу Борис окончил в 1942 г., уже в прифронтовом Воронеже, с отличным аттестатом. А дальше была новая жизнь – жестокая и беспощадная. Годы Великой Отечественной.

4 июля 1942 г. Воронеж горел. Захватив с собой лишь то, что можно унести в руках, Кривенко вместе с товарищами вновь добрался до Губина. Но уже не на каникулы, а к сельсовету, на дверях которого висело объявление: «Мужчинам 1924 года рождения подготовиться к отправке в военкомат». Однако в приписном удостоверении Бориса значился центральный РВК Воронежа, и ему чуть было не отказали в зачислении: «Ищите свой военкомат в Борисоглебске, все переехало туда» <...>. «Пишите вместе со всеми» [1, с. 164], – уверенно ответил молодой Кривенко.

Так, 28 июля 1942 г., через три недели после начала оккупации немецкими войсками правобережной части Воронежа, Борис Кривенко вступил добровольцем в ряды Красной армии.

Дата оказалась грозно-символичной. В этот день был подписан знаменитый указ Наркома обороны № 227: «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» или в просторечии «Ни шагу назад!». Приказ является одним из документов, направленных на повышение воинской дисциплины в Красной армии.

Согласно ему, был запрещен отход войск без приказа, введено формирование штрафных частей из числа провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости – отдельных штрафных батальонов в составе фронтов и отдельных штрафных рот в составе армий, а также «тех самых» заградительных отрядов.

Вместе с многими из тех, у кого было среднее образование, Борис попал в Куйбышевское пехотное училище. Но стать офицером не пришлось – началось наступление советских войск, и курсантов перебросили на фронт. Почти всю войну он прошел в составе пехоты.

С 1943 г. Кривенко воевал на Украинском фронте. В августе сорок третьего вместе с частью курсантов училища Кривенко распределили в 102-й гвардейский полк. Он попал в роту автоматчиков и после этого прямо «с колес» его бросили в бой. 6 дней он участвовал в непрерывном наступлении. «Срок немалый, если учесть популярную пехотную притчу: "С передовой только два выхода – или в Наркомздрав, или в Наркомзем"» [1, с. 160], – вспоминал Борис Владимирович уже после войны.

Еще на командном пункте он услышал разговор трех разведчиков, только что вернувшихся с задания: «Кто-то из штабных спросил: "А где Серега?" – "Накрылся", – с добавлением еще одного слова ответил один из разведчиков. Вот это будничное "накрылся" точнее и большее всего обрисовывало атмосферу передовой» [1, с. 164].

Бои конца лета 1943 г. были страшными, кровопролитными. Тогда уже произошел главный перелом в ходе войны, и наши войска наступали, преодолевая ожесточенное сопротивление гитлеровцев.

Особенно тяжелым был день 24 августа: несколько раз остатки роты Бориса вместе с солдатами других батальонов и рот атаковали позиции немцев в низине, на опушке леса: «Было видно даже, как минометные расчеты готовят залп за залпом, и через секунды эти мины рвались в нашей наступающей цепи. Пришлось залечь. Атаки успеха не имели. Из последней вернулись в траншею только двое. Комбат, стоя с окровавленной повязкой на голове и орденом Отечественной войны (старого образца, с красной ленточкой) на выгоревшей гимнастерке, сгоряча хотел их расстрелять, но раздумал: каждый солдат был на счету, – описывал обстановку Кривенко. А с нейтральной полосы были слышны стоны и крик "Мама, мама...", который через несколько минут умолк» [1, с. 160].

На следующий день, 25 августа, в наступление пошли все, кто мог держать оружие, в том числе ездовые и повара, – весь полк, от которого осталось всего 120 человек. Но противник оставил свои позиции, и там, где еще вчера стояли минометы, уже никого не осталось. Полк прошел за день километров пять-шесть.

А ясным утром 26 августа внезапно начался ближний бой. Рядом с Борисом оказался солдат, которого ранило в руку. Индивидуально пакета у него не было, Кривенко разорвал свой, перевязал рану товарищу – и отправил в медсанбат. А через несколько минут пуля пробила Борису плечо, рука повисла как плеть. «Боли сначала не почувствовал, только гимнастерка прилипла к телу от крови» [1, с. 165]. Прижимая левой рукой с автоматом рану, он дополз до ручья, а там удача – оказалась девушка-санинструктор, которая разорвала гимнастерку и перевязала рану. Потом операция, после которой Бориса отправили в госпиталь, на три месяца...

То был ничем не примечательный бой и еще ничем не примечательный 102-й полк. Это потом он станет известным, потому что в его боевые порядки придет в Берлине 1 мая 1945 г. генерал Кребс с важным сообщением о самоубийстве Гитлера.

После госпиталя Кривенко попал в 9-ю гвардейскую мотострелковую дивизию, входившую в состав знаменитой 8-й армии генерала Чуйкова, которая защищала Сталинград.

Боевые действия продолжались. И вновь, во время боя за станцию Незабудино, вражеская пуля достала солдата. Это случилось 20 ноября:

«Накануне вечером подсумки до отказа были забиты обоймами для карабинов, выдали по две гранаты, похожие на банки сгущенки (удобно закреплять скобой предохранителя за пояс шинели). А едва рассвело – начался артналет, минут пятнадцать, может быть, двадцать, потом по серому осеннему небу прошлись одно за другим звенья летающих танков "ИЛ-2", из-под крыльев которых сверкнули молнии трассирующих снарядов; из укрытий, что были в десятке метров за окопами, сбросив ветви маскировки, вышли Т-34 и, как только они миновали первую траншею, поднялись мы, пехота. На юго-восточной окраине села Марьевки противника уже не было – немцы отходили к железнодорожному полотну. У крайней хаты стоял седобородый инвалид: "Хлопцы, испейте кислого молочка, бильше ничего нэмае..."» [1, с. 161].

Наступление начиналось по всем правилам военного искусства. Первый час оно шло успешно. Было видно, как удаляется противник.

Как только подразделения Красной армии прошли село, на черном поле снова появились серые фигуры немцев.

Взвод Кривенко действовал на правом фланге, у небольшой посадки. А в трёх метрах от неё, прикованный цепью к дереву, стоял пулеметчик. Так фашисты, отступая, оставили засаду, чтобы огнем остановить наступающую пехоту. «Два, три пять выстрелов из карабинов: пулеметчик дернулся и затих. Тошнотворная муть подступила к горлу, вискам, сердцу. "Вперёд!" – это команда ротного. Вот уже видна станция, разбитые пакгаузы, водонапорная башня» [1, с. 161].

Соппротивление немцев нарастало. Вот уже подбит один советский танк, горит второй. Несколько пикировавших «Юнкерсов-87» носились над головами красноармейцев, выискивая цели, и с противным воем бомбили и обстреливали наступающих. В этом бою снайпер, целясь в голову Бориса, промахнулся, и разрывная пуля, угодив под мышку, раскроила бок Бориса: «Пришлось притвориться мёртвым и пролежать дотемна, благо ватник хорошо впитывал кровь» [1, с. 161]. С наступлением сумерек Кривенко еле-еле добрался до медсанбата, а там во время перевязки обнаружил вторую пулю в кармане ватника, где она застряла, срикошетив от подвешенной к поясу гранаты. Не будь этой гранаты – попадание в живот было бы смертельным. А ударь пуля на сантиметр выше и попади в запал, солдата бы разнесло в клочья.

После госпиталя Кривенко был уже в составе 301-й Сталинградской стрелковой дивизии, которая на тот момент входила в состав 5-й ударной армии. Его распределили в зенитно-пулеметную роту, с которой он дошел до Берлина. В то время он уже являлся старшим сержантом.

В 1944 г. дивизию перебросили на 1-й Белорусский фронт. Куда именно – Борис еще не знал. Стоял август, только завершилась Ясско-Кишиневская операция («Седьмой сталинский удар», как писали тогда в газетах).

Приготовления к переброске проходили на станции Веселый Кут. Название соответствовало настроению бойцов, ведь им дали пять дней на отдых. «Наши "Шевроле", на которых укреплены ДШК "Дегтярев", "Шпагин", "Колесников", и "Студебеккер" со всем имуществом роты тщательно монтировались на железнодорожных платформах – значит, путь предстоит неблизкий» [1, с. 162], – рассказывал Кривенко.

В начале сентября дивизия Бориса тронулась в путь. Шла не меньше недели. «Ночью, одолевали сны, днем мысли то и дело возвращались к прошедшим военным годам» [1, с. 162], – вспоминал он.

Наконец, прибыли в конечный пункт – на станцию Ковель. Всю осень 1944-го дивизия была во втором эшелоне 5-й армии, в резерве Ставки. Вскоре стало известно, что вместе с другими дивизиями 9-го Краснознаменного стрелкового корпуса, как и вся 5-я армия, она нацелена остриём на Берлин.

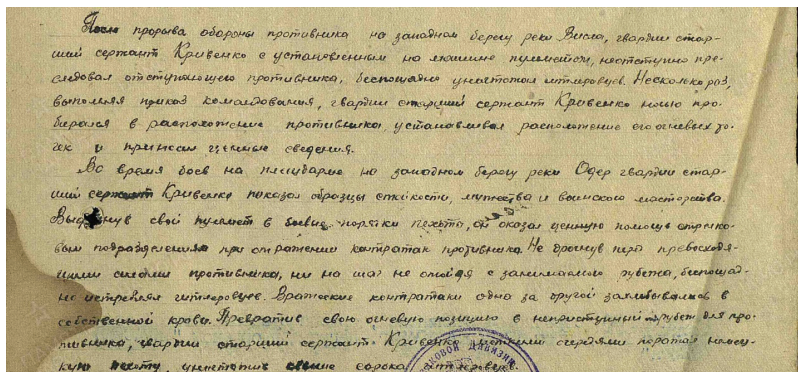
Борис Владимирович участвовал в Висло-Одерской операции. Его дивизия действовала активно, после освобождения польских городов взяла немецкий город Кюстрин, расположенный на Одере, с ходу форсировала реку и заняла там плацдарм. На безымянной речке у переправы тогда появился плакат: «Вот она, проклятая Германия!».

Благодаря сохранившимся документам в Центральном архиве Министерства обороны, известны подробности подвигов Бориса Владимировича Кривенко.

ЦАМО. Фонд 33. Опись 686196. Единица хранения 3827:

Наградной лист

«После прорыва обороны противника на западном берегу реки Висла, гвардии старший сержант Кривенко с установленным на машине пулеметом неотступно преследовал отступающего противника, беспощадно уничтожая гитлеровцев. Несколько раз, выполняя приказ командования, гвардии старший сержант Кривенко ночью пробирался в расположение противника, устанавливая расположение его огневых точек и приносил (неразборчиво) сведения.

Во время боёв на плацдарме на западном берегу реки Одер гвардии старший сержант Кривенко показал образцы стойкости, мужества и воинского мастерства. Выдвинув свой пулемёт в боевые порядки пехоты, он оказал ценную помощь стрелковым подразделениям при отражении контратак противника. Не дрогнув перед превосходящими силами противника, ни на шаг не отойдя с занимаемого рубежа, беспощадно истреблял гитлеровцев. Вражеские контратаки одна за другой захлебывались в собственной крови. Превратив свою огневую позицию в неприступный рубеж для противника, гвардии старший сержант Кривенко меткими очередями поражая немецкую пехоту, уничтожил свыше сорока гитлеровцев».

Достоин награждения орденом Красной Звезды.

Командир отдельной зенитно-пулеметной роты

301-й стрелковой Сталинской дивизии Ломакин.

Приказом 301-й стрелковой Сталинской, ордена Суворова II степени дивизии №33/н от 17 марта 1945 г. награждён орденом Красной Звезды [2].

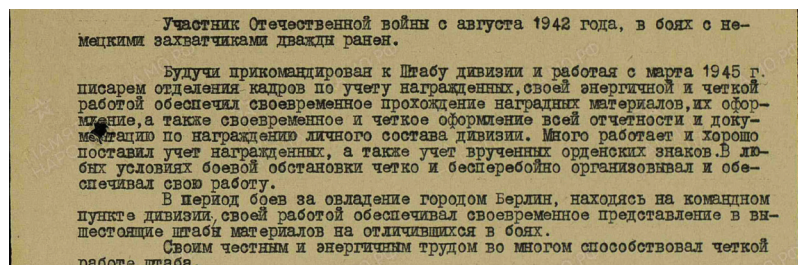
А дальше судьба Кривенко, как это иногда бывает на войне, волшебным образом изменилась. В 1945 г. его перевели в штаб на должность писаря-каптенармуса. Это была уже более спокойная служба. Закончилась война для Бориса Владимировича возле главного фашистского логова – имперской канцелярии.

«2 мая во второй половине дня знакомые ребята из СМЕРШа (отделение контрразведки "Смерть шпионам!") по секрету сказали: "Пойдём, покажем Геббельса". Через проломы в стенах, разбитые подъезды, кучи щебня, стекла, в дыму и гари пробрались в какой-то двор. "Вот он!", – то ли всерьез, то ли разыгрывая, показали мне на один из трупов. Я тогда не поверил: каждому солдату, а тем более раз-

ведчику, хотелось поймать Гитлера, Геринга, на худой конец Геббельса... Спустя тридцать лет, когда в издательстве "Наука" вышла книга, написанная командиром нашей дивизии Героем Советского Союза генерал-майором В. С. Антоновым "Путь к Берлину", стало ясно: было действительно так. Ведь наша 301-я дивизия вместе с другой, 248-й, штурмовала Имперскую канцелярию и овладела ею. Не случайно первым комендантом Имперской канцелярии был назначен заместитель командира нашей дивизии полковник В. Е. Шевцов. И я горжусь тем, что моё удостоверение к медали "За взятие Берлина" подписано полковником В. Е. Шевцовым» [1, с. 169].

ЦАМО. Фонд 33. Опись 687572. Единица хранения 217:

Наградной лист

«Будучи прикомандирован к Штабу дивизии и работая с марта 1945 г. писарем отделения кадров по учету награждённых, своей энергичной и четкой работой обеспечил своевременное прохождение наградных материалов, их оформление, а также своевременное и чёткое оформление всей отчётности и документацию по награждению личного состава дивизии. Много работает и хорошо поставил учёт награждённых, а также учёт врученных орденских знаков. В любых условиях боевой обстановки чётко и бесперебойно организовывал и обеспечивал свою работу.

В период боёв за овладение городом Берлин, находясь на командном пункте дивизии, своей работой обеспечивал своевременное представление в вышестоящие штабы материалов на отличившихся в боях.

Своим честным и энергичным трудом во многом способствовал чёткой работе штаба» [3].

Борис Владимирович Кривенко по праву может гордиться своими двумя орденами Красной Звезды и многими медалями: «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью Польской народной

республики «За Одер, Нису, Балтику». Он участвовал в боях на Юго-Западном, 3-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. Но главное, что запомнилось ему больше всего, – это радость жителей освобожденных городов и сел, русских, украинцев, поляков, слезы благодарности на глазах голодных, измученных немцев, когда советские солдаты кормили их из полевых кухонь. Не забудется и Берлин в белых флагах. И салют Победы – грандиозный залп из всех видов оружия.

После войны были три года рутинной службы в Германии. А дальше – опять Воронеж, историко-филологический факультет ВГУ.

Среди научных работников есть одно устойчивое представление: настоящий ученый за свою творческую жизнь должен трижды сменить специальность. Профессор Кривенко вполне укладывается в эту формулу: его кандидатская диссертация – по специальности «Русский язык и литература», а докторская – по журналистике. Неофициальная специализация – киноведение – нигде не отмечена, но признана: в 1974 г. он был награжден почетной грамотой Союза кинематографистов СССР.

Первое свое исследование о воспитательно-эстетической роли киноискусства Борис Владимирович написал еще в 1947 г. В 1964 г. он стал членом Союза журналистов СССР, а в 1965-м с помощью нескольких энтузиастов создал городской кино клуб «Друзья десятой музы», организовал университет рабселькоров.

Когда при филфаке решили организовать отделение журналистики, перед руководством университета не стоял вопрос, кому поручить возглавлять новую кафедру – конечно же, Борису Владимировичу Кривенко – опытному организатору, знакомому с журналистикой не понаслышке: за плечами был семилетний опыт редактирования университетской многотиражки. Когда в 1975 г. его сменил переехавший в Воронеж профессор Горислав Валентинович Колосов, Борис Владимирович стал закладывать фундамент новой кафедры – истории журналистики и успешно руководил ею до 1983 г., когда заведование перешло к защитившему докторскую диссертацию Георгию Владимировичу Антюхину.

В становлении третьей кафедры – стилистики и литературного редактирования – есть также вклад Бориса Владимировича Кривенко.

Разносторонние интересы в какой-то мере мешали Борису Владимировичу сосредоточиться на научной карьере. Но и здесь им сделано немало. Кандидатская диссертация по исторической грамматике цитируется в академических изданиях. Уникальна докторская диссертация по семиотике языка СМИ – экспериментальный материал для неё

готовился два десятилетия. Не имеет аналогов «Частотный словарь языка массовой коммуникации». Кстати, Кривенко регулярно выступал в местной прессе с материалами, посвящённых культуре речи.

Борис Владимирович – автор около 200 научных и методических работ, в том числе монографии «Язык массовой коммуникации: лексико-семиотический аспект» (Воронеж, 1993). В свои последние годы он уже не был связан рабочими отношениями с журфаком: научные труды не публиковал, а руководство городским киноklubом отдал в другие руки. Но он остался легендой факультета. О нем говорили и говорят до сих пор и новые преподаватели, и новые студенты.

Б. В. Кривенко не стало 9 февраля 2003 года.

Литература

1. Священная война. Люди Воронежского государственного университета на фронтах Великой Отечественной войны: Воспоминания. Очерки. Письма. Документы / сост. Л. Е. Кройчик, Д. С. Дьяков: Воронежский госуниверситет. Воронеж, 2015.
2. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Ед. хр. 3827.
3. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Ед. хр. 217.

Печатается по: Хаустов П. Часть 2. Военная история Бориса Владимировича Кривенко. URL: <http://jour.vsu.ru/chast-2-voennaya-istoriya-borisa-vladimirovicha-krivenko/> (дата обращения: 4.03.2024).

Кройчик Лев Ефремович

(1934–2019)

Доктор филологических наук (1993), профессор Воронежского государственного университета (1994), член Союза журналистов (1959).

Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского государственного университета (1959). Работал литсотрудником, затем зав. отделом писем газеты «Пламя» Шебекинского района Белгородской области (1959–1962).

В Воронежском государственном университете работал с 1962 года: ответственный секретарь газеты «Воронежский университет» (1962–1963); преподаватель кафедры советской литературы (1963–1969); старший преподаватель (1969–1970), доцент кафедры журналистики (теории и практики журналистики) (1970–1989); зав. кафедрой истории журналистики и журналистского мастерства (истории журналистики и литературы) (1989–2019), декан факультета журналистики (1989–1994).

Основные научные интересы: теория публицистики, история русской литературы, история отечественной журналистики. Автор более трехсот научных публикаций – в том числе 7 монографий, 2-х учебных пособий, 20 научно-методических книг, а также отдельных статей.

Художественный руководитель Театра миниатюр ВГУ (1965–1977), редактор отдела литературы и искусства газеты «Воронежский курьер» (1993–2000).

Награжден медалью «За освоение целинных земель» (1965), дипломами «Лучший театральный критик» (1996, 2000); знаком «За заслуги» Областного управления культуры (2009), знаком «За заслуги перед Воронежским государственным университетом»; лауреат премии «Вдохновение» (2000, 2001), лауреат премии «Золотой фонд Воронежской области (номинация СМИ)» (2004), лауреат премии в области развития общественных связей (2012), дипломант конкурса газеты «Культура» (1997), заслуженный работник высшей школы (2008).

Лахудра, или О целеполагании Кройчика

(на основе ненаучного определения значения слова, которым профессор, бывало, именовал своих студенток)

*Это – капли,
Это – крохи,
Если взять наш век премудрый.
Что же дали вы эпохе,
Живописная лахудра?*

Уткин И. Стихи красивой женщине

Рассмотрим слово «лахудра», цитируя открытые источники информации, а также опираясь на воспоминания и «чудеса восприятия» (или собственные психолингвистические особенности).

Всем нам хорошо известно, что стилистическое снижение лексики – это один из приемов достижения выразительности в тексте. Зачем прибегали к этому приему, используя слово «лахудра» в своих произведениях Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. Г. Короленко, М. А. Булгаков, А. М. Гликберг (Саша Черный), Т. А. Бек, мы при желании наверняка сможем узнать из работ исследователей их творчества.

Мы же возьмем на себя смелость предположить, какие цели ставил перед собой Лев Ефремович Кройчик, привнося такого рода экспрессию в языковой стандарт преподавателя.

Итак, каковы же эти цели, на наш взгляд?

Быть убедительным, не прибегая к аргументации

Одно из значений, которым наделяют слово «лахудра», – это «растрёпа». В нашем случае речь идет, конечно, не о внешней неопрятности, а о «растрёпанности» мыслей и чувств, свойственной юным творческим личностям. Ну, может быть, они еще чуть-чуть лентяйки и бездельницы. Когда в сердце весна, в голове ветер – совсем не хочется внимать мудрым старшим.

Здесь обращение «лахудра» было интонационно сдержанным и больше напоминало спокойный, но строгий взгляд преподавателя.

Укротить самомнение иронией

Еще одно из упоминаемых в источниках значений слова «лахудра» – «девушка с вредным характером». Еще бы! Сколько честолюбивых

максималисток каждый год приходит на факультет. Попробуй указать место этим уже «состоявшимся» репортершам, публицисткам и критикессам! В лучшем случае – сырость разведут...

Здесь интонация его любимая – ироничная:

– Лахудры! Думайте о создании семьи. Журналистика – не женская профессия. Но если приняли решение связать с ней свою жизнь, то... все же еще раз крепко подумайте о своем природном предназначении! И – всем сдать «хвосты» для начала!

На одном из коллоквиумов, пытаясь избежать вопросов Кройчика о деталях содержания и характеристиках образов в цикле Льва Николаевича Толстого «Севастопольские рассказы», принялась рассуждать о связи звука и цвета в описании темы войны. Нашла, чем удивить – идеей, которая стара как мир: от пифагорейской теории до концепции светомузыкального синтеза композитора Александра Николаевича Скрябина или системы цветowych образов в поэзии символиста Андрея Белого (etc). Сгорала от стыда, но не молчать же было!

После занятий Лев Ефремович мягко взял меня под локоть и, насмешливо улыбаясь, очень тихо сказал: «Признайтесь, лахудра, что к моему коллоквиуму «Севастопольских рассказов» Вы не прочитали». А потом – театрально, громко: «Но молодец, выкрутилась! Мне было интересно!» И поцеловал в макушку.

Следующие две цели опишем, прибегая к ассоциативному восприятию автором отправного слова «лахудра», а именно через фольклорное имя Huldra и русский перевод слова lahudka.

Принимать вызовы и отвечать на них

Huldra (норв. – прячущаяся). Мифологическое существо, красивая девушка с коровьим или лисьим хвостом. Хюльдра беспричинно не вредит человеку, но и безобидной ее не назовешь. Встреча с ней – это всегда испытание, вызов. И никогда не знаешь, чем дело кончится. Ну, разве не лахудра эта чертовка?

Однажды автор предложила вынести на обсуждение творческой лаборатории по литературной и театральной критике «срамные оды» Ивана Баркова, и это дерзкое предложение Лев Ефремович неожиданно принял. Он не только декламировал неприличные строки, несколько не смущаясь своей мудрой напарницы Натальи Николаевны Козловой, но и дал задание написать рецензию. Тираж книжки Баркова был нешуточный – 500 тыс. экземпляров! Каково же мне было потом узнать, что рецензия опубликована в газете «Воронежский курьер» [2], где Кройчик был редактором отдела литературы и искусства, от кан-

дидата медицинских наук, заведующего медицинской кафедрой ВГУ Егора Ивановича Таранина! Он и так был не очень высокого мнения о студентках-журналистках, и во всем ставил нам в пример прилежание девочек с филологического факультета. Но после прочтения материала в утренней газете он просто впал в оторопь и никак не мог начать лекцию. Зато Лев Ефремович был доволен: текст не остался незамеченным читателем, и вызов был принят им не зря.

Как-то раз я ворвалась к Кройчику в его деканский кабинет, отступив ритм своего гнева по ноге свернутой в трубочку (что твоя Хюльдра – хвостом) газетой, в которой была опубликована моя заметка по мотивам творчества Марины Цветаевой [1]. Дело в том, что наборщица текста допустила опечатки, не заметили их и редакционные корректоры. И вместо цитаты «кому так – кому знак» вышло «кому тик – кому зиск». На пустом месте я стала посмешищем среди сокурсников! Даже не пытаясь выставить меня за дверь, Лев Ефремович невозмутимо выслушал филиппику и пожал плечами: «Вы еще не видели выпуски с отзеркаленными полосами и запечатанными полями!». Он простил мне дерзость, потому что сам не любил небрежность, равнодушие в журналистском деле.

Открыть перспективу

Lahudka (чешск. – деликатес, лакомство). Согласитесь, повседневное не может быть лакомым, привычное – деликатесом. В мое время о журфаке говорили, как о фабрике, выпускающей «штучный товар».

Многих студентов Кройчик направлял на производственную практику, а затем рекомендовал для трудоустройства в газету «Воронежский курьер» («А куда, как не в лучшую газету города», – говорил он). Делился на ее страницах своими наблюдениями за нами: «Мне было интересно ... видеть, как бывшие мои ученики, с одной стороны, придирчиво оценивают мое творчество, невзирая на лица, дают понять, что порой я недостаточно хорошо понимаю суть происходящего, а с другой стороны, мне интересно работать с ними бок о бок и замечать, как растут Герман Полтаев, Лена Рузанова, Таня Быба, Лида Михайлова, Оля Баранникова. Я считаю, что журналист существует только тогда, когда постоянно ходит на цыпочках, когда постоянно ощущает потребность преодоления чего-то» [3].

Мотивировать, не тратя время на долгие объяснения

Однажды в ответ на мои участвовавшие после окончания университета жалобы о бытовом неустройстве Лев Ефремович сказал: «Ез-

жайте в село, лахудра, там вам дадут корову и выделяют домик, будете работать в "районке", и все у вас наладится!»

Слово «лахудра» было произнесено «в сердцах», что заставило крепко задуматься о необходимости перемен в жизни.

Проявить эмпатию

В Ярославской области, а Лев Ефремович, как мы помним, родом из Ярославля, есть местечковое слово «лакудрый» (худой, болезненный), а в финском языке – слово laahutra («бродяга», «оборванец», по Макс Фасмеру). По всему выходит – это еще и ...неприкаянный человек?

Последний раз мы виделись с Кройчиком в 2007 году на днях еврейской культуры в Воронеже. Он очень обрадовался встрече, с искренним интересом спрашивал о жизни, о планах. Рассказала ему, как побывала в Скандинавии: «Тот же Север, но с другой стороны». Рассмеялся. Но стал очень грустен, узнав, что собираюсь перебраться в Москву.

– Снова будете скитаться по углам? Или Воронеж Вас так и не принял? Об одном все же попрошу: постарайтесь там не потеряться, не зарыть талант в землю. Но, мне кажется, Москва Вас погубит, Вы совсем не амбициозны.

«Превзойти себя предыдущего. Без такого честолюбия не может быть журналиста», – считал Лев Ефремович Кройчик.

Вместо вывода

Свое профессиональное целеполагание Лев Ефремович самостоятельно блестяще изложил в лекции 1 сентября 2015 года, известной в Интернете, как «Максимы Кройчика».

Когда я показала эту лекцию своей приятельнице, выпускнице филфака Кабардино-Балкарского университета, она потрясенно произнесла: «Если бы я это услышала во времена своей учебы, думаю, моя профессиональная судьба, да и сама жизнь сложились бы по-другому!».

– А ничего, что Лев Ефремович нас лахудрами обзывал?

– Послушай, ну, если ты и впрямь обижалась, то, как говорил наш преподаватель польского языка, ветеран Великой Отечественной войны Нурби Рашидович Иваноков – jesteś lahudra!

... Но ведь существует суждение, что брань – это попытка победить словом, противопоставить эмоцию врагам ума человеческого – лени, неправде, несвободе.

Литература

1. Баранникова О. «И к имени моему Марина – прибавьте...» // Воронежский курьер. 1993. 29 мая.
2. Баранникова О. Побивать таких камнями? // Воронежский курьер. 1993. 5 окт.
3. Седов М. Сопротивление журналистского материала // Воронежский курьер. 2001. 1 сент.

О его ярославском детстве

Когда Лев Ефремович вспоминал о своем детстве, у него всегда светлело лицо и теплели глаза. О своих родителях – Доре Мойсеевне Порташниковой и Ефреме Александровиче Кройчике – он говорил всегда с любовью и нескрываемой гордостью. Они самые лучшие родители на свете. Мама – детский врач, папа – хирург.

Родился Лев Ефремович в 1934 году в Ярославле. Жил с родителями и старшей сестрой Таней в коммунальной квартире в историческом центре древнего города на Республиканской, 33. Дом был построен до революции как частная клиника доктора Энгельгарта (отца будущего академика-биохимика), затем поступил в ведение губздравотдела. Молодым супругам Кройчикам достались две комнаты, бывшие когда-то больничными палатами. В соседних комнатах-палатах квартиры № 7 на втором этаже жили еще три семьи. В доме было много детей, поэтому жили шумно, весело и дружно. Запросто ходили друг к другу в гости, вместе отмечали все праздники.

Лев Ефремович всегда вспоминал о своем детстве как о невероятно счастливой и безмятежной поре. Хотя на это время выпали и зловещий 1937 год (слава Богу, никто из близких не пострадал), и Великая Отечественная война, коснувшаяся семьи Кройчиков напрямую. Ушел на фронт отец – военный врач 2-го ранга (к счастью, он уцелел), пришла похоронка на двоюродного брата...

В детской памяти навсегда остались бомбежки первой военной зимы. Мама – главный врач поликлиники и по совместительству главный врач больницы для ленинградских детей, истощенных блокадой, – обязана была во время тревоги находиться на рабочем месте. Дети – Лева и его старшая сестра Таня – под присмотром бабушки и дедушки (они приехали перед войной из родного Киева в гости, да так и остались в Ярославле) отправлялись в бомбоубежище, оборудованное в подвале собственного дома. Иногда, положившись на судьбу, оставались пережидать бомбежку в квартире.

Один эпизод из военного детства Лев Ефремович вспоминал особо. Однажды вечером, удрав от бабушки с бабушкой, семилетний Левка вслед за сестрой пробрался на крышу. Таня с мальчишками-ровесниками собиралась сбрасывать с крыши «зажигалки». Когда недалеко рванула фугасная бомба, взрывная волна подбросила худенького мальчишку, и он покатился вниз, рискуя упасть с высоты трехэтажного дома... Спас высокий бордюр на краю крыши. Чуть позже с помо-

щью ремня друзья сестры с трудом втянули его в чердачное окно. Опасность падения не испугала, гораздо больше страшило то, что о произошедшем узнают дедушка с бабушкой. Упросив Таню ничего не рассказывать старшим, он

больше никогда не лазил на крышу.

А наутро выяснилось, что бомба угодила в деревянный двухэтажный дом, стоявший неподалеку, срезав, как ножом, его половину. И он стоял нараспашку, обнажив на «разрезе» быт своих обитателей: в одной из комнат – картина на стене, пианино, в другой – кровать, стол, стулья... Эта страшная картинка врезалась в память и стала символом разрушения, которое несла с собой война.

Еще запомнились охапки дров, которые они с сестрой носили из сарая во дворе на второй этаж, чтобы протопить комнаты. Он старался захватить ручонками как можно больше поленьев, чтобы делать меньше «рейсов». Но строгая сестра на корню пресекала подобные попытки.

Помнится и подарок, который достался ему от войны, – велосипед, мечта каждого мальчишки. Ушел на фронт и сгинул живший в одной из соседних комнат их коммуналки одинокий македонец Петр Стоянов Иванов (он оказался в России в ходе Первой мировой войны, так и не вернулся на родину), а его велосипед остался. Левка много лет с удовольствием катался на нем. Потом он вспоминал об этом с щемящей грустью...

В начале 2000-х Лев Ефремович побывал в родном городе (приезжал читать лекции в Ярославском пединституте). Дом по-прежнему стоит на месте (раньше строили на века!), но в нем теперь живут совсем другие люди. Войдя в бывшую свою комнату, он с удивлением заметил, что керамическая плитка на полу все та же, из мира детства: до боли знакомые, аккуратно подогнанные коричневые квадратики...

В ожидании чуда

Впервые я увидел Льва Ефремовича Кройчика и познакомился с ним 1 сентября 1975 года. Без малого четыре десятилетия назад... Целая эпоха! За это время в стране поменялся политический режим и успели «отметиться» семь руководителей – генсеков и президентов. Но помню тот день, как будто это было вчера...

Было теплое и солнечное утро. Мы – группа новоиспеченных первокурсников журфака, точнее, отделения журналистики филологического факультета ВГУ – собрались во внутреннем двореке университетского корпуса, что расположен напротив Кольцовского сквера. В деканате нам сказали, что именно здесь и сейчас произойдет наше знакомство с куратором группы. И назвали необычную фамилию, которая запоминается сразу, как первый снег, как первое свидание, как первая любовь, – Кройчик...

Стоим, переминаемся с ноги на ногу, скрытно разглядываем друг друга, парни, естественно, не сводят глаз с девушек, а они все оказались, как на подбор, красавицы. Ждем... Вот Саша Тимашов, мы с ним познакомились в тот день, когда сдавали документы в приемную комиссию, в аудиторию № 105 на первом этаже университетского корпуса, напротив фойе. Саша был в военной гимнастерке, оказалось, он, как и я, родом из деревни, из Аннинского района. Вот Саша Елецких, будущий известный краевед и друг Василия Михайловича Пескова. Вот Саша Богданов, весельчак и балагур, будущий редактор районной газеты. Вот Рита Ситникова, высокая и худенькая девушка, какая-то вся светящаяся изнутри, словно марсианка. Мы уже знаем: она пишет стихи – хорошие, искренние, настоящие. Вот Леша Бондарев, будущий детский писатель. Вот Саша Ошеров, Оля Насонова, Оля Богодухова, Лена Цуканова, Оля Теплова...

Вдруг все разом исчезло – небо, солнце, земля... В университетский двор, окаймленный высокими каменными зданиями, ворвался вихрь. Точнее – тайфун... У «тайфуна» был веселый и пронзительный взгляд и иссиня-смоляные кудри, развевающиеся на ветру.

– Здравствуйте! Как меня зовут, я надеюсь, вы уже знаете. Я – куратор вашей группы, то есть ваш бог, царь и повелитель, которого надо любить, уважать и слушаться, как отца родного, – громко и внятно произнес незнакомец (сразу было видно, что он привык всегда быть в центре внимания). – Чтобы у вас было хоть какое-то представление обо мне, назову лишь несколько своих любимых вещей. Любимое вре-

98

мя года – весна. Любимое мужское имя – Сергей. Любимое женское имя – Наташа. Любимый писатель – Булгаков. Любимое произведение – «Мастер и Маргарита»...

«Тайфун» бушевал минут сорок и исчез так же стремительно и внезапно, как и появился, оставив после себя разбитые вдребезги сердца наших красавиц, опрокинутые лодки наших душ, и еще – ощущение праздника, желания жить, влюбляться, покорять вершины. Честно скажу: и во мне тогда что-то дрогнуло, хрустнуло, произошло...

Так впервые я увидел Льва Ефремовича Кройчика. И услышал его импровизированную лекцию под открытым небом. Фонтан мыслей, образов и искрометного, ни с чем не сравнимого юмора...

К слову, именно тогда и именно из уст Кройчика я впервые услышал это имя – Михаил Булгаков. И название романа – «Мастер и Маргарита». Разумеется, тут же побежал в университетскую библиотеку, после почти слезных просьб мне выдали в читальном зале довольно потрепанный том. И с того дня Булгаков стал для меня, как и для Льва Ефремовича, любимым писателем, а «Мастер и Маргарита» – любимым произведением на всю жизнь.

Позже я узнал, что сына Льва Ефремовича зовут Сергей, дочь – Наташей. А его красавицу-супругу так же, как и героиню бессмертного романа, – Ритой... А сам Кройчик? Он, конечно, Мастер...

Моя сокурсница Рита Ситникова, видимо, оказавшись в плену обаяния Кройчика, вскоре посвятила ему такие стихи:

*Откуда ты, такой хороший,
И так усыпанный годами,
Как будто в реку медный грошик
Бросал ты целыми горстями...*

Что вспоминается еще? Да много чего... Обо всем не расскажешь в короткой статье. Остановлюсь лишь на отдельных эпизодах.

В те далекие, а для меня очень близкие и родные годы нам читали лекции профессора Г. В. Колосов, Г. В. Антюхин, Б. В. Кривенко, доценты и преподаватели В. Г. Кулиничев, А. Т. Смирнов, М. И. Стюфляева, А. М. Шишлянникова, Э. А. Худякова, И. В. Лебедева. Как я уже сказал, отделение журналистики тогда входило в состав филологического факультета. Многие занятия у журналистов и филологов были общими. И мы имели возможность запросто общаться с А. М. Абрамовым, В. М. Акаткиным, В. П. Скобелевым, Е. Г. Мущенко, А. Б. Ботниковой, Б. Т. Удодовым, Я. И. Гудошниковым, С. Г. Лазутиным и другими известными учеными, чьими именами мог гордиться любой, даже самый элитный, вуз страны. Но, когда в аудиторию вхо-

дил, а точнее, влетал, как метеор, Лев Ефремович Кройчик, – все авторитеты меркли, отходили на задний план перед его блеском, натиском, остроумием, мудростью и тактом.

Помимо лекций Лев Ефремович был известен далеко за пределами Воронежской области как главный режиссер театра миниатюр ВГУ, один из организаторов и ведущих университетских Дней поэзии. Как член секции критиков при Воронежском отделении СТД России он дал путевку в жизнь ежегодному театральному конкурсу «Событие сезона». А еще он придумал и организовал кружок юмора и сатиры. На первой же встрече Лев Ефремович объявил конкурс на лучшее название. Победил, разумеется, сам Кройчик, предложивший название «Ксюшка» («Кружок Сатириков, Юмористов, Шовершенствующих Качеством Астроумия»). Особенно всем понравились слова «шовершенствующих» и «астроумия»...

Под влиянием Кройчика я не на шутку увлекся юмором и сатирой, причем как в теории, так и на практике. В газетах «Коммуна» и «Молодой коммунар» регулярно стали появляться мои сатирические заметки, многие из которых я подписывал псевдонимом – В. Ксюшкин.

В те годы по приглашению Льва Ефремовича я неоднократно бывал у него дома, в уютной двухкомнатной квартире, расположенной в Юго-Западном районе, и был допущен до святой святых – личной библиотеки, которая насчитывала не одну тысячу томов. Таким образом получил возможность прочитать множество книг, которые ранее считались запрещенными или полузапрещенными, к примеру, повесть Михаила Зощенко «Перед восходом солнца», «Конармия» и «Одесские рассказы» Исаака Бабеля, «Собачье сердце» Михаила Булгакова, романы «Зависть» и «Три толстяка» Юрия Олеши, роман Евгения Замятина «Мы» произведения Альбера Камю, Габриеля Маркеса, Ильи Ильфа и Евгения Петрова и других классиков отечественной и зарубежной литературы.

Забегая вперед, приведу слова, которые произнес Лев Ефремович на защите моей кандидатской диссертации в декабре 2005 года:

– Я знаю Владимира Васильевича с 1975 года, когда он – тогда еще просто Володя – поступил на первый курс отделения журналистики ВГУ. И тогда он проявил совершенно очевидное для меня качество – потрясающую любознательность мальчика, приехавшего из провинциального захолустья. Он буквально ходил по пятам за преподавателями и пытался узнать многое сверх того, что они давали студентам на лекциях. Было видно, что мальчик рвется к знаниям, которых ему не хватало...

Это было действительно так. Спасибо за те беседы и «открытые лекции», дорогой Лев Ефремович!

На втором курсе нас послали оказывать шефскую помощь колхозу в Новоусманский район. Убирать с полей то ли свеклу, то ли картошку, сейчас уже точно не помню. Там я простудился и заболел. Обратился с просьбой к руководству в лице Л. Е. Кройчика отпустить меня для дальнейшего лечения к родителям в Тамбовскую область. После некоторых сомнений Лев Ефремович разрешил, но с одним жестким условием: как только доберусь до дома, прислать телеграмму. К вечеру того же дня я весьма удачно «на перекладных» добрался до родной деревушки и сразу же, как и обещал, стал сочинять телеграмму. Написать известному остролову и руководителю кружка «Ксюшка»: «Добрался нормально» – я не мог. Это было бы слишком просто и неинтересно. Поэтому я написал специально для Кройчика, вполне резонно рассчитывая, что он оценит мое чувство юмора: «Все нормально. Болею. Колобов». Каково же было мое потрясение, когда после возвращения в Воронеж на одном из занятий я подвергся настоящей обструкции со стороны своего кумира за ту самую телеграмму: мол, смотрите, какой странный тип этот Колобов, – для него нормальным состоянием является болезнь.

Это был, пожалуй, единственный случай, когда Кройчик меня не понял. А, может, я действительно, неудачно сострил тогда, осенью 1976-го...

После третьего курса я не без определенных трудностей перевелся на заочное обучение и уехал на родину, в Тамбовскую область. Руководство факультета и куратор нашей группы Л. Е. Кройчик были категорически против, не видя достаточных оснований для перевода, тогда я обратился на прием к ректору и добился своего: меня с миром отпустили. Основная причина в моем заявлении была сформулирована формально: по семейным обстоятельствам. На самом деле все обстояло глубже и сложнее. Истинными причинами были, во-первых, глубочайший внутренний кризис, а, во-вторых, разочарование в учебе, в системе подготовки журналистских кадров, в наших преподавателях. В наших кумирах. За поиском ответов решил идти «в жизнь». Журналистскую профессию начал осваивать с самых низов – с работы в многотиражной газете крупного химического завода на Тамбовщине. Затем глотал седую пыль на полях и месил грязь на колхозных фермах в качестве корреспондента районной газеты, о чем никогда не жалел и не жалею. Иногда казалось, что я уже никогда не вернусь в университетские стены.

Мог ли я тогда представить, что пройдут годы и я вернусь в альма-матер. Вернусь в новом качестве преподавателя, сумею защитить кандидатскую диссертацию и тоже буду «сеять разумное, доброе, вечное»...

Но все по порядку. Закончив университет, я вернулся в Воронеж, несколько лет работал в обкоме комсомола, затем был переведен на работу в «Молодой коммунар» в качестве заместителя редактора. Потом стал редактором областной молодежи. Наступили лихие девяностые. И многие наши преподаватели стали по разным причинам (как материального, так и духовного характера) совмещать педагогическую деятельность с работой в газетах. И все увидели, в том числе и я, что Вадим Георгиевич Кулиничев – прекрасный публицист, Александр Тихонович Смирнов – непревзойденный театральный критик, а Лев Ефремович Кройчик – яркий фельетонист и памфлетист, под остро отточенным пером которого, как и под нож, лучше не попадаться. Само Время дало ответы на вопросы, мучившие меня в юности. И мои низвергнутые когда-то кумиры вновь вернулись на свои постаменты...

Следующий эпизод связан с историей вокруг «Черных камней» Анатолия Жигулина. В 1988 году известный поэт, уроженец Воронежа, узник сталинских лагерей Анатолий Жигулин опубликовал в журнале «Знамя» (№7 и 8) автобиографическую повесть, посвященную истории создания и деятельности подпольной организации КПМ (Коммунистическая партия молодежи). Под нажимом больших начальников из обкома партии на страницах «Коммунара», где я трудился заместителем редактора, была опубликована статья, написанная в хамском тоне и без серьезных аргументов подвергающая сомнению многие выводы автора «Черных камней». Коллектив редакции подвергся грубому административному давлению, а я за публикацию материалов в поддержку Жигулина и КПМ (вопреки решению бюро обкома комсомола о «прекращении дискуссии») был освобожден от должности «за неподчинение». После массовых протестов общественности и вмешательства ЦК ВЛКСМ, газеты «Комсомольская правда» волюнтаристское решение было отменено.

Особенно негативно эта статья была воспринята литературной общественностью, преподавателями и студентами воронежских вузов. В один из тех дней в редакцию пришел Л. Е. Кройчик. Он принес письмо на имя редактора «Молодого коммунара». В нем было всего несколько строк: «В связи с публикацией статьи «Росказни» дальнейшее сотрудничество с вашей газетой считаю невозможным». С учетом авторитета Льва Ефремовича это заявление получило большой общественный резонанс.

В 2011 году вышла в свет моя документальная книга «Жигулинский век», посвященная событиям вокруг «Черных камней». Для меня было очень важно в профессиональном и морально-психологическом плане, что в презентации книги принял участие заведующий кафедрой истории журналистики, профессор ВГУ Лев Ефремович Кройчик. Вот что он, в частности, сказал (цитирую одно из авторитетных воронежских изданий):

«В книге ”Жигулинский век” – три героя. Это Анатолий Жигулин, Автор и Время, о котором рассказывает Владимир Колобов. Время это интересное. Его исследование будет продолжаться».

«Книга эта поучительная, – сказал далее Л. Е. Кройчик. – Она заставляет о многом задуматься и многое понять. Я думаю, что Владимир Колобов справился со своей задачей. Он показал нам, как формировался и реализовал себя абсолютно свободный человек. И мне хочется думать, что главный урок из того, что Владимир Колобов написал и что мы можем извлечь из этой книги, это то, что у каждого из нас есть шанс стать свободным человеком. Только нужно уметь этим шансом воспользоваться».

Услышать и затем прочитать в прессе такие слова, такую оценку из уст моего Учителя и Наставника было для меня большой честью. Настоящей наградой.

Закончить свои несколько сумбурные заметки хочу следующим воспоминанием.

В 2010 году наш курс (мой настоящий, дневной) отмечал 30-летие со дня выпуска из стен ВГУ. Созвонившись и списавшись заранее, мы решили собраться в один из июньских дней в Воронеже. В качестве почетного и дорогого гостя пригласили принять участие в этом мероприятии Л. Е. Кройчика. «Официальная часть» состоялась в аудитории №105 университетского корпуса, той самой, в которой мы когда-то сдавали документы и вступительные экзамены. Лев Ефремович рассказал нам о сегодняшнем дне факультета журналистики, о планах и перспективах. А еще о том, что много лет подряд в День знаний, 1 сентября, он читает открытую лекцию перед первокурсниками, и что в этом году главной темой он выбрал... любовь. Любовь к родителям, любовь к своему городу, любовь к своей стране.

Слушая Льва Ефремовича, я подумал о том, что, по сути, вся его жизнь и подвижническая деятельность – это открытая лекция о вечных духовных ценностях, накопленных человечеством за историю своего существования. О Добре и Истине, Гуманизме и Милосердии, Свободе и Справедливости... А самое главное и поразительное состо-

ит в том, что он не только проповедует библейские, в сущности, заповеди, а сам живет по ним, неукоснительно следуя их канонам.

После «официальной части» мы продолжили общение в одном из уютных кафе в центре города. Лев Ефремович попросил тех, кто приехал в Воронеж из других регионов и кого он давно

не видел, рассказать о себе, о том, как сложилась жизнь после окончания университета. Потом долго и пристально разглядывал подаренные ему книги и попытался сосчитать присутствующих «писателей»:

– Саша Елецких – писатель... Леша Бондарев – писатель... Саша Ошеров – писатель... Володя Колобов...

Он посмотрел в мою сторону, по-мефистофельски улыбнулся и продолжал:

– Писатель...

Не знаю, о чем подумали в тот момент мои товарищи, скажу про себя: писателем себя не считал и не считаю. Писатель для меня – это Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстой, Булгаков... Но, тем не менее, было, конечно, приятно.

Верю: в июле 2020 года наша группа вновь соберется в знакомой аудитории, чтобы отметить 40-летие со дня выпуска.

И вновь мы будем смиренно и терпеливо ждать в нашей «тихой гавани» – аудитории №105 – появления чуда. Мы уже знаем, как это происходит, и, несмотря на это, до сих пор не можем к этому привыкнуть: когда вдруг все исчезает – небо, солнце, земля... И в аудиторию врывается вихрь, а точнее – тайфун, сметающий все на своем пути. Тот же блеск в глазах, тот же искрометный и разящий юмор. Только знаменитые кудри изменили цвет. словно их запорошило снегом...

После такого «шторма» по-новому дышится. После такого «шторма» хочется жить, творить, любить и быть любимым, идти к намеченным целям.

Мы снова будем ждать Вас, дорогой Лев Ефремович!

Время и место встречи изменить нельзя.

Печатается по: Мой Кройчик. Воронеж, 2014. С. 36–47.

... И БЫТЬ ЖИВЫМ!

Интервью с самим собой

– *Лев Ефремович, по городу ходят слухи, будто вам 26 мая исполняется семьдесят. Это правда?*

– До меня эти слухи тоже дошли. Сначала я им не поверил. А потом заглянул в паспорт и выяснил, что слухи, к сожалению, подтверждаются.

– *С каким чувством встречаете юбилей?*

– С чувством глубокого отвращения. Давным-давно я приучил себя к мысли, что я молодой и красивый. А тут выясняются прямо противоположные вещи.

– *Но все-таки, видимо, есть, что итожить?*

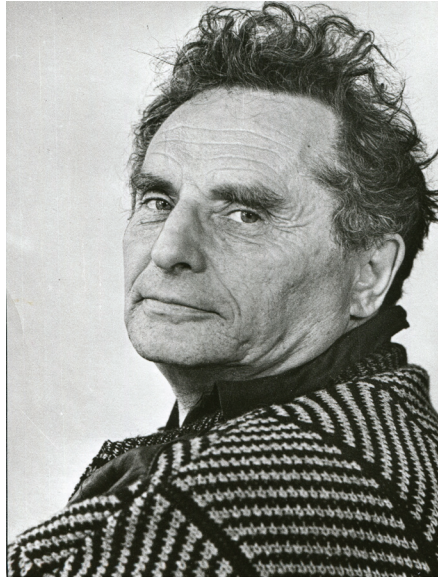
– О чем вы говорите? Какие итоги? Я только-только начинаю жить. На моем столе пять рукописей – книга «Музыка и судьба» о Михаиле Иосифовиче Носыреве, книга «Смешное и грустное» – о русской прозе XIX-XX веков (преимущественно – комической), «Пять тетрадей» – собрание стихов и песен, написанных за последние пятьдесят лет, сборник статей по теории и истории отечественной публицистики и книжка с бесхитростным названием «Анекдот».

– *Собираете анекдоты?*

– Нет, размышляю о том, почему они возникают – зачем они нужны. Очень хочу все эти книги увидеть вышедшими в свет. Поэтому рассчитываю жить долго.

– *Ай-яй-яй! Очень опрометчивое заявление: потенциальные спонсоры, желающие всем добра, ни за что не дадут денег на издание ваших книг, чтобы продлить ваше существование. Так сказать, из милосердия не дадут.*

– Ну-у, свято место пусто не бывает... Вот пока с вами разговариваю, в голове возник замысел еще одной книги. Формула «время –

деньги» для меня обретает совершенно определенный смысл: каждый час моей жизни мне обходится дорого. Экономлю на всем – поэтому ничего не успеваю. Иногда возникает желание: перестать не поспевать и начать жить в свое удовольствие.

– *То есть?*

– Вот объясните мне, почему я вместо того, чтобы слушать соловьев у себя на дачном участке, должен сидеть в душной аудитории и разбирать материалы, написанные слушателями творческой лаборатории, которую я веду вместе с Натальей Николаевной Козловой, доцентом кафедры?

– *Так плохи нынешние студенты?*

– Да нет, студенты у нас замечательные. Заходишь в аудиторию – заряжаешься их энергией. Любопытные глаза, доброжелательные улыбки, живой разговор. Задают вопросы – видно: книжки читают, думать умеют.

– *А вас все равно тянет к соловьям?*

– Тянет... Видимо, я недополучил в своей жизни соловьиного пения... Да много чего недополучил. Детство было «съедено» войной: когда она началась, мне было семь лет. Средняя школа – мужская – напоминала огурец. В восемнадцать лет уехал из родного Ярославля, так что сегодня ощущаю, как мало мне досталось общения с родителями.

– *А вы – человек домашний?*

– Еще какой! Люблю уют, тепло дома, родной диван.

– *И халат?*

– А как же! В домашнем архиве есть снимок: лежу на «лежанке» в халате и читаю газету.

– *Начинаете, естественно, с «Коммуны»?*

– Как вы догадались? Именно с нее – потому чтобы оценить содержание вашей замечательной газеты, хватит двух-трех минут. Публицистики в «Коммуне» почти нет. Какой-то интерес представляет только информационная колонка. Все остальное – скучно и пресно.

Затем я читаю «Воронежский курьер». Не потому, что работал в нем семь лет, а потому, что в этой газете есть за что зацепиться глазу.

И, наконец, добираюсь до своих любимых «Известий», которые – увы! – в последние месяцы помельчали. Самое интересное в этой газете – два столбца читательских писем на последней полосе. Напоминает «Огонек» эпохи перестройки. В этих столбцах – теплится жизнь.

– *А вы не зануда ли, Лев Ефремович?*

– Зануда! И в «Курьере», и в «Коммуне», и в других воронежских изданиях трудится огромное количество моих питомцев. Ну-у, конеч-

но, не только моих... Но и я к ним руку приложил... Порукоприкладствовал, так сказать. Пока учились – дети как дети. А потом – куда что девается? Ни одной собственной мысли! Гонят строки, за которыми ничего нет. Вот тогда-то и приходят ко мне мысли о пенсии. О времени, проживаемом впустую. Как же можно так прогибаться?

– **Прогибаться? Перед кем?**

– Да перед всеми! Перед властью. Перед обстоятельствами жизни! Перед рублем! Разговариваю с заочниками, работающими в районных изданиях, – та же самая картина. Говорю: «Чего же вы гнетесь, вы же – свободные люди?» А они отвечают: «Вам хорошо в областном центре рассуждать о независимости, а попробуйте в районе слово сказать против, мигом без работы останетесь. Куда же деваться?»

– **Ну и что же вы им посоветуете?**

– Искать гибкие формы сопротивления.

– **Вы, оказывается, не только зануда, но еще и романтик. Фантазер с большой буквы! Студенты, наслушавшись вас, бегут с просветленными лицами бороться с несправедливостью? Или – не ходят на лекции, понимая, что ничему хорошему вы научить не можете?**

– Не могу сказать почему, но основная масса все-таки ходит. Вы знаете: сейчас стало интереснее работать. Объем информации вырос – нынешнее поколение молодых знает о мире больше, чем мы в их воз-

расте. Они раскованнее, смелее, динамичнее. Но дело ведь не только в том, каковы они. Важно – каковы мы, преподаватели. И – как учим.

– ***И как же вы учите?***

– Плохо. Неправильно. Не так.

– ***Все такие?***

– Нет, конечно, я – не такой. Я хороший. Я учу хорошо. Правильно.

И так, как надо.

– ***То есть вы знаете, как надо учить?***

– Знаю! И когда пройдет восьмой десяток моей жизни, я начну все с нуля. Я буду предлагать не сумму знаний (для этого есть учебники), а свое отношение к тому, о чем студенты могут узнать самостоятельно. Я буду им предлагать себя, свою точку зрения. Не согласны – спорьте!

– ***Прямо на лекциях?***

– Да ради бога! Моя задача – научить думать. Представляете, человечество состоит из думающих людей! Совсем другая жизнь начнется у человечества!

– ***Задумчивый человек не безопасен: вдруг ему захочется изменить мир вокруг себя?***

– Пусть меняет! Только не с помощью булыжника и тротиловой пашки, а с помощью головы, отягощенной мыслью.

– ***У меня такое ощущение, что вы в интервью со мной репетируете свою будущую жизнь.***

– Очень правильное ощущение. Многие считают, что новую жизнь надо начинать с понедельника. Я начну ее с четверга, 27 мая 2004 года.

– ***И не отступите?***

– Ни за что! Помните, что сказал Пастернак о каждом из нас?

...И должен ни единой долькой

Не отступаться от лица

И быть живым, живым и только!

Живым и только до конца.

Господи! Что такое семьдесят лет? Юность зрелости. До старости еще далеко. Сколько впереди всего хорошего!

Печатается по: Коммуна. 2004. 25 мая.

*Когда б земля вращаться стала
Вокруг оси наоборот,
Я повторил бы все сначала –
И тот уже далекий год,
И робость первых объяснений,
И свежесть утренней зари,
И зябкие твои колени,
И тихих скверов фонари,
И «Каракум» кулечек мятый,
Тот день, что стала ты женой...
Но не вращается обратно
На ось надетый шар земной.
Все к неизбежности стремится –
Что было, то не повторится,
И дальше жить нам суждено,
Не так, как прожито давно.
Идут чредой десятилетия,
За жизнь свою лишь мы в ответе.
Но я хочу, что наш ответ
Достоин был прожитых лет.*

6.12.1975

Наш Кройчик

Из воспоминаний А. Бондарева

Мне думается, все, кто учился на отделении журналистики филологического факультета, помнят, какую небольшую комнатуху занимала на третьем этаже наша кафедра. Она донельзя была забита шкафами, столами и стульями, подшивками «Комсомольской правды» времен войны.

Самым замечательным предметом, на мой взгляд, там было обыкновенное настенное зеркало. Его вряд ли можно было миновать взглядом, выбираясь из кафедральной теснины. И любой, посмотревший в него, сначала приобретал глуповатый вид, а потом обязательно расплывался в широчайшей улыбке. Зеркало работало! А все потому, что на его деревянной рамке рукой Тихоныча (А. Т. Смирнова) было начертано: «Неча на Кройчика пенять...».

Азы журналистского мастерства... Точно знаю: кто хоть раз заглянул в то зеркало, тот частенько в журналистской работе в непростых ситуациях мог обернуться на самого себя.

Зеркало работает до сих пор!...

В 1994 году у меня вышла в свет вторая книга литературно-критических работ «Блуждающие сердца». В «Воронежском курьере» появилась рецензия за подписью Льва Ефремовича. Звонят друзья-приятели:

– Читал?! Видал! Как он тебя! А еще говорят, ты у него учился.

– Дятлы вы! Ничего не понимаете. Когда Кройчик ругает – это для меня лучшая похвала!

«Старик Державин нас заметил...»

Печатается по: Кройчик–70! Однодневная газета факультета журналистики ВГУ. 2004. 26 мая.

Из воспоминаний Н. Быковой (Кораблевой)

Лев Ефремович привил мне интерес к русской литературе нетривиальным способом. Как-то на лекции обсуждали кризис семейных отношений на восьмом году супружества в переживаниях Катерины Львовны Измайловой из повести Николая Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» и Анны Карениной. Вдруг подумалось: а что будет со мной на восьмом году супружеской жизни?..

Ещё вспоминается короткое стихотворение Льва Ефремовича, посвященное моей однокурснице Патимат Кичевой:

*Очень-очень-очень рад
Часто видеть Патимат.
Как приходит Патимат,
Так светлеет деканат.*

Из воспоминаний Н. Гаг (Сычиной)

Однажды я написала Льву Ефремовичу поэму. Там было много прилагательных и одно существительное – троллейбус. Несмотря на мою тягу к излишней образности (за что Кройчик всегда нещадно ругал, требуя фактуры) троллейбус и правда был. Вполне реальный: ржавый, скрипучий, наверное, когда-то красный. Правда, в конце 90-х цвет был совершенно неважен.

Важным было другое, вернее, другой. Ой! С задней площадки троллейбуса раздалось знакомое покашливание. Ах, это ведь Лев Ефремович. Ох, что же делать? Ужасно хочется с ним поговорить, поделиться последними театральными новостями. Эх, кажется, ему приятно побыть в одиночестве. Междометия перешли в решительные глаголы. «А вот не надо либеральничать, – думала я, пробираясь на заднюю площадку. – Не надо вот этого равенства и братства, давно пора обзавестись профессорской машиной с личным водителем. И тогда никакие лахудры с широко распахнутыми глазами не будут набрасываться в самый неподходящий момент».

Кройчик – человек воспитанный. Он не будет кричать на весь салон: «Остановите землю – я сойду». Смысла нет. Все равно сойдут вместе с ним. И будут горячо и хлопотливо рассказывать о московской версии «Иванова», высказывать какие-то банальные любовные признания...Чехову (непростительное хамство, Лев Ефремович, согласна). И ведь задним умом понимаешь, за одобрительной улыбкой, увлекательным разговором очень скоро последует пулеметная очередь едких вопросов и комментариев.

Он расстреливал меня часто – когда сто раз заставлял переписывать рецензии, когда поворачивался спиной, и такое бывало, когда поругивал мое радио. Ну и пусть... Литром больше слез, литром меньше. Слезы высохнут со временем, а кристаллики соли останутся.

Троллейбус № 17 следовал в Юго-Западный район. Маршрут у него такой. Профессор ехал в правильном направлении, мне надо было совсем в другую сторону. Опомнившись, я соврала, что мне пора

выходить. Кажется, Кройчик не поверил. Из нас двоих систему Станиславского тогда знал только он...

А я знаю, что без соли пища будет пресной, меня этому мама научила. Я знаю, что без Кройчика моя жизнь будет пустой. Время доказало. Без его уроков, лекций, профессиональных и жизненных советов, мимолетных встреч в театре или коридорах журфака, без его улыбок, поцелуев в лоб, без его «Калитки» и конфет, без его выступлений на сцене и трибуне, без его книг, статей в «Курьере». Без тех 18 лет счастья дышать одним воздухом с ним. Без той поездки в троллейбусе №17, когда одна юная лохудра с широко распахнутыми глазами заявила, что любит Чехова больше САМОГО.

Р. С. Поэму я так и не отдала. Застеснялась. Спустя годы честно пыталась ее отыскать среди старых бумажек. Бесполезное занятие. Сегодня я хочу сказать – Лев Ефремович, не верьте! Просто во времена Константина Сергеевича не было троллейбуса № 17. Не было вас и меня.

Печатается по: Мой Кройчик. Воронеж, 2014. С. 14–15.

Из воспоминаний Ф. Грозданова

Мечта учиться на журфаке ВГУ была столь сильна, что я еще школьником стал заниматься в Воскресной школе журналистики. Путь из Белгородской области до Воронежа неблизкий – три часа в одну сторону. Но я каждую неделю торопил время, чтобы быстрее оказаться на факультете, который станет потом родным, в чем видится немалое участие Льва Ефремовича Кройчика. Иронично-мудрый – таким он мне всегда казался. И я до сих пор храню книгу, которую Кройчик подписал мне в абитуриентскую бытность. И наизусть помню его стихи оттуда:

*Если нет у нас зарплаты,
В этом мы не виноваты.
Деньги – пыль и порошок,
И без них нам хорошо.*

А потом были творческие лаборатории, на которых мы смотрели фильмы, спектакли, концерты, учились понимать, анализировать, оценивать. Кройчик умел одним точным словом, одной яркой фразой раскрасить любой материал, добавить изысканности тексту. Признаюсь: я всегда перед ним робел. Даже когда окончил факультет и стал работать в столичной прессе. Для меня его авторитет был и остается

непререкаемым. И авторский стиль, который я смог выработать, конечно, заслуга Льва Кройчика.

Из воспоминаний Л. Золотарева

*Наш Лев Ефремович силен,
Талант с годами не скудеет.
Всю жизнь сознательную он
О журналистике радеет.
В борзописательских боях
Профессор Кройчик поседел:
Недаром Лев – он на статьях
Слона, а не собаку съел!
И берегитесь, школяры,
Не уважать его предмет:
За прогул пары – «в топоры»
И восемь бед за не ответ!*

Эти строчки родились на лекции. Когда я показал их Льву Ефремовичу, он немного похихикал, потом сказал: «Но в конце вы неправы – я никогда никого ”в топоры”...».

Да простится мэтру некоторое лукавство...

Из воспоминаний А. Золотухина

Я люблю Кройчика. Я очень люблю Кройцка. Я просто не проживу без Кройчика Ефремовича Льва. Скажу больше, без него я никогда не заработаю свои 18 002 рубля как доцент факультета журналистики ВГУ.

Судите сами. Лекция про какие-нибудь художественно-публицистические жанры. Я поднимаюсь на кафедру и спокойно так говорю: «Художественно-публицистических жанров, о которых все время говорили преподаватели всех факультетов журналистики страны, больше нет». Я ничего не боюсь. Потому что за мною – Кройчик. Это он написал. А я теперь могу, коротенько так, на час двадцать рассказывать о том, куда они, жанры эти, вдруг подевались или, точнее, что с ними сделал и во что их превратил Кройчик Л. Е.

Или на другой лекции: по мнению всем известного вам Кройчика, говорю: фельетона сегодня больше нет. Он умер. После того, как над ним в течение полувека с большим исследовательским скальпелем измывался фельетонный хирург – ваш любимый профессор Кройчик Л. Е. И часа четыре рассказываю о том, что узнал о фельетоне Кройчик, прежде чем тот скончался.

Рассказывая о концепции фельетона Кройчика-теоретика, я могу позволить себе подробно и смачно иллюстрировать ее примерами из Кройчика-практика. Вот, говорю, смотрите, как успешно пользуется теоретическими разработками нашего профессора Кройчика Льва Ефремовича наш последний фельетонист Ефремович Лев Кройчик. Как успешно он применяет метод маски для своего героя. Ведь каким должен быть герой в фельетоне? Правильно, простофилей. Или лицом страдательным. Фельетонист Кройчик идет в своем творчестве еще

дальше. У него герой – простофильствующий и страдающий одновременно. К тому же он профессор. Конечно, герой и автор, так сказать, биографический – люди, разные, но что-то общее в них все же есть. Вот послушайте отрывок из фельетона «Чего изволите?».

«Чего изволю? Чего изволю? Любви изволить желаю! Я и раньше-то не пользовался спросом у населения. А теперь тем более. Походка вялая. Животик тыквочкой. Мешки под глазами. Взгляд мутноватый. Морщины по всему телу.

А хочется, чтобы тебя любила женщина. Даже если она – продавец магазина».

Или такой фрагмент из фельетона «Егор Тимурович – молодец»:

«Лежу я как-то у себя дома. На диване. Мучаюсь: на службу идти неохота – зарплата маленькая, да и дел там никаких нет. В Польшу за товаром ехать – загранпаспорта не имею. Лежу. В носу ковыряю (благо, он у меня довольно крупных размеров). Мысли в голову лезут – о смысле жизни. О хороших заработках. И все такое прочее».

Ну, здесь герой-рассказчик лишку хватил. У нас профессора на диване не залеживаются. Они даже не сидят на двух стульях. Потому что сидючи на двух стульях, нашему профессору сегодня не прожить. Взять к примеру Льва Ефремовича Кройчика. Во-первых, он руководит кафедрами: двумя. Во-вторых, он ездит с выступлениями-гастролями, точнее говоря, с семестровым чесом, по городам, в которых нет таких профессоров, как у нас. В-третьих, он руководит всеми театральными критиками. В-четвертых, он сам показывает, как надо, в соответствии с теорией Кройчика, писать интервью, рецензии, фельетоны...

А по ночам, то есть в те ночи, когда он не работает над темами острыми, он пишет о высоком: о Чехове, о художественно-публицистических жанрах и о фельетоне, которого нет. Но, который был и будет.

Он работает для нас.

Он, наверное, сильно устает.

Поэтому, когда вы вдруг где-нибудь увидите Кройчика, прошу вас, пожалуйста, посторонитесь. Дайте ему, молодому, дорогу. Не забывайте, нас у него – много. А он у нас – один.

Печатается по: Мой Кройчик. Воронеж, 2014. С. 22–24.

Из воспоминаний П. Кичевой

Теплые воспоминания о факультете, о его добрейших людях останутся со мной навсегда.

Слышится, как Л. Е. Кройчик отстаивает принципы журналистики, и хочется ответить:

Мы храним вам верность, Декан –

Последний из могикан.

Ну и пусть нас заменили блогеры,

Не стальными они пишут перьями,

А всего лишь виртуальными тегами.

Но мы храним то, что вы сеяли:

Разумное, доброе, вечное!

Все эти годы храню одну памятную вещь. Это футляр для очков, принадлежавший Льву Ефремовичу, приобретенный мною на благотворительном аукционе (кажется, его организаторами были студенты из Марокко). Сейчас хотела бы передать футляр в дар факультету.

Есть еще одна веская причина вспоминать Л. Е. Кройчика каждый день. И связано это с моим именем, точнее с тем, как Учитель придал ему неожиданно новый объемный образ. «У вас шахматное имя,

Патимат, – сказал как-то Лев Ефремович. – Пат и мат». Ни до, ни после него никто не предлагал столь оригинального, хотя и очевидного, прочтения.

Из воспоминаний И. Мелеховой

«Именно так должен выглядеть настоящий профессор», – подумала я, впервые увидев Льва Ефремовича Кройчика в Воскресной школе журналиста. И не ошиблась, хотя Лев Ефремович никогда не афишировал свое ученое звание.

Началось взросление: детское восприятие мира стало меняться стремительно. Принимать эти преобразования меня учили Эмма Афанасьевна Худякова и Лев Ефремович Кройчик.

Эмма Афанасьевна, которую я выбрала своим научным руководителем, к сожалению, отошла в мир иной в конце первого нашего курса. Мне пришлось срочно решать, кому доверить свой неоперившийся ум. Так я оказалась в надёжных руках профессора.

Первая моя заметка стараниями Льва Ефремовича вышла в газете «Воронежский курьер», в которой он блистал своими фельетонами. Собственно, первые термины журналистики не только в теории, но и на практике мы, первокурсники, узнавали от него.

Так, маленькими шажками, от курса к курсу, совсем незаметно я оказалась у выпускного порога факультета. Отзвучала защита дипломной работы «Жёлтая пресса: тенденции развития и особенности функционирования» (на примере еженедельников «Моё», «Эфир 365», «Жизнь»).

Далее был второй вуз в Москве и постоянная дополнительная учеба. Но самая главная перемена в жизни случилась именно тогда, когда мое творческое и человеческое «я» попали в огранку к мастеру слова и педагога Кройчика. Он учил без принуждения и строгости, с огромной любовью и желанием поделиться с нами теплом своего сердца.

Лев Ефремович учил слышать, видеть, чувствовать, анализировать этот мир. Одним словом – учил думать. Пожалуй, это основное умение, которое я вынесла из стен родного факультета. Оно помогает мне оставаться на плаву в потоках информации и событий. За что моему личному Учителю низкий поклон и вечная память.

Всегда в моих молитвах.

Из воспоминаний П. Новикова

В 1973 году я вернулся в Воронеж, а, следовательно, и в театр, с Урала. И вскоре получил из рук Льва Ефремовича должность ди-

116

ректора Театра миниатюр ВГУ. На первых порах мои функции ограничивались блужданием по кабинетам и коридорам вслед за флагманом. Лев Ефремович вообще не любит отдавать кому-либо инициативу и стремится сам сделать все и сразу. Помнится, уже позже, в бытность деканом, Кройчик прославился тем, что впереди всего технического персонала бросился в мужской туалет

лет на ликвидацию последствий прорыва канализации.

А тогда мы репетировали «Голубую книгу» Зошенко. Незадолго до премьеры пришла пора строить декорации. Мы вдвоем мотались по кафедрам главного корпуса и выклиничивали где кусок фанеры, где – клоч материи.

Двигаясь с крейсерской скоростью по коридору первого этажа, Лев внезапно цапнул за рукав какого-то инженера-физика и стал ему объяснять:

– Нам для спектакля очень нужно несколько метров такого алюминиевого стержня... с отверстием внутри.

– А где должно быть отверстие? – живо подключился к решению технической задачи собеседник.

Вопрос заставил Льва напрячься.

– Как тебе объяснить? Оно должно идти как бы вдоль. И как бы вглубь.

Физик тщательно осмыслил услышанное, выдержал мхатовскую паузу.

– Лева, я так понимаю, что тебе нужна труба?

Печатается по: Кройчик–70! Однодневная газета факультета журналистики ВГУ. 2004. 26 мая.

Из воспоминаний Г. Полтаева

Будучи знаком с профессором Кройчиком с сентября 1984 года (страной еще правил персонаж по фамилии Черненко), я, естественно, не могу выделить какую-то одну свою встречу с ним. Общение наше происходит, к счастью, почти ежедневно: в конце концов, я имею честь состоять с ним в одной газете. Будни, рутина, труд. И – большое чело-

веческое счастье – разговаривать с ним, читать его тексты. Поэтому мне проще, наверное, сказать, чем именно он, на мой взгляд, занимается.

В России, представляется мне, пошлость разлита в воздухе и растворена в воде. Ее веками вдыхают и пьют, полагая, что это естественный порядок вещей и по-другому никак и нигде не бывает. Иногда неосознанная и глухая тоска по настоящему, по другой жизни прорывается, и эго выливается в революции, оттепели, перестройки, но пошлость быстро берет свое, и все возвращается.

У нас веками с подозрением относятся к тем, кто стремится сохранить собственное, личное достоинство. У нас большую неприязнь испытывают к тому, кто старается иметь свои суждения по любому вопросу. «У нас одно из самых уничижительных оскорблений звучит так: «Тебе что – больше всех надо?»».

Вот Лев Ефремович Кройчик – из того малочисленного племени людей, которым надо больше других. И под этим «больше» имеется в виду вовсе не материальная сторона дела.

Противостоять постоянному давлению пошлости – невыносимо трудно. Противостоять регулярно, изо дня в день, выступая с лекциями, «пиша» заметки в газету и замечательные книги, – значит, взять на себя тяжкий труд часового, охраняющего самый важный пост – душу человека и его разум.

И надо помнить, что труд этот выполняется без особой надежды на то, что придет смена. Потому что времена и эпохи меняются, а смены все нет.

Но ведь дело часового не ждать смены, а стоять на страже того, что он считает важным и дорогим.

Профессор Кройчик эту свою работу исполняет без единого намека на тяжесть, а напротив – с легкостью, изяществом и озорством. Читая его, слушая его, в бестолковости собственного бытия можно разглядеть хоть какой-то смысл. Если он про нас думает, если рассказывает о нашей жизни ловко и умно – стало быть, не совсем уж мы пропащие. Несмотря на всю присущую нам пошлость.

Спасибо профессору, что он напоминает нам, что мы – люди. И за то, что показывает, каким должен быть настоящий часовой.

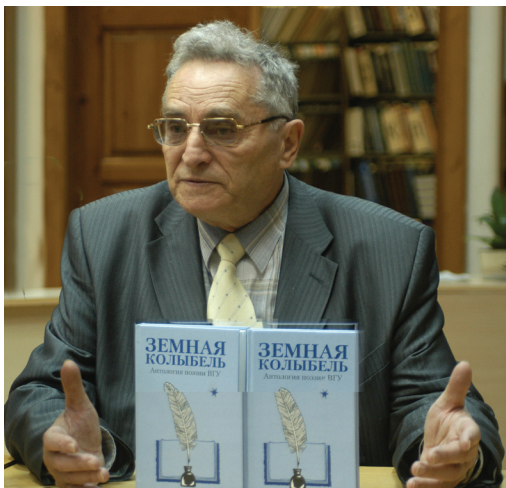
Печатается по: Мой Кройчик. Воронеж, 2014. С. 59–60.

Из воспоминаний Б. Табачникова

Было это лет эдак пятьдесят тому назад. Проходил я практику в одной из школ Ярославля. Подходит ко мне милая, просто очарова-

тельная женщина и говорит: «Боже мой, как вы напоминаете мне моего сына!..» Это была мама Льва Ефремовича, школьный врач. Я подумал тогда: «Хорошо бы с этим сыном познакомиться...»

А поскольку в советской стране все мечты сбываются, то не прошло еще и пары пятилеток, как я оказался в аспирантуре ВГУ, и вот тут-то не просто позна-

комился, а по-настоящему подружился с моим уже тогда знаменитым земляком. Кстати, мне повезло, я знал и отца Льва Кройчика, человека благородного и глубокого, главного врача одной из ярославских поликлиник. Я очень дорожу этой дружбой, которая сама уже подкапывает к полувековому юбилею. И тем не менее я до сих пор поражаюсь многогранной талантливости Льва Ефремовича. Он – Кройчик – Литератор. В полном и высоком смысле этого слова. Но вместе с тем отдельные черты его характера, я не могу об этом умолчать даже в праздник, порой меня обескураживают. Да, Кройчик – это искренность, это откровенность, это прямота. Он никогда не покривит душой, никогда не назовет черное белым, никогда не погрешит против правды. И бывает при этом чрезмерно резок, безогляден. И тогда рядом с ним очень и очень неуютно. Но, может быть, это то, о чем еще в начале минувшего века сказал Александр Блок: «Простим угрюмство: разве это сокрытый двигатель его? Он весь – дитя добра и света, он весь – свободы торжество!»

Печатается по: КроЙчик–70! Однодневная газета факультета журналистики ВГУ. 2004. 26 мая.

Из воспоминаний А. Шишлянниковой

Вместе с юбиляром я работаю сорок лет. И чего только не натерпелась от него за эти годы! Когда пришла на кафедру журналистики преподавать русский язык, мне было чуть больше двадцати, и на этом

основании Кройчик Л. Е. сразу стал называть меня то старой калошей, то старой перечницей, а то и просто старухой. И лишь сейчас, когда характеристика наконец достигла адекватности, – то есть пришла в соответствие с объектом, – Кройчик Л. Е. поумерил свой садизм, и теперь я слышу лицемерное обращение «солнышко». Ну как же не лицемерное?! Солнышко ведь на свете одно, а у Кройчика Л. Е. это каждая вторая (впрочем, как и старая калоша). А однажды я даже услышала в свой адрес – не поверите! –

«умница». «Взятку вымогает», – смекнула я и обреченно полезла в сумку за конфетами.

А чего стоят эти милые имена, которыми наградил меня еще в мои молодые годы юбиляр, – Нюра и Жаннет! Вот так: либо Нюра, либо Жаннет – в зависимости от настроения тирана.

А это его несносное занудство! Уже который год подряд донимает: «Пиши докторскую. Пиши докторскую». И как не поймет человек: нельзя же всех мерить по себе!

А его вечная привычка целоваться при студентах! Подкараулит где-нибудь в людном месте и ну целовать. В темечко. Чтоб непременно прическу испортить.

Так что же я видела от этого человека за сорок лет совместной работы?! Да ничего, кроме хорошего...

Печатается по: Кройчик–70! Однодневная газета факультета журналистики ВГУ. 2004. 26 мая.

«Ставьте высокие цели и добивайтесь их!»

Я искала научного руководителя и от коллеги, который работал над диссертацией, узнала об известном воронежском исследователе Л. Е. Кройчике. Позвонила. Лев Ефремович пригласил в Воронежский университет на весеннюю научно-практическую конференцию. Я приехала.

В огромной аудитории, где проходило открытие мероприятия, мы как-то сразу узнали друг друга. От Л. Е. Кройчика я получила в подарок книгу «Российская провинциальная частная газета», в которой собраны работы исследователей темы из многих регионов России. Лев Ефремович предложил и мне взяться за изучение оренбургских независимых изданий, тем более, что этим вопросом еще никто всерьез не занимался.

На научно-практической конференции факультета журналистики ВГУ я была впервые, впервые же выступала с докладом на секции. В Оренбурге работала ответственным секретарем Союза журналистов Оренбуржья и сама проводила подобные мероприятия, но с научными докладами выступать еще не приходилось. Поэтому мое сообщение было слишком широким и затянутым: хотелось рассказать обо всех газетах, которые выходили в Оренбургской губернии.

Л. Е. Кройчик – руководитель секции истории журналистики – очень корректно остановил мое многословное выступление. Дал послушать как свои работы представляют другие участники конференции. Словом, из Воронежа я уезжала вдохновленной: впечатлений – море, эмоции – зашкаливали. Очень понравился город, люди. Я встретилась с обаятельным, общительным, умеющим вселить надежду Л. Е. Кройчиком. Мы обсудили тему и план будущей диссертации. Впервые я выступила с научным докладом. Верилось: только захочу – и работа напишется... Вдоль городских улиц нежными бело-розовыми свечами цвели каштаны ... мир казался сказочно прекрасным, а любая цель – достижимой...

Потом мне посчастливилось дважды встретиться с Львом Ефремовичем в Самаре. Он легко изящно вводил меня в свой круг. И по его молчаливой рекомендации друзья и коллеги Льва Ефремовича относились ко мне с уважением.

Первая встреча произошла в доме Скобелевых – друзей Л. Е. Кройчика. Он заводил меня в кабинет В. П. Скобелева – когда-то его научного руководителя, ставшего другом на всю жизнь, показывал большой письменный стол Владислава Петровича. Рассказывал, что сам

любит работать именно за таким письменным столом в окружении полок с книгами. «Книги для меня все, – замечал Лев Ефремович. – Вся моя информация оттуда».

Самой памятной была последняя встреча. Состоялась она в сте-

нах факультета журналистики Самарского госуниверситета, где Лев Ефремович преподавал. Я привезла первую главу своего исследования, а Л. Е. Кройчик пригласил меня на семинар, в ходе которого его поздравляли с 75-летием. Встреча проходила в большой аудитории. Царила удивительно теплая, искренняя атмосфера. Льва Ефремовича приветствовали самарские журналисты, а с экрана – коллеги из ВГУ. Запомнилось выступление декана факультета журналистики В. В. Тулупова – емкое, доброе, веселое. О себе, своих делах и планах рассказывал Лев Ефремович. Я тогда почему-то не решилась выступить. И вот говорю слова благодарности через 15 лет, к 90-летию Мастера.

Видный, с удивительной молодой осанкой: очень прямой спиной, откинутыми назад плечами, высоко поднятой головой и легкой походкой, Л. Е. Кройчик умел привлекать, создавать обстановку радости, был замечательным рассказчиком! Его обожали все. Это чувствовалось по взглядам, фразам, отношению. И он любил тех, к кому приехал. «Студенты – мое счастье! – говорил Лев Ефремович. – Каждый раз, когда захожу в молодежную аудиторию, у меня ощущение, что я не старею». С молодыми он был на равных, Льву Ефремовичу верили. И замечательно, что со студентами работал такой мэтр: восхищающий интеллектом, вдохновляющий идеями и победами!

Лев Ефремович пылливо вглядывался в жизнь, говорил правду в глаза, был генератором многих замечательных идей и в Воронежском, и в Самарском университетах, не терял ощущение жизни. Как-то он сказал о счастье бытия: «Завтра будет мой день. Я сделаю то, что не успел сегодня – от этого радость».

Запомнились многие коронные фразы Л. Е. Кройчика, особенно: «Ставьте высокие цели, вставайте на цыпочки и тянитесь к ним!» Эти замечательные слова вошли в мою жизнь, и теперь уже я говорю детям, внукам коллегам: «Ставьте высокие цели и добивайтесь их!»

Лев Ефремович. Жизнь после жизни

Вы, должно быть, знаете (а если нет, рассказываю): я пишу дневники.

Когда это началось, вспоминать не буду. Скажу только, что из дневника возникла моя книга «Со-бытие» [11]. Вторая часть её названия говорит за себя – «Дневник молодого человека».

В книге есть очерк и тоже с говорящим названием – «Лев Ефремович».

Мне сложно писать что-то ещё о Лье Ефремовиче после этого очерка: мне кажется, что там я выложил до предела и добавить к сказанному – нечего. А всё, что хочется и можно добавить, кажется мне уже ненастоящим.

И всё же в этот юбилейный год не сказать о Лье Ефремовиче не могу – нельзя не сказать. Но как это сделать – как сказать?

Я стал искать форму, жанр, подходящие мысли, слова и понял, что вновь возвращаюсь к дневнику. Неисчерпаемый жанр!

Так возник этот текст. Сюда вошли практически все дневниковые записи, связанные напрямую с Львом Ефремовичем. Только писались они уже без него. Все эти пять (Господи, пять) лет.

Может, эти записи покажутся вам слишком личными? Но на то он и дневник, чтобы писать в нём личное. Может, вы подумаете, что часть этих записей не стоило публиковать? Отвечу словами Евгения Водолазкина из романа «Чагин»: «Это ведь только кажется, что дневник пишут для себя. Его пишут – для других. Всякий, кто ведёт дневник, надеется, что его прочтут» [2].

P.S. Наряду с классическими дневниковыми записями вы найдёте здесь посты с моей страницы из соцсети ВКонтакте, адаптированные под печатный текст. Ведь личная страница – это тоже дневник. Только виртуальный – со всеми вытекающими формами. Но дело не в этом: отличие личного дневника от личной страницы в том, что в первом случае – жизнь личная, а во втором – публичная. Но иногда происходит смешение – смещение – форм.

22 апр 2019

(пост в ВК)

Это интервью с профессором Сергеем Владимировичем Савинковым было сделано ещё в начале марта. Тогда об «Играх воображения»

– авторской программе Сергея Владимировича – мы делали совместную работу с Львом Ефремовичем Кройчиком: незабываемые дни и вечера совместных просмотров, интеллектуальных бесед, творческих споров... Итог работы – два текста: «Браво, Сергей Владимирович! Спасибо, профессор Савинков!» – последняя научно-практическая работа Льва Ефремовича, которая будет опубликована в нашем альманахе «Акценты» [4]; и – это интервью [10].

Браво, Сергей Владимирович! Спасибо, профессор Савинков!

5-sov.ru

Сергей САВИНКОВ: «Не по кругу, а по спирали»

[Перейти по ссылке](#)

24 мая 2019

(пост в ВК)

Лев Ефремович ждал эту книгу. Когда Дмитрий Станиславович Дьяков, директор Издательского дома ВГУ, привёз готовый оригинал-макет на окончательную вычитку, учитель сказал: «Я знаю её наизусть» – и написал на первой странице: «В печать. Кройчик». Завтра я передал рукопись в издательство. А послезавтра...

Наверное, это «В печать...» оказалось последним, написанным им. Сегодня, 24 мая, в День славянской письменности и культуры, в главном корпусе университета – презентация книги воспоминаний Льва Кройчика «Тогда...» [7].

Замечательный Андрей Мирошников, актёр Воронежского Камерного театра, читает отрывки из глав, проходя, вслед за автором, по журналу, по жизни, по памяти...

«Тогда. Автобиографические записки»

23 просмотра

26 мая 2019

(пост в ВК)

Сегодня, 26 мая 2019 года, Льву Ефремовичу – 85. Вспоминаю, как ровно год назад, в этот день, поздравлял учителя.

– Павлик, – говорил он, – я как будто за ночь отдаю болезням всего себя, а за день отвоёвываю отданное – жена меня не отдаёт.

– Лев Ефремович, – отвечаю, – жизнь – это же вечная борьба. И этим она прекрасна. А Вы по натуре своей – боец.

– Правда? – усмехнулся он. – Наверное, ты прав...

Странно это немного – говорим о нём так, как будто сейчас в кадре появится он сам.

Когда знаем, что не появится.

Преподаватели факультета журналистики Воронежского госуниверситета
о профессоре Л. Е. Кройчике
34 просмотра

10 июн 2019

(пост в ВК)

«И память-снег летит и пасть не может».

Дмитрий Станиславович Дьяков и Ваш покорный слуга. Юбилейный вечер – памяти – Льва Ефремовича Кройчика. Съёмка Владимира Фокина. Журфак, 130-я аудитория. 27 мая 2019.

Видео от Павла Пономарёва

554 просмотра

[отрывок с моим выступлением на юбилейном вечере]

5 сен 2019

(пост в ВК)

Сам-то я не буду устраивать никакие опросы (а оставлять мнения в комментариях – не воспрещаю). Ибо опрос «pro et contra» априори некорректен. Потому что – грубо говоря – выглядит это так: «Вы за Кройчика или против?»

Тут дело ещё вот в чём. Кроме журналистского сообщества, безусловно близкого Льву Ефремовичу, есть ещё более близкие ему люди – его семья. Почему бы не узнать их мнение?

И дело даже не в том, что цели Льва Ефремовича как журналиста и педагога не совпадают с целями организаторов конкурса (что ни говори – Олег Григоренко прав). Но надо помнить, что Лев Ефремович был ещё великим романтиком и идеализатором (в хорошем смысле слова). И всегда верил в лучшее. И поэтому времена пройдут, мода сменится, приоритеты сдвинутся – но что-то вечное останется. Что-то от Льва Ефремовича (честность? порядочность? справедливость?).

Воронежскому областному конкурсу по журналистике может быть присвоено имя Льва Кройчика

vrntimes.ru

Электронное издание «Время Воронежа»,
публикация от 5 сентября 2019 г.

Воронежское облправительство 5 сентября опубликовало в своём телеграм-канале анонимный опрос по поводу присвоения областному конкурсу по журналистике имени Льва Кройчика. На момент публикации материала было отдано 97 голосов, из которых «за» – 66. В то же время воронежский дом журналистов (Домжур) в своей группе

в фейсбуке [принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена в РФ] проводит подобный опрос.

<...>

Олег Григоренко:

– Мне кажется, конкурсу, который организуют областные власти, не надо присваивать ничего имени. Это конкурс, который организует областное правительство – не больше и не меньше. Вряд ли цели, которые ставил перед собой Лев Ефремович и как журналист, и как преподаватель, полностью совпадали с целями организаторов конкурса [8].

В сентябре 2019-го номинация «Дебют года» Воронежского областного конкурса по журналистике получила имя Льва Кройчика.

28/X-19, понедельник, Воронеж, 21:58

(запись в дневнике)

Вчера вешал фото Льва Ефремовича на стену в его домашнем кабинете. Вешаю – а фотография переворачивается – влево с моей стороны и вправо с его. Как ни поверну – отворачивается в сторону.

– Что-то с этой фотографией не так, – говорю Рите Николаевне [Рита Николаевна Кройчик – жена Льва Ефремовича], – Лев Ефремович смотрит в сторону. И ничего с этим не сделать – это всё его упёртый характер.

– Он всегда был верен своим взглядам, – отвечает из другой комнаты Р. Н.

29/X-19, вторник, Воронеж, 22:11

(запись в дневнике)

Осколок эпохи Алла Борисовна Ботникова.

Принёс ей новую последнюю книгу Льва Ефремовича «“Дядя Ваня” Антона Павловича Чехова на сцене Воронежского Камерного театра» [6].

<...>

Уходя, вспомнил Льва Ефремовича – его слова об А. Б.; чувства к ней, пронесённые по жизни.

...Он познакомился с ней, будучи студентом. Были её занятия по зарубежной литературе. Было его выступление на комсомольском собрании, где он, подсчитав объём страниц задаваемой литературы, возмущался этим объёмом и потребовал его сокращения. (Об этом спустя полвека А. Б. напишет в своих воспоминаниях, говоря о том, каким

был будущий профессор и советуя ему ещё тогда прочитать Стендаля. Ученик совета придержался – правда, уже после завершения учёбы.)

Более осознанное их знакомство состоялось уже в шестидесятых, после возвращения Л. Е. в Воронеж из Шебекина. С тех пор и была та тёплая, наполненная смыслом, светом и совестью дружба.

– Я кстати пишу здесь о «Дяде Ване», – указывая на свою книгу «Театр Михаила Бычкова» [1], написанную в соавторстве с мужем, З. Я. Анчиполовским, заметила А. Б.

– Лев Ефремович, конечно же, знал? И в чём-то, наверное, даже опирался?

– Мне хочется в это верить, – ответила А. Б. И было в этой фразе что-то несокрушимое.

Вся жизнь Л. Е. прошла под невидимым, но совершенно чётко наличествующим покровом А. Б. – в её физическом и метафизическом присутствии. В её «ангельстве-хранительстве».

...Был Лёвка Кройчик – балагур, хохмач и жизнелюбец. Сгусток жизненной энергии, вечно бьющий ключ. Метеор. Метеорит – кусок космического металла.

И была всё это время при нём Алла Борисовна Ботникова – немеркнущая звезда, освещавшая путь – траекторию этой кометы.

И вот – метеорит упал и сгорел.

А звезда – по-прежнему светит. И путь от этого кажется бесконечным [12].

6/XII-19, пятница, 21:55, Воронеж

(запись в дневнике)

Надя Третьякова, когда увидела у меня в квартире фотографии Льва Ефремовича и Л. [бывшей девушки], стоящие рядом:

– Паша, это кто – твоя мама?

– Мама, Наденька, мама...

– А это дедушка?

– Дедушка, Наденька, дедушка.

– А почему нет фотографии, где вы все вместе?

15 марта 2020, Воронеж (15:25)

(запись в дневнике)

Сегодня – ровно день в день, в одно и то же время – пошёл снег (для минувшей зимы – явление редкостное). Такой же точно, как ровно год назад – 15 марта 2019 года – за день до инсульта, случившегося у Льва Ефремовича 16/III-19.

Ровно год назад – в тот день – он меня не принял у себя. Потому что плохо себя чувствовал.

Пока Рита Николаевна бегала по больнице, пытаясь вызвать на дом терапевта (безрезультатно!), с Л. Е. была Наташа [Наталья Львовна Серобян – дочь Льва Ефремовича]. Выйдя на балкон – вдохнуть свежего воздуха (на улицу сил выйти не было), – Лев Ефремович сказал тогда:

– По-моему, мне п...ц!

В тот день я отнёс и передал Тамаре Александровне Дьяковой (встретились на журфаке) вёрстку «Тогда...», подписанную 14/III-19 в печать – последняя запись, сделанная им. Были при этом Дмитрий Станиславович и я. Лев Ефремович не стал вычитывать вёрстку, как это положено, а сказал только:

– Я её знаю наизусть.

Отдал Рите Николаевне, которая поправила пару моментов, а потом – мне:

– Завтра отнесёшь.

Мрачная, давящая, будто предвещающая беду обстановка: за окном сумерки, в комнате – жёлтый больной электрический свет, на столе – лекарства и медицинские предметы, в квартире – запах болезни. Она будто поразила сам воздух, который нас окружал.

Уходя, смотрю на истерзанное несчастьем лицо Риты Николаевны, закрывающей за мной дверь. Прощаюсь, говорю что-то в духе «держитесь» (какая банальщина!) и добавляю:

– Вам ещё ночь пережить.

Почему тогда так сказал – не знаю.

У себя в квартире листаю вёрстку, тоже делаю пару правок, больше технического характера. (Имел право? Имел – исправили.)

Когда отдавал вёрстку Тамаре Александровне, та спросила:

– Как он?

Ничего, по-моему, не ответил, а только жестом дал понять, что неважно.

Дмитрий Станиславович, когда уходил 14-го от Л. Е. (а я провожал и закрывал дверь) сказал:

– Сил вам, Паша – если что, сразу звоните.

15-го не попал к Л. Е. Он не сказал, что ему плохо (хотя весь день давал об этом знать Р. Н.) – он сказал:

– Павлик, у нас много работы – работай, не отвлекайся.

(Это он – про наш общий материал: его – эссе, моё – интервью, об авторской программе (на журфаке) С. В. Савинкова «Игры воображения» [4; 10].)

Вечером он мне позвонил последний раз (вернее, Р. Н. набрала номер, а Л. Е. разговаривал):

– Павлик, у меня деньги на телефоне кончаются – ты можешь сходить положить двести рублей? Я тебе завтра верну.

А завтра случилось непоправимое.

Сегодня природа будто напоминает о трагедии, случившейся год назад, повторяясь в своём снеге и солнце – таких противоположных друг другу, таких по-мартовски непостоянных. Тогда, год назад, 15/III-19, в телефонном разговоре Л. Е. мне сказал, прощаясь (тогда казалось – до завтра, знать бы, что – навсегда):

– Павлик, работай – я тебя обнимаю и люблю.

29 мая 2021

(пост в ВК)

Май – всегда праздничный и грустный.

На этой неделе, 26-го, – день рождения Льва Ефремовича.

На прошлой неделе на журфаке прошла традиционная майская конференция.

В этом году – памятная: 60 лет начала подготовки журналистского образования в Воронеже.

Тема доклада (моего): «Лев Кройчик у истоков воронежской педагогической школы журналистики».

Конечно, не он один – он один из...

Но так совпало: время и человек вызвали друг друга к действию – к со-действию.

Мои любимые шестидесятые.

Мои любимые шестидесятники.

На улице – жара.

А так хочется оттепель...

На факультете журналистики ВГУ прошла ежегодная научно-практическая конференция

www.vsu.ru

5 апр 2022

(пост в ВК)

Долгожданный и важный – лично для меня – номер наших «Акцентов», издающихся на журфаке.

Через неделю – три года, как нет Льва Ефремовича. Две главы из его неопубликованной повести [5] – очень кстати.

Когда писал рецензию на эту повесть, не думал, что так оно сложится.

Тем острее и нужнее всё то, что написано – и в повести, и в рецензии [9].

Повесть написана в 1977-м.

Рецензия закончена 31 декабря 2021-го – в последний день последнего мирного года.

22 авг 2022

(пост в ВК)

Из поста Гриши Шувалова узнал, что не стало Владимира Ивановича Гусева – писателя, критика, литературоведа. Одного из старейших преподавателей Литинститута. Для Воронежа имя тоже знаковое – наверное, единицы остались из тех, кто помнит, что литературную карьеру Владимир Иванович начинал в Воронеже. Выпускник истфилфака ВГУ 59-го года, шестидесятник, хорошо знавший Жигулина, Прасолова, писавший о них, он – в плане литературной карьеры – пошёл дальше них, перебравшись в 60-х в Москву, получив литературное имя, а затем – и литературные премии, и литературные места – в креслах литературных чиновников. Личность неоднозначная: по одним мнениям, переоценённая, по другим – недооценённая... Не мне судить. Но то, что ещё одна страница новейшей истории отечественной литературы перевёрнута – факт печальный и неоспоримый. И то, что мы уже не встретимся (а я много думал об этой встрече – хотел ухватиться за краешек эпохи, уходящей неотвратимо) – тоже печальный факт.

P.S. В 1973 году в Москве вышел сборник прозы Владимира Гусева «Огонь в синеве» [3]. Один из автобиографических рассказов посвящён студенчеству – поездке на картошку. Один из главных героев – однокурсник Вл. Гусева Л. Кройчик.

(Фото сделаны с обложки и страницы дарственного экземпляра, хранящегося в домашнем архиве Риты Николаевны Кройчик.)

«Лёве Кройчику с неизменным добрым чувством, в память обо всех Медвежьих, где мы бывали.

В. Гусев»

13/III-23, Воронеж (22:21)

(запись в дневнике)

Валерия Вячеславовна Колесникова [зав. кафедрой электронных СМИ и речевой коммуникации журфака ВГУ] рассказала, что ей се-

годняшней ночью приснился сон (в аккурат перед моим интервью на журфаковской телестудии).

Занятия в творческой лаборатории по критике, которые ведут Лев Ефремович и Наталья Николаевна Козлова [доцент кафедры журналистики и литературы ВГУ]. Экзамен. Я сдаю экзамен. Сам экзамен принимает Наталья Николаевна, а пересдачу – Л. Е. И я говорю, что в таком случае иду сразу на пересдачу.

Самое интересное, что сегодня на интервью я рассказывал как раз про занятия в лаборатории.

5/VII-23, 12:55 (среда; Москва)

(запись в дневнике)

Сегодня будет «Где мы?∞!...» [спектакль Театра сатиры]. Дай Бог, что туда попаду. Дай Бог, что не будет накладок с билетами. Дай же, Бог!..

Я предложил второй билет – Ванькин [мой родной брат] (он не поехал после того, как спектакль перенесли с первоначальной даты – 26 мая (день рождения Л. Е.)) – ей. Л. Через А... [её сестру]. Я ждал её ответ. Я до последнего верил, что она согласится. Я дурак!

Если бы был такой человек (существо?), которому можно было бы рассказать всё – всё, как есть, – и он сказал бы, что нужно делать, чтобы было хорошо... И ты бы так сделал, и на самом деле стало бы хорошо.

Человек/существо-утешение. Человек/существо, который(ое/ая?) – когда не останется ни-че-го – был бы всегда спасением. Человек, в котором ты находил бы покой.

Запись, сделанная на билете 6/VII-23 г.
в Воронеже после приезда из Москвы

Щемящее чувство доброты и всеобъемлющей любви – к каждому, каждому человеку. Человеческий спектакль. Спасибо, Господи. Слава А. Ш.

6/VII-23, четверг (Воронеж; 20:13)

(запись в дневнике)

К Л.

Ты давно для меня стала тем невидимым (да и не ощущаемым) образом, который уже оторвался от тебя реальной. Он существует в моей голове – в моей больной голове; он существует в той субстанции, которую люди договорились называть душой – в моей душе; в моей больной душе. И что с этим делать, не понятно.

«Врач лечит человека.

А кто вылечит врача?»

Это – из «Где мы?∞!...». Монолог психиатра, которого играет великолепный Юрий Нифонтов. Которого (психиатра) вылечивает старый клоун Зарайский (Ширвиндт). Который (Зарайский-Ширвиндт) – и Человек, и Бог, и Любовь. И врач становится священником, потому что у священника больше шансов вылечить душу, чем у психиатра.

...Возвращаюсь всякий раз к тебе, потому что ничего счастливее тебя в моей жизни не было. Только детство, только мама с папой, только родные... Но всё это прошло. Мама с папой далеко. Я – ещё дальше. Следуя логике, я должен и от тебя уйти (не ты от меня, а я – от тебя). Но обязательно к чему-то прийти.

А я не пришёл.

Может, пока не пришёл.

Но идёт время. И уходит. И его уже не остаётся. Кто знает, что будет завтра? Мята, война... Революция, война... Да, может, ничего не будет! Меня не будет. И уйти, когда ты так и не узнаешь, не услышишь, не прочтёшь всего этого... Какой никчёмной окажется жизнь!

Это ужасно? Не дай Бог никому? Потому что можно сойти с ума, можно свести счёты с жизнью? Дай выход. Хоть что-нибудь. Хоть какую-то возможность. Хоть каждый месяц приносить тебе письма! Просто звонить тебе в дверь, слышать, как ты поворачиваешь замок, видеть тебя в дверях, отдавать тебе письмо, минуту смотреть в глаза – и бежать. Хотя бы так.

7/VII-23, пятница (Воронеж; 8:24)

(запись в дневнике)

Нет меня,

нет меня,

нет –

меня

не отменяй.

(Культура отмены.)

Когда на сцену вышел Александр Анатольевич Ширвиндт, зал раздался неимоверными аплодисментами. Оно и понятно, почему так – объяснять не надо. Это непередаваемое чувство, как будто перед тобой сейчас Господь Бог, и ты в эту минуту счастлив. Это – минута истины. Истинной жизни.

Видно, как физически тяжело даётся ему роль. Сознание – абсолютно ясное, а тело...

И он преодолевает.

Соппротивление материала.

В этом существовании – и в жизни, и на сцене – я нашёл много общего у него с Л. Е.

Вообще старые евреи похожи друг на друга – они мудрые и ироничные.

Но дело не в этом.

Лев Ефремович в своих последних работах – книгах, статьях – попрощался с нами.

А. А. тоже прощается.

Он играет прощание, хотя и играть-то ничего не приходится – всё из жизни. Всё, что он сейчас играет – это его жизнь. И уже ушедшая, и – ещё уходящая.

Господи, пусть она уходит ещё долго, долго и, наконец, надоев своим уходом, – не уйдёт никогда.

Литература

1. Анчиполовский З. Я., Ботникова А. Б. Театр Михаила Бычкова. – Воронеж, 2019.
2. Водолазкин Е. Чагин. URL: <https://readli.club/page-64-15077-chagin-evgenii-germanovich-vodolazkin.html> (дата обращения: 15.03.2023).
3. Гусев В. Огонь в синеве. М., 1973.
4. Кройчик Л.Е. Bravo, Сергей Владимирович! Спасибо, профессор Савинков! // Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2019. № 5–6. С. 35–36.
5. Кройчик Л. В ста километрах от войны (главы из неопубликованной повести) // Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2022. № 1–2. С. 38–47.
6. Кройчик Л. Е. «Дядя Ваня» Антона Павловича Чехова на сцене Воронежского Камерного театра. Воронеж, 2019.
7. Кройчик Л. Е. Тогда...: автобиографические записки. Воронеж, 2019.
8. Пономарев П. Воронежскому областному конкурсу по журналистике может быть присвоено имя Льва Кройчика // Время Воронежа. 2019. 5 сент. URL: <https://vrntimes.ru/articles/analitika/voronezhskomu-oblastnomu-konkursu-po-zhurnalistike-mozhet-byt-prisvoeno-ima-lva?ysclid=luw7916ek4181120144>
9. Пономарёв П. Забытая повесть, или Завещание Льва Кройчика // Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2022. № 1–2. С. 47–52.
10. Пономарёв П. «Игры воображения» профессора Сергея Савинкова — к проблеме организации диалога в образовательном и коммуникативном процессе // Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2019. № 5–6. С. 37–39.
11. Пономарёв П. Со-бытие. Дневник молодого человека. Воронеж, 2020.
12. Пономарев П. Эпоха А. Б. // Мысли(!). 2022. № 6. С. 14–15.

Человек в плаще и берете

Со Львом Ефремовичем Кройчиком с 1988 года мы жили в соседних подъездах, и девять лет до поступления на журфак я видела его едва ли не каждый день из окна. (До журфака знакомы мы не были. Дом огромный, многоквартирный – хорошо если знаешь соседей по лестничной клетке.) Этот колоритный человек в берете и плаще нараспашку притягивал мой детский взгляд всякий раз, когда видела его входящим из арки во двор. Шагал он быстро, но спину держал очень ровно, широко расправив плечи.

При этом в походке этого человека была плавность и даже вальяжность. В одной руке сосед чаще всего нес интеллигентский портфель, в другой нередко – тряпичную авоську с продуктами. Добавляя эту деталь в портрет всеми любимого знаменитого воронежского журналиста, театрального критика, гремевшего на весь СССР режиссера студенческого театра миниатюр, а также одного из известнейших преподавателей воронежского университета, доктора наук, я вовсе не хочу снизить пафос разговора о нем. Напротив – мне хочется сказать о другом Льве Ефремовиче, «непарадном».

Спустя годы став младшей коллегой профессора Кройчика, я постоянно была свидетельницей того, как прежде чем отправиться домой после занятий, он непременно звонил супруге:

– Мурочка (так он называл свою Риту Николаевну), я выхожу. Что нужно купить?

И после мы шли, вели наши разговоры обо всем на свете, по пути заходили в магазин, где перед кассой Лев Ефремович доставал уже

знакомую мне авоську. Покупками, как настоящий добытчик, в семье занимался он. Даже став уже довольно пожилым человеком, профессор никогда не позволял Рите Николаевне носить сумки. Мы, соседи, ведь все видим из окна!

Как часто человек в плаще и берете выходил с двумя маленькими мальчиками во двор погонять мяч! На лицах всех троих – горячий азарт. Дети шумят и радостно смеются так, что слышно в мою открытую форточку на третьем этаже. Я еще не знала тогда, что эти шустрые горошинки – любимые внуки Илья и Митя, подарившие ему в том числе творческие псевдонимы «Д. Митькин» и «Д. Ильин», которыми Лев Ефремович подписывал свои публикации в «Воронежском курьере». «Д» означала «дед»...

Фотографии детей и внуков, а также собственных родителей были расставлены на книжных полках в домашнем кабинете профессора Кройчика. Он любил о них рассказывать. Даже студенты всегда знали, что любимые имена Льва Ефремовича – Наталья и Сергей, имена его дочери и сына. И потому я никогда не воспринимала его отдельно от семьи, вне этого важного в жизни каждого человека контекста.

Никогда не забуду телефонного разговора, случайно произошедшего в моем присутствии в августе 2008 года. Льву Ефремовичу звонил сын Сергей, возвращавшийся из журналистской командировки в Абхазию, где только что завершилась так называемая «Пятидневная война 08.08.08». Я была поражена, насколько трогательно и тепло обращался к 42-летнему сыну мой начальник, бывавший в иных обстоятельствах и грозным, и строгим! В каждом слове, интонации звучала нежность, страшное волнение о ребенке, оказавшемся рядом с войной, со смертью. И конечно – счастливое облегчение оттого, что он цел и невредим...

А еще мне, глядевшей в окно девчонке, всегда казалось, что этот примечательный сосед в сером плаще очень похож на главного героя детективного сериала «Лейтенант Коломбо», который показывали в начале 2000-х. И плащи у них были одинаковые, и прически. Как-то, будучи уже аспиранткой профессора Кройчика, я сказала ему об этом. В ответ Лев Ефремович вдруг молча встал и направился к выходу. «Неужели обидела?!» – я внутренне сжалась. Но у шкафа остановился, надел свой серый плащ и... немного ссутулившись, прошелся по кафедре походкой киношного следователя! Точь-в-точь! Наклонил голову к плечу, как это делал Коломбо, искоса хитро на меня посмотрел и, добавив хрипотцы голосу, спокойно сказал:

– А вот моя жена Рита интересуется (даже этот речевой прием Лев Ефремович скопировал у сериального детектива! – тот всегда выводывал что-то у подозреваемых, ссылаясь на «интерес» супруги), – когда же аспирантка Сергунина мне последнюю главу диссертации принесет.

Восторгу моему не было предела! До этого мне никогда не приходилось быть участницей актерских импровизаций!

Артистизм и обаяние наряду с добротой и вниманием к людям всегда отличали Льва Ефремовича. И потому – я в этом уверена! – общение с таким человеком – одна из ярких страниц в жизни каждого, кто с ним работал, кто у него учился или просто пересекался.

Поэт Евгений Евтушенко писал: «Не люди умирают, а миры». Мир Льва Ефремовича Кройчика был огромен! Мне всегда казалось, что он до краев наполнен интересными людьми, блеском, восторгами, творчеством и удовольствием, приносимым им. Были в нем и тяжелая работа, боль и разочарование...

С гордостью и благодарностью судьбе думаю о том, что и я была частью этого мира. Он же всегда будет частью мира моего.

Короче говоря, это Кройчик

Рассказывают такой анекдотический случай. Иностранный студент, ещё не очень хорошо говоривший по-русски, зайдя на одну из кафедр, удивленно спросил: «Неужели ваш Кройчик такой же знаменитый, как Ленин? Везде – на улицах, в магазинах, в театрах – только и слышишь: Кройчик говорил... Кройчик говорил... Кройчик говорил!...». Как выяснилось потом, парню слышалось «Кройчик», когда люди произносили обычное «Короче говоря».

Будучи начинающим аспирантом, я тоже постоянно слышал эту фамилию, хотя лично не был знаком с легендой ВГУ. Потом мне показали энергичного, стремительного, высокого человека, к которому и подойти-то было страшно. Но какое-то время спустя я даже имел счастье побывать у него дома «на Юго-Западной», где Кройчик, облачённый в домашнее, вёл себя вполне прилично и даже в достаточно вежливой форме дал несколько дельных советов по поводу моей будущей кандидатской диссертации...

Мы встретились с ним в Москве, в Протвино, снова в Воронеже – Кройчик оставался таким же знаменитым, но вполне доступным (мог запросто поздороваться, поговорить о погоде и видах на урожай). Близко же я узнал Льва Ефремовича, когда прошёл конкурс на заведывание кафедрой теории и практики журналистики. Он тогда был деканом, и Вадим Георгиевич Кулиничев, заходя в деканат, непременно громко спрашивал у секретарей: «Тиран на месте?» На что из кабинета доносилось радостное: «Я здесь! Заходите!».

Наблюдая и изучая жизнь Кройчика, я заметил, что этот – по сути очень ленивый человек – любит трудиться. Хитрость (да, да, Кройчик ещё тот хитрец) состоит в том, что он любит заниматься тем, чем любит заниматься. Помимо поедания в огромном количестве шоколадных конфет (если я слышу шаги Кройчика, идущего по коридору, а в это время на деканатском столе лежит открытая коробка, я тут же даю команду: «Прячьте конфеты – Кройчик идёт!»), он любит:

читать книги и писать на них рецензии (см. рубрику «Сигнальный экземпляр» в «Воронежском курьере», которую он ведёт уже многие годы, скрываясь под псевдонимами «Митькин» и «Илюшин»);

смотреть спектакли и также писать на них рецензии (за что – корыстный! – то и дело получает премии как лучший театральный критик);

смотреть футбол и звонить мне по телефону (если «Спартак» проигрывает, он предлагает меня уволить с работы, если выигрывает – ничего не предлагает);

говорить, говорить, говорить (на лекциях, заседаниях кафедр, советов факультета, диссертационных советов, на конференциях, методических семинарах, в коридорах и кабинете декана факультета журналистики ВГУ и других факультетов России, где также был замечен в студенческих аудиториях);

писать умно, т.е. научно, и не очень умно, т.е. смешно (см. сотни его научных публикаций и несметное количество газетных интервью под рубрикой «Тет-а-тет», фельетонов под рубрикой «Сто строк в конце недели», а также монографии, художественные и публицистические книги и сборники);

создавать театры, писать сценарии, ставить спектакли, писать для них песни, а иногда (о, ужас!) даже петь или чего-то представлять на сцене (см. почти сорокалетнюю историю Театра миниатюр ВГУ);

руководить кафедрой, наводить чистоту в местах общественного пользования, звать за собой, обижаться на вышестоящих начальников и периодически грозить им уйти с работы, целоваться с представительницами слабого пола, заразительно смеяться над остроумными анекдотами, дружить с хорошими людьми, воспитывать внуков, уставать и отдыхать, работая на даче...

Короче говоря, много чего любит Кройчик.

А мы любим его!

Печатается по: Тулупов В. В. Это было недавно, это было давно...: автобиографические записки. Воронеж, 2021. С. 70–71.

Наши авторы

БАРАННИКОВА Ольга Владимировна – выпускница факультета журналистики Воронежского государственного университета 1995 г., главный специалист Департамента корпоративных коммуникаций ОАО «Российские железные дороги».

БЕЛУНОВА Анна Иосифовна – выпускница отделения журналистики филологического факультета Воронежского государственного университета 1981 г., заместитель редактора газеты «Районные будни», г. Рыльск Курской области.

БОНДАРЕВ Алексей Викторович – выпускник отделения журналистики филологического факультета Воронежского государственного университета 1980 г., детский писатель.

БЫКОВА (КОРАБЛЕВА) Наталья Георгиевна – выпускница факультета журналистики Воронежского государственного университета 1995 г., заместитель председателя профсоюзного комитета АО «НПП «Исток» им. А.И. Шокина», г. Фрязино Московской области.

ГААГ (СЫЧИНА) Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ГЛАДЫШЕВА Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ГРОЗДАНОВ Феликс Тодорович – выпускник факультета журналистики Воронежского государственного университета 2003 г., кандидат филологических наук, руководитель отдела культуры и светской хроники Интернет-газеты «Дни.ру».

ЖДАНОВА Людмила Сергеевна – выпускница факультета журналистики Воронежского государственного университета 1995 г., ведущий специалист аппарата уполномоченного по правам человека в Воронежской области.

ЗОЛОТАРЕВ Леонид Николаевич – выпускник факультета журналистики Воронежского государственного университета 2015 г.

ЗОЛОТУХИН Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

КОЛОБОВ Владимир Васильевич – доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики Воронежского государственного университета.

КОНДРАТЕНКО Алексей Иванович – выпускник факультета журналистики Воронежского государственного университета 1986 г., доктор филологических наук, заведующий методическим отделом Бю-

жетного учреждения культуры Орловской области «Орловский Дом литераторов».

КРАСНООК (ЛУХАНИНА) Светлана Леонидовна – выпускница отделения журналистики филологического факультета Воронежского государственного университета 1985 г., учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы №102 г. Воронежа.

КИЧЕВА Патимат Омаровна – выпускница факультета журналистики Воронежского государственного университета 1995 г., старший преподаватель кафедры периодической печати отделения журналистики филологического факультета Дагестанского государственного университета, 1998–2018.

КРИВЕНКО Борис Владимирович (1924–2003) – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и литературного редактирования факультета журналистики Воронежского государственного университета.

КРОЙЧИК Лев Ефремович (1934–2019) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

КУЛИНИЧЕВ Вадим Георгиевич (1942–2000) – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики журналистики факультета журналистики Воронежского государственного университета.

МЕЛЕХОВА Ирина Владимировна – выпускница факультета журналистики Воронежского государственного университета 2003 г., соучредитель музыкального лейбла CD Land music, г. Москва

НОВИКОВ Петр Иванович – старший преподаватель кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ОВСЕЙКО Валентина Ивановна – соискатель кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ПОЛТАЕВ Герман Вахаевич – выпускник факультета журналистики Воронежского государственного университета 1992 г., редактор портала «Горком36».

ПОНОМАРЕВ Павел Алексеевич – аспирант факультета журналистики Воронежского государственного университета.

САНДЛЕР Людмила Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации факультета журналистики Воронежского государственного университета.

СЕРГУНИНА Наталья Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

СМИРНОВ Александр Тихонович (1945–2003) – старший преподаватель кафедры теории и практики журналистики факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ТАБАЧНИКОВ Бронислав Яковлевич – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики гуманитарного, художественно-эстетического образования, физической культуры и основ безопасности жизнедеятельности Института развития образования имени Н. Ф. Бунакова.

ТАРАСЕНКО Николай Павлович – выпускник отделения журналистики филологического факультета Воронежского государственного университета 1978 г., кандидат экономических наук, обозреватель электронной газеты «Век».

ТУЛУПОВ Владимир Васильевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ФЕДОРОВА Мария Алексеевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории журналистики и журналистского мастерства филологического факультета, 1981–1988; преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры стилистики и литредактирования факультета журналистики Воронежского государственного университета, 1988–1990; профессор кафедры иностранных языков факультета гуманитарных наук Тель-Авивского университета (Израиль), 1991–1994.

ХАУСТОВ Павел Владимирович – выпускник факультета журналистики Воронежского государственного университета 2022 г.

ХОРОЛЬСКИЙ Виктор Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ШИШЛЯННИКОВА Анна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации факультета журналистики Воронежского государственного университета.

Оглавление

<i>С. Гладышева.</i> «Мне трудно без России»: журналистика в творческой судьбе Н. А. Оцупа.....	3
<i>Л. Жданова.</i> Освещение деятельности ветеранской организации органов внутренних дел Воронежской области ВКонтакте.....	13
<i>Н. Козлова.</i> «Реальное изучение самих себя». Подходы к освещению вопросов истории в журнале «Вестник Европы» (1866–1918 гг.).....	17
<i>А. Кондратенко.</i> Ранняя публицистика Н. С. Лескова: реальность и текст.....	23
<i>В. Овсейко.</i> Независимый «Оренбургский край» (1892–1895 гг.) – газета местной интеллигенции.....	35
<i>Н. Сергунина.</i> Способы репрезентации современной культурной жизни США в журнале «Нью-Йоркер».....	43
<i>В. Хорольский.</i> Публицистичность драмы: постмодернистский стиль Т. Стоппарда.....	48
Кривенко Борис Владимирович.....	55
<i>А. Кондратенко.</i> Один из первых.....	56
<i>Б. Кривенко, В. Кулиничев, А. Смирнов.</i> Крепнет союз пера, микрофона и камеры.....	58
<i>Б. Кривенко.</i> Так говорят на телевидении.....	64
<i>Л. Кройчик.</i> Человек пришел с войны.....	73
Педагог. Ученый. Человек.....	75
<i>П. Хаустов.</i> Военная история Бориса Владимировича Кривенко.....	81
Кройчик Лев Ефремович.....	90
<i>О. Баранникова.</i> Лахудра, или О целеполагании Кройчика.....	91
<i>С. Гладышева.</i> О его ярославском детстве.....	96
<i>В. Колобов.</i> В ожидании чуда.....	98
<i>Л. Кройчик</i> ... И быть живым!.....	105
<i>Л. Кройчик.</i> Когда б земля вращаться стала.....	109
Наш Кройчик	110
<i>В. Овсейко.</i> «Ставьте высокие цели и добивайтесь их!».....	121
<i>П. Пономарёв.</i> Лев Ефремович. Жизнь после жизни.....	123
<i>Н. Сергунина.</i> Человек в плаще и берете.....	134
<i>В. Тулунов.</i> Короче говоря, это Кройчик.....	137
Наши авторы.....	139

Научное издание

БЫЛОЕ И МЫ

Ответственный редактор – доц. С. Н. Гладышева
Корректоры: Т. П. Коновалова, Е. В. Курасова, Е. А. Ряжских
Компьютерная верстка: П. И. Новиков

Подписано в печать 20.05.24. Формат 60х84 1/16
Гарнитура Times New Roman
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 8.37 Тираж 100 экз.

Воронежский государственный университет
Факультет журналистики
394068, Воронеж, Хользунова, 40-а
Тел. (473) 274-52-71 E-mail:vlvtul@mail.ru

Отпечатано в типографической лаборатории
факультета журналистики ВГУ